

ЭНТОНИ ТРОЛЛОП



ВОТ ТАК МЫ ТЕПЕРЬ ЖИВЕМ



ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ!

И

Большой роман (Аттикус)

Энтони Троллоп

Вот так мы теперь живем

«Азбука-Аттикус»

1875

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Троллоп Э.

Вот так мы теперь живем / Э. Троллоп — «Азбука-Аттикус»,
1875 — (Большой роман (Аттикус))

ISBN 978-5-389-23301-0

Впервые на русском (не считая архаичных и сокращенных переводов XIX века) — один из главных романов британского классика, современная популярность которого в англоязычном мире может сравниться разве что со славой Джейн Остин (и Чарльза Диккенса). «Троллоп убивает меня своим мастерством», — писал в дневнике Лев Толстой. В Лондон из Парижа прибывает Огастес Мельмотт, эсквайр, владелец огромного, по слухам, состояния, способный «покупкой и продажей акций вознести или погубить любую компанию», а то и по своему усмотрению поднять или уронить котировку национальной валюты; прошлое финансиста окутано тайной, но говорят, «якобы он построил железную дорогу через всю Россию, снабжал армию южан во время Войны Севера и Юга, поставлял оружие Австрии и как-то раз скупил все железо в Англии». Он приобретает особняк на Гровенор-сквер и пытается купить поместье Пикеринг-Парк в Сассексе, становится председателем совета директоров крупной компании, сулящей вкладчикам сказочные прибыли, и баллотируется в парламент. Вокруг него вьются сонмы праздных аристократов, алчных нуворишей и хитроумных вдовушек, руки его дочери добиваются самые завидные женихи империи — но насколько прочно основание его успеха?.. Роман неоднократно адаптировался для телевидения и радио; наиболее известен мини-сериал Би-би-си 2001 г. (на российском телевидении получивший название «Дороги, которые мы выбираем») в постановке Дэвида Йейтса (впоследствии прославившегося четырьмя фильмами о Гарри Поттере и всеми фильмами о «фантастических тварях»). Главную роль исполнил Дэвид Суше, всемирно известный как Эркюль Пуаро в сериале «Пуаро Агаты Кристи» (1989-2013).

УДК 821.111

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-23301-0

© Троллоп Э., 1875

© Азбука-Аттикус, 1875

Содержание

Глава I. Три редактора	7
Глава II. Семейство Карбери	12
Глава III. «Медвежий садок»	16
Глава IV. Бал мадам Мельмотт	20
Глава V. После бала	27
Глава VI. Роджер Карбери и Пол Монтегю	29
Глава VII. Ментор	34
Глава VIII. Влюбленный	39
Глава IX. Великая железная дорога в Вера-Крус	43
Глава X. Успех мистера Фискера	48
Глава XI. Леди Карбери у себя дома	53
Глава XII. Сэр Феликс в доме своей матери	59
Глава XIII. Лонгстаффы	62
Глава XIV. Усадьба Карбери	67
Глава XV. «Не забывайте, что я его мать»	71
Глава XVI. Епископ и католический священник	77
Глава XVII. Мари Мельмотт выслушивает признание в любви	83
Глава XVIII. Руби Рагглз выслушивает признание в любви	89
Глава XIX. Гетта Карбери выслушивает признание в любви	92
Глава XX. Обед у леди Помоны	98
Глава XXI. У них все бывают	101
Глава XXII. Принципы лорда Ниддердейла	108
Глава XXIII. Да, я баронет	112
Глава XXIV. Триумф Майлза Грендолла	118
Конец ознакомительного фрагмента.	123

Энтони Треллоп

Вот так мы теперь живем

Anthony Trollope
The Way We Live Now

© Е. М. Доброхотова-Майкова, перевод, примечания, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2023

Издательство Иностранка®

* * *

Глава I. Три редактора

Позвольте представить вам леди Карбери, которой в нашем рассказе предстоит сыграть заметную роль, когда та сидит за письменным столом в собственном кабинете собственного дома на Уэльбек-стрит. В ту пору леди Карбери проводила здесь много времени и писала много писем – и много чего другого. Она называла себя служительницей Литературы – всегда с большой буквы. О том, каково было это служение, читатель отчасти узнает из трех посланий, начертанных в то утро ее стремительным почерком. Леди Карбери была стремительна во всем, а в писании писем – особенно. Вот первое:

*Четверг,
Уэльбек-стрит
Любезный друг!*

Я попросила, чтобы первые отписки моего нового двухтомника доставили Вам завтра, самое позднее в субботу, дабы Вы, если захотите, смогли поддержать бедную труженицу в следующем номере Вашей газеты. Поддержите бедную труженицу! У нас так много общего, и я самонадеянно позволяю себе верить, что мы друзья. Скажу без лести, что не только Ваша помощь будет мне полезнее любой другой, но и Ваша похвала польстит моему тщеславию, как ничья иная. Я почти смею думать, что мои «Преступные королевы» Вам понравятся. Очерк о Семирамиде получился по крайней мере живым, хотя мне пришлось исхитриться, чтобы представить ее виновной. Клеопатру я, разумеется, взяла у Шекспира. Ну и особа она была! Я не могла с полным правом объявить Юлию королевой, однако невозможно было обойти стороной такую пикантную личность. По двум или трем женицам эпохи Империи Вы увидите, как прилежно я штудировала Гиббона. Бедный Веллизарий! С Иоанной я старалась как могла, но так и не сумела проникнуться к ней симпатией. В наше время ее просто заперли бы в приюте для умалишенных. Надеюсь, Вы не сочтете, что я чересчур ярко живописала Генриха VIII и его несчастную, хоть и грешную Говард. Анну Болейн я совершенно не выношу. Боюсь, что немного увлеклась, рассказывая об итальянке Екатерине, и очерк о ней получился слишком длинным, но, сознаюсь, она моя любимица. Какая женица! Суиций дьявол. Жаль, что не родился второй Данте и не создал для нее особого ада. Как прослеживается ее воспитание в жизни нашей Марии Стюарт! Надеюсь, Вы согласны с моим взглядом на королеву шотландцев. Виновна! Виновна во всем! В прелюбодеянии, в убийстве, в измене и во всем остальном. Впрочем, заслуживает жалости. Королева по рождению, воспитанию и замужеству, в окружении таких королей, как могла она не пасть? Марию-Антуанетту я не вполне оправдала. Это было бы неинтересно – и едва ли верно. И все же я клеймила ее, любя, целовала, бичуя. Надеюсь, британские читатели простят мне, что я не вполне обеляю Каролину, тем более что я вместе с ними осуждаю ее мужа.

Однако мне не следует отнимать у Вас время, посылая Вам еще книгу, хотя мне отрадно думать, что в эту минуту я пишу исключительно для Вас и более ни для кого. Прочтите это как добрый человек и будьте снисходительны. Или, скорее, любите меня как друг.

*Ваша благодарная
Матильда Карбери*

В конце концов, лишь немногие женицы способны подняться над трясиной того, что мы называем любовью, и стать чем-то большим, нежели игрушкой мужчины. Главный грех почти всех этих царственных грешниц в том, что они стали игрушкой, не будучи женой. Если нынче девушки читают всё, отчего старухе не написать хоть что-нибудь?

Письмо это, адресованное Николасу Брону, эсквайру, главному редактору уважаемой ежедневной газеты «Утренний завтрак», было самым длинным из трех, поскольку на него леди Карбери возлагала самые большие надежды. Мистер Брон был влиятельным журналистом – и любил женщин. Леди Карбери в письме назвала себя старухой, но затем лишь, что прекрасно знала – никто ее такой не считает. Мы не утаим от читателя ее возраст, хотя сама она не открывала его даже ближайшим друзьям, даже мистеру Брону. Ей было сорок три, но она так прекрасно сохранилась и была так щедро одарена природой, что все еще могла считаться красавицей. И она пользовалась этим, не только чтобы усилить свое влияние, что естественно для всякой интересной женщины, но и с расчетом заручиться помощью в добывании хлеба насущного, столь ей необходимого. Чары свои она пускала в ход очень продуманно и осторожно – не влюблялась, не кокетничала направо и налево, никому ничего не обещала, только улыбалась, и понижала голос, и поверяла свои маленькие секреты, и заглядывала мужчине в глаза, как будто между ними могла возникнуть загадочная связь, не препятствуя этому загадочные обстоятельства. Однако целью всегда было выманить у издателя высокий гонорар за посредственное сочинение или склонить редактора к снисходительности, когда достоинства написанного требовали суровости. Из всех своих литературных друзей она особенно рассчитывала на мистера Брона, а мистер Брон питал слабость к привлекательным женщинам. Здесь уместно будет привести краткий отчет о небольшой сцене, которая разыгралась между леди Карбери и ее другом примерно за месяц до приведенного письма. Леди Карбери хотела, чтобы мистер Брон опубликовал в «Утреннем завтраке» серию ее статей и заплатил за них по первому разряду, но подозревала, что оценивает он их довольно низко, и знала, что без особого расположения с его стороны не может рассчитывать на оплату выше второго, а то и третьего разряда. Поэтому она смотрела мистеру Брону в глаза и на миг задержала свою мягкую пухлую ручку в его руке. Мужчины в таких обстоятельствах бывают очень неловки и часто не знают, когда делать одно, а когда другое! Мистер Брон, расчувствовавшись, обнял леди Карбери за талию и поцеловал. Сказать, что леди Карбери возмущалась, как возмущались бы на ее месте многие дамы, значило бы выставить ее в превратном свете. Такой пустяк мог повредить ей лишь в одном случае – если бы рассорил ее с полезным человеком. Ее стыдливость не была задета. Она вовсе не чувствовала себя оскорбленной. Ее не убудет, если только сразу убедить старого любвеобильного осла, что так не пойдет.

Не затрепетав, не покраснев, она высвободилась из его объятий и произнесла великолепную маленькую речь:

– Мистер Брон, как дурно, как некрасиво, как глупо! Вы же не хотите погубить нашу дружбу!

– Погубить нашу дружбу, леди Карбери! Конечно нет!

– Тогда отчего вы себе такое позволили? Подумайте о моих сыне и дочери, уже взрослых. Вспомните о моих прошлых незаслуженных страданиях. Никто не знает о них лучше вас. Подумайте о моем добром имени, которое столько чернили, но так и не смогли опорочить! Скажите, что сожалеете, и все будет забыто.

Мужчине, поцеловавшему женщину, неловко в следующий миг заявить, что он сожалеет, – это будет выглядеть так, будто поцелуй не оправдал его надежд. Мистер Брон не мог выразить раскаяния, и, возможно, леди Карбери не вполне этого ждала.

– Я ни за что на свете не хотел бы вас оскорбить, – сказал он.

Извинения вполне удовлетворили леди Карбери; она снова посмотрела ему в глаза, и мистер Брон пообещал напечатать ее статьи – за щедрый гонорар.

Леди Карбери осталась в целом довольна встречей. Разумеется, борьба за существование не обходится без мелких неприятностей. Дама, берущая кэб, вынуждена мириться с грязью и пылью, от которых избавлена ее богатая соседка, разъезжающая в собственном экипаже. Она предпочла бы, чтоб ее не целовали, но что за печаль? Мистера Брона происшествие задело куда

сильнее. «Чтоб им всем! – пробормотал он себе под нос, выходя из дома. – Никакой опыт не научит их понимать». Идя прочь, он почти думал, что леди Карбери ждала второго поцелуя, и почти корил себя за робость. С тех пор они виделись три или четыре раза, но он не возобновлял своих поплзновений.

Перейдем теперь к двум следующим письмам. Оба предназначались редакторам других газет. Адресат второго, мистер Букер из «Литературной хроники», был знаток литературы, очень усердный, отнюдь не обделенный талантом, влиянием и честностью. Однако житейские трудности и компромиссы, к которым его мало-помалу вынуждали, с одной стороны, требования издателей, думающих только о выгоде, с другой – натиск собратьев-литераторов, привели к тому, что он занялся поденщиной, при которой трудно оставаться разборчивым и почти невозможно сохранять литературную честность. Сейчас это был лысый шестидесятилетний старик, обремененный множеством дочерей, из которых одна, вдова с двумя малолетними детьми, находилась полностью на его иждивении. В «Литературной хронике», которая его трудами стала приносить хорошую прибыль, он получал пятьсот фунтов в год, а кроме того, писал в журналы и чуть ли не каждый год публиковал очередную книгу. Ему удавалось оставаться на плаву, и все, знавшие о нем, но не знавшие его, считали, что мистер Букер достиг в жизни успеха. Держался он всегда бодро и в литературных кругах умел показать свою независимость. Впрочем, обстоятельства научили его не привередничать, и независимость была ему не по карману. Надо признать, что о литературной щепетильности он давно уже не вспоминал. Письмо № 2 было таким:

Уэльбек-стрит

25 февраля 187...

Любезный мистер Букер!

Я попросила мистера Лидхема – [мистер Лидхем был старшим партнером издательского дома «Лидхем и Лойтер»] – прислать Вам один из первых экземпляров моих «Преступных королей». Я уже договорилась с моим другом мистером Броном, что напишу для «Утреннего завтрака» обзор Вашей книги «Новая сказка бочки». Собственно, я уже приступила к этому обзору и прилагаю к нему большие усилия. Известите меня, если у Вас есть особые пожелания касательно того, как изложить Ваши взгляды на современный протестантизм. Буду признательна, если Вы напишете об исторической точности моих очерков, за которую я вполне ручаюсь. Не откладывайте свой обзор, поскольку продажи сильно зависят от раннего внимания прессы. Я получаю только роялти, а их начнут выплачивать лишь после того, как продадутся первые четыреста экземпляров.

Искренне Ваша

Матильда Карбери

Альфреду Букеру, эсквайру, контора «Литературной хроники» на Стрэнде

Ничто в этом письме не шокировало мистера Букера. Он беззвучно хмыкнул при мысли, что леди Карбери станет излагать его взгляды на протестантизм, и подумал об исторических ошибках, которыми наверняка изобилует ее книга. Мистер Букер не сомневался, что эта умная дама пишет о том, в чем ничего не смыслит. Тем не менее он прекрасно понимал, что благоприятный отзыв в «Утреннем завтраке» пойдет на пользу его чрезвычайно глубокому труду под названием «Новая сказка бочки», даже если выйдет из-под пера литературной шарлатанки, и готов был без всяких угрызений совести отплатить ей похвалами в «Литературной хронике». Он, вероятно, не станет говорить, что книга точна, но скажет, что это увлекательное чтение, что женские характеристики королей выписаны мастерски и что сочинение наверняка найдет дорогу в гостиные. Такая работа была ему не в новинку, и он умел отозваться о подобного

рода опусах, не особо в них вникая. Он даже мог сделать это, не разрезая страницы, чтобы затем продать книгу как новую. Впрочем, мистер Букер был человек честный и постоянно боролся с литературными злоупотреблениями. Разгонистая печать, короткие строки и французская манера заполнять несколькими словами целую страницу – все это он обличал в самых суровых выражениях и слыл своего рода Аристидом между критиками. Однако житейские обстоятельства не позволяли ему во всем противиться обыкновениям своего времени. «Дурно, разумеется, это дурно, – сказал он как-то молодому другу, работавшему с ним в газете. – Кто сомневается? Сколько всего дурного мы делаем! Но если мы попытаемся разом исправить все, в чем поступаем дурно, то никогда не сделаем и ничего хорошего. Я не в силах изменить мир, и сомневаюсь, что вам это по силам». Таков был мистер Букер.

Было еще письмо № 3, мистеру Фердинанду Альфу. Мистер Альф был главным редактором и, по слухам, почти единоличным хозяином «Вечерней кафедры», которая в последние годы сделалась «выгодным дельцем», как выражаются в кругах, связанных с прессой. «Вечерняя кафедра» ежедневно сообщала читателям, что сказали и сделали к двум часам дня все видные люди столицы, и с поразительной точностью предрекала, что они скажут и сделают в следующие двенадцать часов. Все это преподносилось тоном вездесущего всеведения, и зачастую трудно было сказать, чего в этом больше – наглости или невежества. Но писали авторы «Кафедры» хорошо. Факты, если и не соответствовали истине, были выдуманы очень ловко, а доводы восполняли недостаток логики своей соблазнительностью. Мистер Альф обладал счастливым даром чувствовать, чего хотят его читатели, и так подавать сюжеты, чтобы чтение было приятным. «Литературная хроника» не имела определенного политического направления. «Утренний завтрак» был безусловно либеральным. «Вечерняя кафедра» много писала о политике, но твердо держалась своего девиза

Nullius addictus jurare in verba magistri¹

и пользовалась бесценной привилегией ругать все, что делает и та и другая сторона. Газета, желающая много зарабатывать, не должна тратить место в колонках и утомлять читателей похвалами чему бы то ни было. Панегирики всегда скучны – факт, который мистер Альф обнаружил и применил в деле.

Более того, мистер Альф обнаружил и другой факт. Хула из уст того, кто иногда хвалит, задевает лично, что порой опасно, а вот порицание со стороны тех, кто видит одни лишь недостатки, перестает быть обидным. Карикатурист, который рисует одни карикатуры, может уродовать чужие тела и лица сколько угодно. Это его ремесло, и оно требует пачкать все, к чему прикоснешься. Но если художник напечатает серию портретов, в которой два из десяти будут безобразны, он точно наживет двух врагов, если не больше. Мистер Альф не наживал врагов, ибо никого не хвалил и, насколько можно было судить по его газете, ничем не бывал доволен.

Лично мистер Альф был человек незаурядный. Никто не знал, откуда он взялся. Полагали, что по рождению он немецкий еврей, и некоторые дамы якобы улавливали в его речи легчайший иностранный акцент. Тем не менее все соглашались, что английским он владеет как природный англичанин. За последние года два он, как выражаются, «пошел в гору», и очень значительно. В трех-четыре клубах его забаллотировали, но он добился избрания в два или три других, а о тех, которые его отвергли, говорил так, что все понимали – эти клубы замшелые, костные и отжившие свой век. Он постоянно намекал, что не водить знакомство с мистером Альфом и не понимать, что знакомство это весьма желательное, где бы мистер Альф ни родился и кем бы ни был раньше, – значит ничего не смыслить в жизни. И постепенно эти намеки так убедили всех вокруг, что мистер Альф сделался значительной фигурой в мире политики, словесности и моды.

¹ «Не присягая на верность словам какого бы то ни было учителя» (лат.). Гораций. Послания, I, 1, 14.

Он был приятной наружности, лет сорока, но с манерами человека много моложе, худощавый, росту ниже среднего, с темно-каштановыми волосами, в которых, если бы не краска, проблескивала бы седина. Улыбка, постоянно игравшая на его правильном лице, могла бы показаться любезной, не противоречь ей цепкий холодный взгляд. Одевался мистер Альф с величайшей простотой и величайшей тщательностью, был холост, владел домом на Беркли-сквер, где давал превосходные обеды, и держал в Нортгемптоншире нескольких охотничьих лошадей. По слухам, «Вечерняя кафедра» приносила ему шесть тысяч фунтов в год, и тратил он из них примерно половину. Он был на дружеской ноге с леди Карбери, которая с неустанным рвением заводила и поддерживала полезные знакомства. Мистеру Альфу она написала следующее:

Любезный мистер Альф!

Откройте мне, кто написал разбор свежей поэмы Фицджеральда Баркера. Впрочем, я знаю, Вы мне не скажете. Я не припомню такой блистательной критики. Думаю, бедняга до осени не посмеет смотреть людям в глаза. Что ж, поделом ему! Я терпеть не могу тех якобы поэтов, которые пронырством и лестью делают своим книгам известность. Я не знаю никого, к кому свет был бы добрее, чем к Фицджеральду Баркеру, однако ни у кого эта доброта не доходит до того, чтобы прочесть его стихи.

Не удивительно ли, что некоторые приобретают славу популярного автора, не добавив отечественной литературе ничего достойного? Такая дутая слава создается неустанным самовосхвалением. Превозносить себя и выманивать похвалы у других – целая отрасль нового ремесла. Увы мне! Хотела бы я сыскать школу, где давали бы уроки такому бедному новичку, как я. Как ни противны мне подобные ухищрения и как ни восхищает меня упорство, с которым «Кафедра» им противостоит, я настолько нуждаюсь в поддержке моих скромных усилий и так тяжело и честно тружусь ради возможности получать доход от писательства, что, представься мне такая возможность, пожалуй, спрятала бы честь в карман, отбросила высокие чувства, говорящие, что похвалу нельзя покупать ни деньгами, ни дружбой, и унизилась бы до недостойного искаательства, лишь бы сказать однажды с гордостью, что успешно обеспечиваю детей плодами своего пера.

Впрочем, я не дошла еще до такого падения и посему смело говорю Вам, что буду ждать, не с озабоченностью, а с глубоким интересом, что напишет «Кафедра» о моих «Преступных королевах». Я смею думать, что книга, пусть и написанная мной, сама по себе значительна и потому заслуживает некоторого внимания. Ничуть не сомневаюсь, что все мои неточности выставят напоказ, а мою самонадеянность заклеят позором, но, полагаю, обозреватель сможет засвидетельствовать, что очерки жизненны, а портреты прописаны основательно. По крайней мере, Вы не позволите сказать, что лучше бы я сидела дома и штопала чулки, как Вы отозвались недавно о бедной миссис Эффингтон Стаббс.

Я не видела Вас вот уже три недели. Каждый вторник у меня собираются вечером несколько друзей, – пожалуйста, загляните на следующей неделе или через неделю. И знайте, что никакая редакторская или критическая суровость не заставит меня встретить Вас чем-либо, кроме улыбки.

Искренне Ваша

Матильда Карбери

Покончив с третьим письмом, леди Карбери откинулась в кресле и на мгновение-другое закрыла глаза, словно собиралась отдохнуть, но тут же вспомнила, что ее деятельная жизнь не допускает отдыха. Посему она схватила перо и принялась за следующие записки.

Глава II. Семейство Карбери

Некоторые сведения о самой леди Карбери и о ее обстоятельствах читатель получил из предыдущей главы, но кое-что еще нужно добавить. Она утверждала, что ее жестоко чернили, но притом показала себя женщиной, чьи слова не стоит принимать на веру. Если читатель не понял этого из ее писем трем редакторам, то письма эти были написаны впустую. Она заявила, что занялась писательством с благородной целью обеспечить детей. Как ни фальшивы были ее письма редакторам, как ни гнусна система, посредством которой она рассчитывала добиться успеха, как ни бесчестна готовность пресмыкаться, говоря о себе, она, в сущности, не лгала. Ее действительно несправедливо чернили. Она была предана детям – особенно одному из них – и готова была ради них трудиться до седьмого пота.

Она была вдовой некоего сэра Патрика Карбери, офицера, который много лет назад чем-то отличился в Индии, за что получил титул баронета. Он женился на молоденькой, будучи уже в летах, и, запоздало осознав, что совершил ошибку, принялся то баловать, то мучить жену. И в том и в другом он не знал меры. Чем леди Карбери никогда не грешила, так это и намеком на супружескую неверность, даже в мыслях. Когда она, очень хорошенькая восемнадцатилетняя девушка без гроша за душой, согласилась выйти за сорокачетырехлетнего мужчину с большим доходом, то сознательно отказалась от всякой надежды на любовь, какую описывают поэты и о какой почти все в юности мечтают. Сэр Патрик ко времени их женитьбы был лысый краснолицый толстяк, очень своенравный, щедрый, умный и подозрительный. Он умел управлять людьми. Он читал и понимал книги. В нем не было ничего низкого. У него были привлекательные качества. Его можно было полюбить, но он едва ли был создан для любви. Леди Карбери понимала свое положение и твердо решила исполнять свой долг. Перед свадьбой она дала себе слово никогда не флиртовать – и никогда не флиртowała. Пятнадцать лет жизнь у нее была сносная – в том смысле, что леди Карбери могла ее сносить. Три или четыре года они прожили в Англии, потом сэр Патрик вернулся в Индию в новом, более высоком чине. Пятнадцать лет он был властным, часто жестоким мужем, но никогда не ревновал. У них родились мальчик и девочка, которых и мать, и отец чересчур баловали, только мать еще и старалась исполнять в их отношении свой долг, как его понимала. Однако она была с детства научена притворяться, и замужество как будто убеждало ее, что без притворства не обойтись. Мать ее убежала с любовником, и девочку перебрасывали от одного родственника к другому, так что временами ей грозила опасность вовсе остаться без попечения. Это воспитало в ней хитрость, расчетливость и недоверчивость. При всем том она была умна и среди невзгод своего детства набралась образования и манер. И она была очень хороша собой. Выйти замуж и располагать деньгами, честно исполнять свой долг, жить в большом доме и пользоваться уважением – вот чего она хотела, и в первые пятнадцать лет замужества ей это удавалось, несмотря на трудности. Леди Карбери могла улыбаться через пятнадцать минут после безобразной сцены. Муж даже распускал руки – и первым делом она думала, как это ото всех скрыть. В последние годы он слишком много пил, и она сперва как могла боролась со злом, а затем – употребляла все силы, чтобы скрыть последствия зла, но при этом хитрила, и лгала, и постоянно выкручивалась. Наконец, когда миновала ее первая молодость, она позволила себе завести друзей, и среди них был один мужчина. Если супружеская верность совместима с такой дружбой, если брак не требует от женщины отказаться от дружеских отношений со всеми мужчинами, кроме ее господина и повелителя, то леди Карбери не нарушила своих обетов. Однако сэр Патрик начал ревновать, говорил слова, которые она не могла снести, делал то, что она, при всей своей расчетливости, не могла стерпеть, – и леди Карбери с ним разъехалась. Впрочем, даже и тут она вела себя так осмотрительно, что в каждом предпринятом шаге могла доказать свою невиновность. Жизнь ее в то время для нашей истории не важна; довольно, чтобы читатель знал, за что

ее чернили. Месяц-другой друзья сэра Патрика и даже он сам говорили о ней очень дурно, но мало-помалу правда вышла на свет. Через год они снова съехались, и леди Карбери оставалась хозяйкой в доме своего мужа до самой его смерти. Она привезла его в Англию, и в последний недолгий период жизни на родине он был беспомощным инвалидом. Тем не менее скандал ее преследовал, и некоторые не устали напоминать, что леди Карбери когда-то ушла от мужа, а добрый старый джентльмен принял ее обратно.

Сэр Патрик оставил после себя приличное, но никак не огромное состояние. Сыну, который теперь был сэром Феликсом Карбери, он завещал тысячу фунтов годового дохода и столько же вдове, с условием, что ее доля после смерти отойдет в равных частях сыну и дочери. Таким образом, молодой человек, который еще при жизни отца поступил на армейскую службу и не должен был содержать дом, а к тому же частенько жил у матери, получал ту же сумму, что мать и сестра, вынужденные оплачивать крышу над головой. Впрочем, леди Карбери, в сорок лет получившая свободу от рабства, не намеревалась до конца дней владеть скорбное вдовье существование. До сих пор она исполняла свой долг, помня, что с замужеством взяла на себя обязанность принимать и хорошее, и дурное. Ей, безусловно, выпало очень много дурного. Сносить брань и побои вздорного старика, покуда жесткое обращение не выгнало ее из дома, быть принятой обратно из милости, зная, что на ее репутации лежит незаслуженное пятно, выслушивать нескончаемые попреки, а затем на год или два стать сиделкой при умирающем дебошире – высокая цена за сытую жизнь. Теперь она получила свою награду, свою свободу, надежду на счастье. Леди Карбери высоко себя ценила и приняла кое-какие решения. Время любви прошло, она не позволит себе влюбляться и замуж по расчету тоже больше не выйдет. Однако у нее будут друзья – настоящие друзья, которые ей помогут и которым она тоже, возможно, будет полезной. И она найдет себе какое-нибудь дело, чтобы не скучать. Жить будет в Лондоне и займет там определенное положение. Случай свел ее с литературными кругами, а в последние год-два мысль о писательской карьере укрепилась необходимостью добывать деньги. Леди Карбери с самого начала знала, что придется экономить – не только и не столько от сознания, что им с дочерью будет трудновато жить на тысячу в год, сколько из-за сына. Она не желала другой роскоши, кроме дома в месте, которое можно будет назвать фешенебельным. В разумности своей дочери леди Карбери не сомневалась. Она знала, что на Генриетту можно положиться во всем. А вот на сына, сэра Феликса, положиться было нельзя, и все равно леди Карбери любила его беззаветной материнской любовью.

В то время, с которого начинается наш рассказ, то есть когда леди Карбери села писать редакторам, она отчаянно нуждалась в деньгах. Сэру Феликсу было в ту пору двадцать пять лет. Он четыре года прослужил в модном полку, но уже продал патент и, чтобы сразу сказать правду, прокутил всю полученную в наследство собственность. Все это мать знала, и знала также, что на свой небольшой доход сумеет прокормить и себя, и дочь, и баронета. Однако она не знала, сколько у баронета долгов – да он и сам не знал. Баронет, продавший офицерский патент в гвардейском полку и получивший наследство, может взять в долг очень много, и сэр Феликс сполна использовал эту привилегию. Жил он дурно во всех смыслах – сидел на шее у матери и сестры, так что им приходилось во всем себе отказывать, но пока ни та ни другая его не упрекала. Поведение отца и матери приучило Генриетту, что мужчине и сыну простителен любой порок, в то время как женщина, а особенно дочь, призвана быть образцом добродетели. Урок этот она усвоила настолько рано, что не считала такой порядок несправедливым. Она горевала из-за беспутства сэра Феликса, потому что он губит себя, но совершенно извиняла его в том, что затрагивало ее. Она находила естественным служить брату и не роптала, что он, прожив свое состояние, проживает состояние матери, вынуждая их урезать и без того скромные расходы. Генриетту приучили думать, что мужчины в том слое общества, к которому она принадлежала от рождения, всегда всё проживают.

Чувства матери были не столь благородны – или, правильно сказать, не столь безупречны. Мальчик, красивый как бог, был светом ее очей, единственной отрадой ее сердца. Она почти не смела ему пенять, когда он проматывал наследство, не пыталась отвратить сына с гибельного пути. В детстве она баловала его во всем и продолжала баловать теперь, когда он стал взрослым. Она почти гордилась его пороками и восхищалась поступками, которые, сами по себе не безнравственные, были губительны своей расточительностью. Она настолько потакала сыну, что даже в ее присутствии он не стыдился своего эгоизма и словно не замечал, как другие из-за него страдают.

Так и получилось, что занятия литературой, начатые отчасти для развлечения, отчасти – чтобы пробиться в общество, стали тяжелой работой ради денег. Говоря друзьям-редакторам о своих трудах, леди Карбери не кривила душой. И ей казалось, что, в неких скромных пределах, у нее есть все основания для больших надежд. То и дело она слышала, что тот или иной писатель добился успеха или (что было еще ближе ее сердцу) что та или иная писательница много зарабатывает своими книгами. Почему бы ей не добавить еще тысячу фунтов к годовому доходу, чтобы Феликс мог снова жить как джентльмен и жениться на богатой наследнице, которая – леди Карбери была уверена – все исправит? Кто красивее ее сына? Кто более приятен в обращении? У кого больше дерзости – первого условия, чтобы заполучить богатую невесту? И к тому же брак с ним принесет его избраннице титул леди Карбери. Если заработать денег и пережить нынешние черные дни, все еще может обойтись благополучно.

Главным препятствием на пути к цели было, вероятно, убеждение леди Карбери, что нужно не писать хорошо, а добывать хвалебные отзывы. Она и впрямь много трудилась над своими книгами – во всяком случае, быстро марала листы – и была от природы женщина умная. Она могла писать бойко и гладко, к тому же быстро усвоила навык растягивать все, что знала, на много страниц. Ее тщеславие не требовало написать хорошую книгу, но она очень старалась угодить критикам. Если бы мистер Брон сказал ей с глазу на глаз, что книга скверная, но притом расхвалил ее в «Утреннем завтраке», вряд ли личное мнение критика задело бы самолюбие леди Карбери. Она была насквозь фальшива, и все же, несмотря на фальшь, в ней было много хорошего.

Кто скажет, одно ли дурное воспитание испортило сэра Феликса, ее сына, или зло было в нем от рождения? Почти наверняка он стал бы лучше, если бы его в младенчестве забрали из дома и вырастили в нравственных правилах нравственные люди. С другой стороны, едва ли какое-либо воспитание или его отсутствие способно породить такую глухоту к чувствам других людей. Он даже собственных несчастий не мог ощутить, если они не затрагивали его сиюминутные удобства. Ему как будто не хватало воображения осознать будущие невзгоды, пусть до них оставался всего месяц, всего неделя – да хоть одна ночь. Он любил, когда его хвалят и ласкают, холят и вкусно кормят, и тех, кто так поступает, считал своими лучшими друзьями. У него были инстинкты лошади, недотягивающие даже до более высоких собачьих чувств. Сам он никогда и никого не любил настолько, чтобы отказаться от мгновенного удовольствия ради того, кого любит. Сердце у него было каменное. Притом он отличался красивой наружностью и быстрым умом. У него была смуглая кожа того оттенка, в котором чудится нечто аристократическое, и продолговатые карие глаза под идеальной аркой идеальных бровей. Волосы, почти совсем черные, он всегда стриг коротко; они были мягкие и шелковистые, но без того сального блеска, какой почти всегда бывает у смазливых брюнетов. Более же всего красоту его лица определяла точеная правильность носа и губ. Он носил усы, такие же прекрасно очерченные, как и брови, но не носил бороды. Подбородку его, при всей безупречности формы, недоставало того намека на сердечную мягкость, какой придает ямочка. Росту в нем было примерно пять футов девять дюймов, и фигура ничуть не уступала лицу. Мужчины признавали, а женщины в один голос твердили, что не рождался еще молодой человек красивее Феликса Карбери. И еще все соглашались, что он как будто не замечает собственной красоты. Он многим кичился –

деньгами, жалкий глупец, пока их не спустил, титулом, местом в гвардии, пока не ушел оттуда, а особенно – превосходством своего модного интеллекта. Но притом ему хватало ума одеваться просто и не производить впечатления человека, озабоченного своей внешностью. До сих пор в тесном кружке его знакомцев почти не догадывались, насколько черств сэр Феликс в своих привязанностях, вернее, насколько лишен всяких привязанностей. Внешность, манеры и общительность позволяли ему казаться порядочным человеком. В одном он замарал свое имя, и минутная слабость уронила его в глазах друзей сильнее, чем все безумства прошедших лет. Он оскорбил другого офицера, а когда пришло время проявить мужество, сперва грозился, а потом струсил. Это было год назад, и вся история частично забылась, хотя некоторые еще помнили, что Феликса Карбери припугнули и он поджал хвост.

Теперь его целью было жениться на деньгах. Он прекрасно это понимал и вполне смирился с такой участью. Однако ему не доставало умения ухаживать. Он был красив, дерзок, с прекрасными манерами и хорошо подвешенным языком, мог без зазрения совести признаться в чувстве, которого не испытывал, но так мало знал о чувствах, что даже молоденькую девушку не умел убедить в своей искренности. Говоря о любви, он не только считал, что несет вздор, но и показывал это своим видом. Так сэр Феликс уже упустил молодую особу, у которой, по слухам, было сорок тысяч фунтов и которая наивно объяснила свой отказ тем, что «он на самом деле ее не любит». «Как я могу выразить свою любовь сильнее, чем желанием на вас жениться?» – спросил он. «Не знаю, но все равно вы меня не любите», – был ее ответ. Та девица избежала западни, теперь сэр Феликс намеревался охотиться за другой, которую мы вскорости представим читателю. Состояние ее не было исчислено с такой точностью, как сорок тысяч фунтов предшественницы, но все знали, что оно значительно больше. Говорили, что оно безгранично, несметно, неисчерпаемо. Утверждали, что отец этой девицы не считает траты на дом, слуг, лошадей, драгоценности и тому подобное. Он ворочал такими делами, что ему было все равно, заплатить за какой-нибудь пустяк десять или двадцать тысяч фунтов, как человеку, не стесненному в средствах, все равно, отдать за баранью отбивную шесть или девять пенсов. Такой воротила может со временем разориться, однако не было сомнений, что сейчас, когда он так вопиюще богат, за его дочерью можно взять огромные деньги. Леди Карбери, зная, на чем ее сын потерпел крушение прошлый раз, очень пеклась, чтобы сэр Феликс поскорее употребил в дело знакомство с домашними этого новейшего Креза.

А теперь надо сказать несколько слов о Генриетте Карбери. Разумеется, она ничего не значила в сравнении с братом, который был баронет, глава этой ветви Карбери и матушкин любимец, так что довольно будет описать ее вкратце. Она, как и брат, была миловидная, но менее смуглая и не с такими идеальными чертами. Однако в ее облике сквозила приятность, словно говорящая, что забота о себе целиком подчинена в ней заботе о других, – та самая приятность, которой не доставало брату. И лицо отражало ее душу вполне верно. И опять-таки, кто скажет, как брат и сестра получились настолько разными? Вышло бы все иначе, если бы обоих забрали в детстве у отца с матерью, или добродетели девушки целиком проистекали из того, что родители любили ее меньше? По крайней мере, ее не испортили деньги, титул и соблазны чересчур раннего знакомства со светом. Сейчас ей был всего двадцать один год, и она почти не видела лондонского общества. Мать редко посещала балы, к тому же экономия последних двух лет исключала новые платья и перчатки. Сэр Феликс, разумеется, выезжал, но Гетта Карбери большую часть времени проводила с матерью в доме на Уэльбек-стрит. Иногда свет ее видел и тогда объявлял, что она очаровательна, и в этом свет был совершенно прав.

Однако для Генриетты Карбери уже началась романтическая пора. Существовала и другая ветка Карбери, старшая, в которой к тому времени оставался один-единственный представитель – Роджер Карбери из Карбери-Холла. О Роджере Карбери читатель со временем узнает больше, но сейчас довольно будет сказать, что он был страстно влюблен в свою кузину Генриетту. Впрочем, ему было под сорок, а Генриетта уже познакомилась с неким Полом Монтегю.

Глава III. «Медвежий садок»

Дом леди Карбери на Уэльбек-стрит был довольно скромный и не мог называться особняком, но она въехала сюда, еще будучи при деньгах, так что обставила его очень мило и по-прежнему гордилась, что, несмотря на трудные времена, принимает по вторникам литературных друзей в такой приличной обстановке. Теперь она жила тут с дочерью и сыном. Задняя гостиная, служившая ей кабинетом, отделялась от парадной половины дома дверью, которая всегда стояла закрытой. Здесь леди Карбери писала свои книги, здесь сочиняла льстивые письма редакторам и критикам. Дочь редко беспокоила ее в кабинете, и никого из гостей, кроме редакторов и критиков, сюда не пускали. Однако сыну домашние правила были не указ, и он входил к матери без всякого стеснения. Она только-только набросала две записки, за которые взялась после письма мистеру Фердинанду Альфу, когда вошел ее сын с сигарой в зубах и развалился на диване.

– Мой дорогой, – сказала она, – пожалуйста, не кури у меня в комнате.

– Что за причуда, матушка, – ответил Феликс, бросая, впрочем, недокуренную сигару в камин. – Некоторые женщины уверяют, что любят табачный дым, другие – будто ненавидят его, как черта. А на самом деле все зависит от того, хотят они подольститься или осадить.

– Ты же не думаешь, что я хочу тебя осадить?

– Право слово, не знаю. Не одолжишь ли мне двадцать фунтов?

– Мой дорогой Феликс!

– Конечно, матушка. Но как насчет двадцати фунтов?

– Зачем они тебе, Феликс?

– Ну... по правде сказать, чтобы продолжать игру, пока что-нибудь не устроится. Невозможно жить совсем без денег. Я и так трачу меньше многих. Стараюсь по возможности ни за что не платить, даже стригусь в долг, и, пока получалось, держал экипаж, чтобы не тратиться на кэбы.

– Когда это кончится, Феликс?

– Я никогда не знаю, что чем кончится, матушка. Не могу беречь лошадь, чтобы не устала, когда собаки бегут хорошо. Не могу пропустить любимое блюдо ради тех, что будут за ним. Да и зачем?

Молодой человек не сказал *«carpe diem»*², но именно эту философию он исповедовал.

– Ты заезжал сегодня к Мельмоттам?

Было пять часов зимнего вечера – время, когда дамы пьют чай, а праздные мужчины играют по клубам в вист и когда праздным молодым людям иногда дозволяется полюбезничать. Леди Карбери считала, что в этот час ее сын должен ухаживать за богатой наследницей Мари Мельмотт.

– Я только что оттуда.

– И что ты о ней думаешь?

– Сказать по правде, матушка, я очень мало о ней думаю. Она не красавица и не дурнушка, не умна и не глупа, не святая и не грешница.

– Тем скорее она будет хорошей женой.

– Быть может. По крайней мере, я вполне готов поверить, что как жена она будет достаточно для меня хороша.

– А что говорит ее мать?

² Лови момент (лат.).

– Мать – чудная особа. Я невольно гадаю, сумею ли выяснить, откуда она, даже если женюсь на дочери. Долли Лонгстафф говорит, кто-то ему сказал, что она богемская еврейка, но я думаю, она слишком для этого толстая.

– Какое это имеет значение, Феликс?

– Решительно никакого.

– Она с тобой любезна?

– Да, вполне любезна.

– А отец?

– Ну, он не выставляет меня из дома. Разумеется, за ней увивается с полдюжины молодых людей, и думаю, у старика от них в глазах рябит. Он больше думает, как заманить герцогов на обед, чем о дочкиных женихах. Любой сможет ее заполучить, кто ей приглянется.

– Тогда почему бы не ты?

– Почему бы не я, матушка? Я стараюсь как могу, и нет нужды погонять лошадь, когда та бежит сама. Ты одолжишь мне деньги?

– Ах, Феликс, ты же знаешь, как мы бедны. А ты по-прежнему держишь охотничьих лошадей.

– У меня всего две лошади, если ты об этом, и я с начала сезона не заплатил за их содержание и шиллинга. Послушай, матушка, да, это рискованная игра, но я веду ее по твоему совету. Если я женюсь на мисс Мельмонтт, полагаю, все выправится. Однако едва ли верный путь к женитьбе – показать всему свету, что я на мели. Для такого дела нужно жить на достаточно широкую ногу. Я свел охоту к минимуму, но, если я совсем от нее откажусь, будет много желающих рассказать на Гровенор-сквер, отчего я так поступил.

На такой довод бедная женщина ничего возразить не смогла и в конце концов рассталась с требуемой суммой, хоть это и означало, что придется урезать другие важные расходы. Молодой человек ушел в отличном настроении, почти не слушая напутственных слов матери, как важно поскорее завершить дело с Мари Мельмонтт.

Из дома Феликс направился в единственный клуб, где еще состоял. Клубы хороши всем, кроме одного: их нельзя посещать в долг, и, хуже того, они требуют годовые взносы вперед, так что молодому человеку пришлось себя ограничить. Разумеется, из всех клубов, чьи двери были для него открыты, он выбрал худший. Клуб этот назывался «Медвежий садок» и создан был недавно именно в тех видах, чтобы сочетать бережливость и мотовство. Как говорили некоторые бережливые моты, клубы разоряются из-за старых пней, которые почти ничего не платят сверх членских взносов, а расходу от них втрое больше, чем дохода. «Медвежий садок» открывался лишь в три пополудни, поскольку учредители считали, что раньше этого часа ни они, ни их друзья до клуба не доберутся. Здесь не выписывали утренних газет, не было ни библиотеки, ни утренней гостиной, только столовые, бильярдные и комнаты для карточной игры. Все обеспечивал единственный поставщик, чтобы только один человек обирал клуб, все закупалось роскошное, но из первых рук, а не в лавках. Герр Фосснер, поставщик, был истинное сокровище и так устраивал дела, что все шло без сучка без задоринки. Он даже помогал улаживать карточные долги и очень ласково обходился с теми, на чьих чеках банкиры сурово писали «нет средств». Герр Фосснер был истинное сокровище, и «Медвежий садок» процветал. Никто в городе, наверное, не любил «Медвежий садок» больше сэра Феликса Карбери. Клуб располагался поблизости от других подобных заведений, в улочке, отходящей от Сент-Джеймс-стрит, и гордился своей внешней скромностью. Зачем услаждать взор прохожих, тратить на мраморные колонны и фронтоны, если их нельзя ни съесть, ни выпить, ни сыграть с ними в карты? Зато в «Медвежьем садке» было лучшее вино – по крайней мере, так уверяли, – самые удобные кресла и два бильярдных стола превосходнее всего, что когда-либо обтягивали зеленым сукном. Сюда-то сэр Феликс и направился в тот январский день, как только выманил у матери чек на двадцать фунтов.

Здесь он нашел своего закадычного приятеля, Долли Лонгстаффа. Тот стоял на ступенях с сигарой в зубах, устремив отсутствующий взгляд на скучный кирпичный фасад напротив.

– Обедаете здесь, Долли? – спросил сэр Феликс.

– Пожалуй, здесь, уж больно хлопотно тащиться куда-то еще. Я к кому-то зван, но сил нет ехать домой переодеваться. Ей-богу, не понимаю, как другие это делают. Я не могу.

– Завтра на охоту?

– Да, но вряд ли доеду. Прошлую неделю я думал охотиться каждый день, да мой человек никак не может поднять меня вовремя. Не понимаю, для чего все устраивают так несуразно? Почему не выезжать на охоту часа в два или три, чтобы людям не вскакивать в безбожную рань?

– Потому что нельзя охотиться при луне, Долли.

– В три часа луны нет. В любом случае я не могу приехать на вокзал к девяти. Да и мой человек, думаю, сам не любит рано вставать. Он говорит, что приходит меня будить, но я ничего такого не помню.

– Сколько у вас в Лейтоне лошадей, Долли?

– Сколько? Было пять, но, кажется, мой человек одну продал, потом вроде бы купил другую. Что-то такое точно было.

– Кто на них ездит?

– Он и ездит, думаю. То есть, разумеется, я сам на них езжу, только я редко туда добираться. Кто-то мне сказал, на той неделе Грасслок на двух из них ездил. Не помню, чтобы я давал ему разрешение. Не иначе как дал взятку моему человеку. Я называю это низостью. Я б его спросил, да он скажет, что я ему позволил. Может, я был подшофе.

– Вы с Грасслоком никогда не были друзьями.

– Не люблю я его. Задирает нос, оттого что лорд, и характер прескверный. Не понимаю, зачем ему ездить на моих лошадях.

– Чтобы сэкономить на своих.

– Он не бедствует. Отчего ему не иметь своих лошадей? Вот что я скажу, Карбери, одно я решил твердо и, клянусь Богом, не отступлю от своего решения. Никому больше не дам лошадь. Если кому нужны лошади, пусть покупают своих.

– Не у всех есть деньги, Долли.

– Пусть берут в долг. Не помню, чтобы я платил за тех, что купил в этом году. Вчера кто-то сюда приходил...

– Как?! Сюда, в клуб?

– Да, разыскал меня здесь и требовал за что-то заплатить! Судя по его штанам, за лошадей.

– И что вы ему сказали?

– Я? Ничего.

– И чем все кончилось?

– Когда он закончил распинаться, я угостил его сигарой и, покуда он скусывал кончик, ушел наверх. Думаю, ему прискучило ждать, и он ушел.

– Вот что, Долли. Я бы попросил у вас двух лошадок на пару дней, – разумеется, если они вам самому не нужны. Сейчас вы по крайней мере не подшофе.

– Не подшофе, – меланхолически признал Долли.

– Нехорошо выйдет, если я возьму ваших лошадей, а вы забудете наш разговор. Никто лучше вас не знает, как у меня туго с деньгами. Я выкарабкаюсь, но сейчас чистый зарез. Я бы никого, кроме вас, не стал просить о таком одолжении.

– Ладно, берите. На два дня то есть. Не знаю, поверит ли вам мой человек. Грасслоку не поверил, так ему и сказал. А Грасслок все равно вывел их из конюшни. Мне кто-то говорил.

– Можете черкнуть конюху пару строк.

– Право, мой любезный, это такая канитель, вряд ли я соберусь. Мой человек вам поверит, мы ведь друзья. Пойдем выпьем по капельке кюрасао перед обедом, для аппетита.

Было уже почти семь. Девять часов спустя они оба, вместе с еще двумя членами клуба, одним из которых был лорд Грасслок, личная антипатия Долли Лонгстаффа, встали из-за карточного стола. Ибо надо понимать, что «Медвежий садок» хоть и открывался только в три часа дня, ночью там ни в чем не было отказа. Никто не мог позавтракать в «Медвежьем садке», а вот ужинать в три часа ночи не возбранялось. Такой ужин, который вернее будет назвать чередой ужинов, шел здесь и в эту ночь; то одному, то другому члену клуба приносили жаркое и горячие тосты, тем не менее игра не прерывалась с тех самых пор, как в десять распечатали колоду. К четверем утра Долли Лонгстафф легко мог одолжить кому-нибудь своих лошадей и начисто запамятовать. Он испытывал самую теплую приязнь к лорду Грасслоку, да и к остальным тоже, как всегда в таком состоянии. Он вовсе не был мертвецки пьян и даже едва ли сделался глупее, чем на трезвую голову, однако готов был на любую игру, понятную ему или непонятную, и по любым ставкам. Когда сэр Феликс встал и сказал, что не будет больше играть, Долли тоже встал, нисколько не огорченный. Когда лорд Грасслок мрачно нахмурился и объявил, что не дело закачивать игру, когда столько проиграно, Долли так же охотно сел обратно. Но того, что Долли сел, было мало.

– Я завтра еду охотиться, – сказал сэр Феликс, имея в виду сегодняшний день, – и больше играть не буду. Надо ж сколько-то поспать.

– Я решительно не согласен, – возразил лорд Грасслок. – Принято, чтобы человек, выигравший сколько вы, оставался играть.

– И как долго он обязан играть? – раздраженно спросил сэр Феликс. – Чепуха. Всему когда-нибудь бывает конец, и я сегодня больше играть не намерен.

– Что ж, если вам так угодно, – ответил лорд.

– Мне так угодно. Доброй ночи, Долли. Сочтемся при следующей встрече. У меня все записано.

Результаты этой ночи были для сэра Феликса самые значительные. Он сел играть с деньгами, полученными по чеку матери, а теперь у него в кармане лежало... он сам не знал, сколько у него в кармане. Он тоже был пьян, но не настолько, чтобы утратить ясность мыслей. Он знал, что Лонгстафф должен ему больше трехсот фунтов и что от лорда Грасслока и четвертого игрока он получил наличными и чеками еще больше. Долли Лонгстафф, разумеется, заплатит, хоть и сетовал на домогательства торговцев. Идя по Сент-Джеймс-стрит и высматривая кэб, сэр Феликс прикинул, что у него должно быть больше семисот фунтов. Выпрашивая у леди Карбери жалкие двадцать фунтов, он сказал, что не может продолжать игру без наличных денег, и почитал удачей, что вытянул у нее хоть столько. Теперь он разбогател – во всяком случае, получил материальные средства для намеченного дела. Ему и на миг не пришла мысль заплатить торговцам. Даже такая большая и нежданная сумма не могла подвигнуть его на подобное донкихотство; однако теперь он мог одеваться, покупать подарки и вообще показывать, что не стеснен в средствах. В наше время трудно ухаживать за девицей, если в кошельке пусто.

Кэба он не нашел, но в нынешнем состоянии духа пешая прогулка его не пугала. Было в радости от обладания такой суммой что-то, отчего ночной воздух сделался ему приятен. Внезапно сэру Феликсу вспомнилось, как мать, когда он пришел за помощью, ныла о своей бедности. Теперь можно было вернуть ей двадцать фунтов. Однако он с непривычной для себя предусмотрительностью подумал, что возвращать ей деньги неразумно. Как скоро они снова ему понадобятся? И хуже того, пришлось бы объяснить, откуда они взялись. Куда лучше промолчать. Входя в дом и поднимаясь к себе, сэр Феликс окончательно решил ничего о деньгах не говорить.

В девять утра он был на вокзале и следующие два дня охотился в Бакингемшире на лошадях Долли Лонгстаффа, за что заплатил «человеку» Долли тридцать шиллингов.

Глава IV. Бал мадам Мельмонт

Через день после описанной игры в «Медвежьем садке» на Гровенор-сквер давали большой бал, о котором только и было разговоров с открытия парламента две недели назад. Некоторые говорили, что бал в феврале никак не может иметь успеха. Другие возражали, что при таких деньгах, в анналах бальной истории беспримерных, за успех можно не опасаться. И не только деньги были пущены в ход. Почти немыслимые усилия прилагались, чтобы зазвать великих людей, и усилия эти наконец дали плоды. Герцогиня Стивенэйдж приехала из замка Олбери с дочерьми, дабы присутствовать с ними на балу, хотя прежде избегала Лондона в это ненастное время года. Без сомнения, средства для ее убеждения были применены самые сильные. Все знали о бедственном положении ее брата, лорда Альфреда Грендолла; по слухам, в последнее время оно заметно исправилось благодаря своевременной финансовой помощи. Утверждали, что один из молодых Грендоллов, второй сын лорда Альфреда, получил в некоем торговом предприятии место с жалованьем куда большим, чем, по мнению ближайших друзей, заслуживали его таланты. Совершенно точно он четыре или пять дней в неделю проводил на Эбчерч-лейн в Сити и предавался этому столь непривычному для него занятию не задаром. А там, где будет герцогиня Стивенэйдж, будет и весь свет. За день до бала сделалось известно, что приедет один из принцев. Как этого добились, никто толком не понимал, но слухи утверждали, что драгоценности некой дамы выкупили из ломбарда. Все остальное было на той же высоте. Премьер-министр не позволил включить его в список гостей, но один кабинетный министр и двое-трое подсекретарей согласились приехать, поскольку ожидалось, что хозяин дома вскоре сделается заметной фигурой в парламенте. Считали, что он метит в политику, а всегда полезно иметь такого богатого человека на своей стороне. Поначалу за бал очень беспокоились, и многие предрекали беду. Когда грандиозная затея проваливается, неудача бывает сокрушительной, даже катастрофической. Но этот бал уже не мог провалиться.

Давал его Огастес Мельмонт, эсквайр, отец девицы, которую сэр Феликс Карбери хотел заполучить в жены, муж дамы, о которой говорили, что она по рождению богемская еврейка. Джентльмен этот два года назад приехал в Лондон из Парижа и поначалу звался мсье Мельмонт. Однако он заявил, что родился в Англии и что он теперь англичанин. Иностранное рождение жены он признавал, да и не мог не признать, потому что она почти не говорила по-английски. Сам Мельмонт изъяснялся на «родном» языке бегло, но с акцентом, выдающим по крайней мере долгую жизнь на чужбине. Мисс Мельмонт (еще недавно известная как мадемуазель Мари) говорила по-английски хорошо, но как иностранка. Она точно родилась не в Англии; некоторые утверждали, что в Нью-Йорке, хотя мадам Мельмонт объявила, что великое событие произошло в Париже, а уж она-то должна была знать.

По крайней мере, все сходились на том, что разбогател мистер Мельмонт во Франции. Он, безусловно, ворочал большими делами в других странах, о чем передавали слухи явно преувеличенные. Якобы он построил железную дорогу через всю Россию, снабжал армию южан во время Войны Севера и Юга, поставлял оружие Австрии и как-то раз скупил все железо в Англии. Он мог покупкой и продажей акций вознести или погубить любую компанию, мог по своему усмотрению поднять или уронить котировку национальной монеты. Все это рассказывали о нем с одобрением, но говорили также, что в Париже он считался мошенником, каких не видывал мир, и ему пришлось оттуда бежать, что он пытался обосноваться в Вене, но был выслан полицией, и лишь британская свобода позволила ему безнаказанно наслаждаться плодами своей предприимчивости. Теперь мистер Мельмонт держал дом на Гровенор-сквер и контору на Эбчерч-лейн, и весь свет знал, что на бал его жены приедут принц, кабинетный министр и самые сливки герцогинь. И всего этого он достиг менее чем за год.

В семье был только один ребенок, наследница всего состояния. Сам Мельмотт был крупный, с пышными бакенбардами, большими бровями и густыми жесткими волосами. Выражение власти, создаваемое формой подбородка и рта, было настолько сильное, что спасало это лицо от вульгарности, однако весь облик оставлял неприятное впечатление и, я бы сказал, не внушал доверия. Мистер Мельмотт выглядел хамом и нуворишем. Жена его была толстая и светловолосая, не как обычные еврейки, но с еврейским носом и еврейским разрезом глаз. Мало что в мадам Мельмотт располагало к ней, если не считать готовности тратить деньги на все, что присоветуют ей новые знакомые. Порой создавалось впечатление, что муж нарочно поручил ей осыпать подарками всех, кто согласится их принять. Свет принял этого человека как Огастеса Мельмотта, эсквайра. Так свет обращался к нему в чрезвычайно многочисленных письмах, под таким именем он состоял в совете директоров тридцати с лишним принадлежащих ему фирм. Однако его жена оставалась мадам Мельмотт. Дочери позволили занять место в обществе под английским именем. Теперь она во всех случаях была мисс Мельмотт.

Феликс Карбери описал Мари Мельмотт своей матери вполне точно. Она не отличалась красотой, умом и святостью, как не была уродливой, глупой или особенно грешной. Миниа-тюрная, едва старше двадцати лет и, в отличие от матери и отца, без тени еврейского во внешности, она была как будто запугана величием своего положения. У таких, как Мельмотты, все происходит быстро, и весь свет знал, что у мисс Мельмотт уже был жених и дело шло к свадьбе, но потом разладилось. Никто не винил в этом девицу, никто не видел причин ей сочувствовать. Не то чтобы она обманула жениха или он – ее. Браки между лицами королевской крови заключаются вопреки отсутствию или даже невозможности личной приязни, исключительно в государственных интересах; здесь ту же роль играли деньги. Такие браки одобряются или не одобряются исходя из финансовых договоренностей. Молодой лорд Ниддердейл, старший сын маркиза Олд-Рики, предложил взять девицу за полмиллиона и со временем сделать ее маркизой. Мельмотт, по слухам, согласился на такую сумму, но в форме неприкосновенного капитала. Ниддердейл хотел беспрепятственно распоряжаться деньгами и на другие условия не соглашался. Мельмотт всей душой стремился заполучить маркиза – и маркизу, поскольку договоренность с герцогиней тогда еще достигнута не была, но в конце концов вышел из себя и спросил у адвоката жениха, можно ли доверить такому человеку такую сумму. «Вы собираетесь доверить ему единственную дочь», – напомнил адвокат. Мельмотт несколько мгновений яростно смотрел из-под кустистых бровей, затем бросил, что ответ не имеет отношения к делу, и стремительно вышел из комнаты. Свадьба расстроилась. Вряд ли лорд Ниддердейл сказал Мари Мельмотт хоть одно нежное слово, и неизвестно, ждала ли этого бедная девушка. Без сомнения, ей объяснили, какая участь ей уготована.

С другими женихами не получилось по сходным причинам. Каждый смотрел на девицу как на обузу, которую придется взять – за очень большую цену. Однако дела Мельмоттов шли в гору, принцев и герцогинь удавалось залучить другими способами – дорого, но не разорительно дорого, необходимость срочно выдать Мари отпала, и Мельмотт уже не сулил за ней таких сумм. Девица тоже стала обнаруживать свое мнение. Говорили, что она наотрез отказала лорду Грасслоку, чей отец разорился вчистую, а сам он был нищий, уродливый, с ужасным характером и без всякого умения нравиться женщинам. С тех пор как лорд Ниддердейл, хохотнув, сказал, что, так и быть, возьмет ее в жены, она набралась опыта и теперь укладкой подумывала о собственном счастье и собственном выборе. Люди поговаривали, что, если сэр Феликс умно поведет дело, невеста может достаться ему.

Многие сомневались, что Мари и впрямь дочь дамы с еврейской внешностью. Пытались выяснить, когда Мельмотт женился, но безуспешно. Общее мнение гласило, что первые деньги Мельмотт получил за женой, причем не очень давно. Другие утверждали, что Мари вовсе ему не дочь. В целом загадка приятно будоражила, и деньги были самые что ни на есть настоящие. Что они тратятся ежедневно, все видели своими глазами. Был дом. Была мебель. Были кареты,

лошади, пудренные ливрейные лакеи и ненапудренные слуги в черном. Были драгоценности, подарки и все те приятные вещи, которые можно купить за деньги. Было два званных обеда каждый день – один в два пополудни, называвшийся ланчем, и второй в восемь. Торговцы узнали довольно, чтобы отбросить всякие опасения, и в Сити Мельмotta оценивали очень высоко, даже если репутация его не стоила ломаного гроша.

К десяти часам большой дом на южной стороне Гровенор-сквер сиял огнями. Широкую веранду превратили в подогреваемый зимний сад и наполнили сказочно дорогими тропическими растениями. От двери соорудили крытый переход к мостовой и, боюсь, подкупили полисменов, чтобы те отправляли прохожих в обход. Дом был украшен так, что, войдя, вы не понимали, где очутились. Вестибюль стал раем, лестница – волшебной страной, коридоры – папоротниковыми гротами. Внутренние стены снесли и соорудили арки. Дорожки за домом огородили, накрыли крышей и застелили коврами. Бал проходил на первом и втором этажах, а сам дом казался бесконечным. «Это, верно, обошлось в шестьдесят тысяч фунтов», – заметила маркиза Олд-Рики своей старой приятельнице графине Мид-Лотиан. Маркиза приехала, несмотря на историю с неудачным сватовством сына, когда услышала, что будет герцогиня Стивенэйдж. «Никогда еще деньги не швыряли на ветер так скверно», – сказала графиня. «Говорят, они так же скверно приобретены», – ответила маркиза. Затем обе старые аристократки, одна за другой, наговорили льстивых слов богемской еврейке, которая встречала гостей в волшебной стране, полуживая от усталости и в полуобмороке от величия происходящего.

Три салона на первом этаже были приготовлены для танцев, и здесь находилась Мари. Впрочем, заботу о танцах взяла на себя герцогиня. Она поручила своему племяннику Майлзу Грендоллу (тому самому, что теперь посещал Сити) дать указания оркестру и вообще не стоять без дела. Грендоллы – а точнее, семейство лорда Альфреда – вообще за последнее время очень сблизилась с Мельмоттами к взаимной пользе и удовольствию. У лорда Альфреда, как все знали, не было за душой ни шиллинга, зато были брат-герцог и сестра-герцогиня. Последние тридцать лет они только и делали, что тревожились из-за бедного Альфреда, который неудачно женился на девице без единого шиллинга за душой, издержал свое небольшое имение, родил трех сыновей и трех дочерей и уже очень давно жил на неохотные даяния благородных родственников. Мельмott мог содержать все семейство, ничуть не тяготясь расходами, – так отчего ему этого не делать? Поначалу была мысль, что Майлз посватается к наследнице, но от этой затеи отказались. У Майлза нет ни титула, ни собственного положения – уж пусть лучше благодатные воды орошают все семейство Грендоллов понемногу. И Майлз отправился в Сити.

Бал открылся кадрилию, которую лорд Бантингфорд, старший сын герцогини, танцевал с Мари. Были заключены различные соглашения, и это входило в их число. Мы можем даже сказать, что это было частью сделки. Лорд Бантингфорд робко возражал. Он был серьезный молодой человек, гордый своим сословием, довольно стеснительный и не любящий танцевать. Однако он сдался на убеждения матери.

– Разумеется, они вульгарны, – сказала герцогиня. – До такой степени, что это уже даже не гадко, а просто нелепо. Да, он не совсем честен. Не думаю, что такие деньги можно заработать честно. И разумеется, у него свой интерес. Легко говорить, что это некрасиво, но как нам быть с детьми Альфреда? Майлз будет получать пятьсот фунтов в год. И к тому же он постоянно в доме. Строго между нами, они выкупили все векселя Альфреда и обещали, что не дадут им хода, пока твой дядя сам не захочет их оплатить.

– Долго им придется ждать, – заметил лорд Бантингфорд.

– Разумеется, они что-то хотят получить взамен, так что будь добр, потанцуй один раз с дочкой.

Лорд Бантингфорд выразил легкое неодобрение – и поступил, как просила мать.

Все шло лучше некуда. В комнатах первого этажа поставили три или четыре карточных стола; за одним из них сидели лорд Альфред Грендолл и мистер Мельмott с еще двумя или

тремя игроками, меняясь после каждого роббера. Вист был единственным умением лорда Альфреда и почти единственным его занятием. Он играл в клубе каждый день с трех пополудни до двух полночи, за исключением двух часов на обед. Такого расписания он держался десять месяцев в году, а остальные два проводил на водах, где собирались игроки в вист. Он никогда не играл по ставкам выше клубных. Он уходил в игру с головой и наверняка был сильнее своих обычных соперников. Однако фортуна так ополчилась на лорда Альфреда, что он не мог добыть денег даже вистом. Мельмотт стремился попасть в клуб лорда Альфреда – «Перипатетики». Любо-дорого было смотреть, как беззаботно он проигрывает и с какой дружеской фамильярностью называет его милость Альфредом. У лорда Альфреда сохранились остатки чувств, и ему очень хотелось прибить Мельмотта. Хотя тот был и крупнее, и моложе, удерживала лорда Альфреда вовсе не трусость. Несмотря на свою пустую и бездеятельную жизнь, он не растерял молодой удалы. Порой он думал, что прибьет Мельмотта, и будь что будет. Но нельзя же забывать о бедных мальчиках и о векселях у Мельмотта в сейфе! И к тому же Мельмотт так часто проигрывал и расплачивался с таким добродушием! «Идем пропустим по бокалу шампанского, Альфред», – сказал Мельмотт, и они вместе встали из-за стола. Лорд Альфред любил шампанское и пошел за хозяином, однако про себя почти решил когда-нибудь его прибить.

Позже Мари Мельмотт вальсировала с Феликсом Карбери, а Генриетта Карбери разговаривала с неким мистером Полом Монтегю. Леди Карбери тоже была здесь. Она не питала особого расположения к балам и таким людям, как Мельмотты, да и Генриетта тоже. Однако Феликс сказал, что, учитывая его виды на девицу, им лучше будет принять приглашение, которое он для них добудет. Они согласились, а затем, к недовольству леди Карбери, Пол Монтегю тоже получил карточку. Леди Карбери две минуты была очень любезна с мадам Мельмотт, затем села в кресло и приготовилась страдать до конца бала. Она, впрочем, умела исполнять свой долг без единой жалобы.

– Это первый мой большой бал в Лондоне, – сказала Генриетта Карбери Полу Монтегю.

– И как он вам нравится?

– Нисколько не нравится. Да и как иначе? Я тут никого не знаю. Мне непонятно, как выходит, что все между собой знакомы. Или они просто танцуют, не будучи знакомыми?

– Именно так. Думаю, они привыкли, что всех запросто представляют направо и налево, и не испытывают с этим ни малейшего затруднения. Если вы хотите танцевать, то отчего не танцуете со мной?

– Я танцевала с вами – дважды.

– Разве законы воспрепятствуют танцевать трижды?

– Но я не особо хочу танцевать, – ответила Генриетта. – Пожалуй, я пойду утешу бедную маменьку, ей тут не с кем поговорить.

В эту самую минуту леди Карбери не скучала, поскольку на выручку ей пришел неожиданный друг.

Сэр Феликс и Мари Мельмотт кружились и кружились в медленном вальсе, сполна наслаждаясь музыкой и движением. Следует заметить, что при всех своих недостатках сэр Феликс Карбери не страдал вялостью. Он танцевал, охотился и ездил верхом с энергией, доставлявшей ему радость, – не по расчету, не осознанно, а просто по телесному складу. А Мари Мельмотт была беспредельно счастлива. Она всей душой любила танцевать – если могла следовать в этом своим желаниям. О некоторых молодых людях ее особо предупреждали, что с ними она танцевать не должна. Ее чуть не отдали лорду Ниддердейлу, и она подчинилась бы отцовской воле. И все же Мари Мельмотт не испытывала ни малейшего удовольствия от его общества, и если не была несчастна, то потому лишь, что еще не осознала себя личностью, имеющей право на собственное мнение. Ей, безусловно, не нравилось танцевать с лордом Ниддердейлом. Лорда Грасслока она положительно ненавидела, хотя поначалу едва ли смела об этом сказать. Еще один-два молодых человека проявляли неприятную назойливость, но от них судьба ее благопо-

лучно избавила. Сейчас не было никого, чье предложение, если оно будет сделано, отец велел бы ей принять. И Мари нравилось танцевать с сэром Феликсом Карбери.

Дело было не только в его наружности, но и в умении изображать чувства, прямо противоположные истинным. Он умел казаться влюбленным, пока не приходило время по-настоящему открыть сердце. Тогда, ничего не зная о подлинной любви, он терпел крах. Однако ухаживать он мог очень искусно и уже продвинулся довольно далеко, а Мари Мельмонт до сих пор его не раскусила. Ей он казался божеством. Если бы ей разрешили принять ухаживания сэра Феликса Карбери и выйти за него замуж, она воображала бы себя счастливицей.

– Как хорошо вы танцуете, – сказал сэр Феликс, как только отдышался.

– Правда? – Она говорила с легким иностранным акцентом, довольно милым. – Мне никто этого не говорил. Но со мной никто обо мне не говорит.

– Я хотел бы рассказать вам о вас все, от начала и до конца.

– Но вы меня совсем не знаете.

– Я бы узнал. И я могу сделать некоторые догадки. Я расскажу, что вам понравилось бы больше всего на свете.

– Что же?

– Человек, которому вы нравитесь больше всего на свете.

– Ах, да, но как знать, кто это?

– Чтобы узнать, надо верить, мисс Мельмонт.

– Так ничего не узнаешь. Если девушка скажет, что я ей нравлюсь больше всего на свете, я не узнаю, правду ли она говорит, пока не проверю.

– А если это скажет джентльмен?

– Я не поверю ему и на грош и даже проверять не стану. Но мне хотелось бы иметь другом девушку, которую я буду любить... о, в десять раз больше, чем себя.

– Я тоже.

– Разве у вас нет лучшего друга?

– Я про девушку, которую мог бы любить... о, в десять раз больше, чем себя.

– Теперь вы надо мной смеетесь, сэр Феликс, – сказала мисс Мельмонт.

– Интересно, что-нибудь из этого выйдет? – проговорил Пол Монтегю, обращаясь к мисс Карбери.

Они вернулись в гостиную и наблюдали заигрывания баронета.

– Вы про Феликса и мисс Мельмонт? Мне гадко о таком думать, мистер Монтегю.

– Для него это было бы большой удачей.

– Жениться на дочери вульгарных людей только потому, что она богата? Он не может любить ее по-настоящему – из-за денег.

– Но деньги ему так нужны! На мой взгляд, у Феликса нет иного способа занять место в жизни, кроме как жениться на деньгах!

– Какие ужасные слова вы говорите.

– Но разве это не правда? Он себя разорил.

– Ох, мистер Монтегю.

– И разорит вас и вашу мать.

– Я о себе не думаю.

– Зато думают другие. – Произнося эти слова, он не смотрел на собеседницу, но говорил сквозь зубы, как будто злится и на нее, и на себя.

– Я не ждала, что вы будете так жестоко говорить о Феликсе.

– Я не говорю о нем жестоко, мисс Карбери. Я не сказал, что он сам виноват. Он из тех, кто рожден тратить, а поскольку у этой девицы много денег, пожалуй, для него будет благом на ней жениться. Будь у Феликса двадцать тысяч годовых, все бы считали его лучшим малым на свете.

Впрочем, тут мистер Пол Монтегю показал, что плохо разбирается в людях. Будь сэръ Феликс богат или беден, общество, при всей своей испорченности, никогда не назвало бы его славным малым.

Леди Карбери уже полчаса сидела в одиночестве под мраморным бюстом, когда с радостью увидела идущего к ней мистера Фердинанда Альфа.

– Вы здесь? – спросила она.

– Почему нет? Мельмотт и я – оба искатели счастья.

– Я бы думала, что для вас здесь мало занятого.

– Здесь есть вы, а кроме того, герцогини с дочерьми без счета. Ждут принца Георга!

– Правда?

– И здесь уже Легг Уилсон из министерства по делам Индии. Я говорил с ним в какой-то усыпанной самоцветами куще по пути сюда, меньше пяти минут назад. Бал вполне удался. Вы не думаете, что все это очень мило, леди Карбери?

– Я не знаю, шутите вы или говорите всерьез.

– Я никогда не шучу. Я говорю, что тут очень мило. Эти люди тратят тысячи тысяч, чтобы угодить вам, мне и другим, а взамен хотят лишь немного одобрения.

– Намерены ли вы их одобрить?

– Я их одобряю.

– Ах, но одобрение «Вечерней кафедры»! Намерены ли вы одобрить их печатно?

– Не в наших правилах публиковать список гостей и расписывать дамские наряды. Возможно, для нашего гостеприимного хозяина лучше, чтобы газеты обходили его молчанием.

– И вы будете очень суровы ко мне, мистер Альф? – спросила дама после недолгого молчания.

– Мы ни к кому не бываем суровы, леди Карбери. А вот и принц. Они все-таки его заманили. И что они будут с ним делать? О, заставят танцевать с наследницей. Бедная наследница!

– Бедный принц! – воскликнула леди Карбери.

– Ничего подобного. Она довольно милая девушка, и его ничто не стеснит. Но как ей, бедняжке, говорить с особой королевской крови?

Мари и впрямь можно было посочувствовать. Принца ввели в зал, где она по-прежнему слушала Феликса Карбери, и сказали, что сейчас она будет танцевать с членом королевской фамилии. Представили их друг другу очень быстро и по-деловому. Майлз Грендолл вошел первым и отыскал жертву женского пола, герцогиня последовала за жертвой мужского пола. Мадам Мельмотт, которая от усталости чуть не падала с ног, семенила следом, но ее к делу не допустили. Оркестр заиграл галоп, но тут же умолк, к большому замешательству танцующих. Через две минуты Майлз Грендолл составил пары. Он танцевал с тетушкой, герцогиней, напротив Мари и принца, пока, в середине кадрили, не разыскали Легга Уилсона и не отправили ему на смену. Лорд Бантингфорд уехал, но остались две дочери герцогини; их быстро отыскали. Сэру Феликсу Карбери, который вышел и лицом, и родом, доверили вести одну, лорду Грасслоку – другую. Были еще четыре пары, все из титулованных гостей, поскольку с самого начала задумывалось, что этот танец осветит пресса – если не «Вечерняя кафедра», то какая-нибудь менее солидная ежедневная газета. В доме присутствовал платный репортер, готовый бежать в редакцию со списком, как только танец станет свершившимся фактом. Сам принц не совсем понимал, зачем он здесь, но те, кто направлял его жизнь, направили ее сейчас таким образом. Он, вероятно, не знал о выкупленных из залога бриллиантах и о значительном пожертвовании на больницу Святого Георгия, которое выудили у мистера Мельмотта в качестве довеска. Бедняжка Мари чувствовала, что испытание свыше ее сил, и, судя по виду, сбегала бы, если б могла. Однако все закончилось быстро и было не так уж мучительно. Принц говорил по слову-два между каждой фигурой танца и вроде бы не ждал ответа. Он был приучен обходиться короткими фразами, дабы облегчить бремя собственного величия тем, кого

им сейчас одаривает. Как только кадрили закончилась, ему позволили сбежать, сократив церемонию до единственного бокала шампанского, выпитого в присутствии хозяйки. Немалые усилия были приложены к тому, чтобы скрыть от хозяина присутствие августейшего гостя, пока тот не уехал. Мельмотт пожелал бы самолично налить ему вина, усладить себя разговором с его высочеством и, вероятно, был бы назойлив и неприятен. Майлз Грендолл это понимал и очень ловко все устроил.

– Боже мой! Его высочество был и уехал! – воскликнул мистер Мельмотт.

– Вы с моим отцом так увлеклись вистом, что вас невозможно было оторвать, – ответил Майлз.

Мельмотт был не дурак и все понял – не только что принца нарочно избавили от встречи с ним, но и что так, возможно, и впрямь лучше. Нельзя получить все сразу. Майлз Грендолл был очень ему полезен, и он не собирался ссориться с Майлзом – по крайней мере, сейчас.

– Еще роббер, Альфред? – обратился он к отцу Майлза, когда другие гости начали развешаться.

Лорд Альфред выпил много шампанского. На миг он забыл про векселя в сейфе и про те блага, которыми пользуются его мальчики.

– Обращайтесь к людям как положено, черт побери, – сказал он и вышел из дома, не удостоив хозяина другим словом.

Перед сном мистер Мельмотт потребовал у смертельно усталой жены отчета о бале и особенно о поведении Мари.

– Мари вела себя хорошо, – сказала мадам Мельмотт, – но заметно предпочитала сэра Карбери другим молодым людям.

До сих пор Мельмотт очень мало слышал о «сэре Карбери», помимо того, что он баронет. Великий финансист внимательно следил за всем, во все вникал, но даже при своем остром уме еще не вполне разобрался в значении и последовательности британских титулов. Мельмотт знал, что нужно выдать дочь либо за носителя титула, либо за старшего сына. Сэр Феликс был всего лишь баронет, зато уже вступил в титул. Кроме того, Мельмотт уяснил, что сын сэра Феликса со временем тоже станет сэром Феликсом. Таким образом, он не был сейчас настроен давать дочери строгие указания, как ей держаться с молодым баронетом. Впрочем, он не подозревал, какие слова молодой баронет сказал его дочери на прощание.

– Вы знаете, кто любит вас больше всего на свете, – прошептал он.

– Никто меня так не любит... не надо, сэр Феликс.

– Я вас так люблю, – сказал он и на мгновение задержал ее руку в своей.

Он глянул ей в лицо, и ей подумалось, что это очень приятно. Он подготовил эти слова, как урок, затвердил, как урок, и сказал довольно хорошо. Так или иначе, бедная девушка легла спать в счастливом убеждении, что наконец-то услышала признание от человека, которого сможет полюбить.

Глава V. После бала

- Утомительная работа, – сказал сэр Феликс, садясь в экипаж с матерью и сестрой.
- Каково же было мне сидеть все это время без дела? – заметила его мать.
- Меня работа утомила как раз потому, что у меня было дело. Кстати, загляну-ка я в клуб. – И он, высунувшись из экипажа, велел кучеру остановиться.
- Два часа ночи, Феликс, – заметила мать.
- Боюсь, что да, но я голоден. Вы, может, и поужинали, а я нет.
- Ты пойдешь в клуб ужинать среди ночи?
- Иначе мне придется лечь голодным. Всего доброго.

Он выпрыгнул из экипажа, окликнул кэб и велел ехать в «Медвежий садок». Себе он сказал, что друзья его осудят, если не дать им случая отыграться. Прошлую ночь он снова играл и снова выиграл. Долли Лонгстафф задолжал ему теперь крупную сумму, и лорд Грасслок тоже был его должником. Сэр Феликс не сомневался, что Грасслок после бала поедет в клуб. Чего доброго, станут говорить, что Карбери позволил матери и сестре увезти его домой. Так он убеждал себя, но на самом деле бес картежной игры распалял ему душу; даже сознание, что в случае проигрыша он спустит настоящие деньги, а в случае выигрыша очень не скоро что-нибудь получит, не могло пересилить азарта.

Мать с дочерью молчали до самого дома. Когда они уже поднимались в спальни, мать высказала то, что лежало у нее на сердце.

- Как ты думаешь, он играет?
- Маменька, у него нет денег.
- Боюсь, его это не остановит. И деньги у него есть, пусть по меркам его приятелей и небольшие. Если он играет, все погибло.
- Думаю, они все сколько-нибудь играют.
- Я не знала, что он играет. И мне очень больно, что он совсем обо мне не думает. Дело не в том, что он меня не слушает. Мать, возможно, и не должна ждать послушания от взрослого сына. Но мое слово ничего для него не значит. Он меня не уважает. Он так же легко сделает что-нибудь дурное при мне, как при посторонних.
- Он уже давно сам себе хозяин, маменька.
- Да, сам себе хозяин! Только я должна его всем обеспечивать, как маленького. А ты, Гетта, весь вечер провела с Полом Монтегю.
- Нет, маменька, это несправедливо.
- Он весь вечер от тебя не отходил.
- Я больше никого там не знала. И я не могла сказать, чтобы он со мной не говорил. Мы с ним танцевали два раза.

Мать сидела, держась руками за лоб, и при этих словах покачала головой.

- Если ты не хотела, чтобы я говорила с Полом, не надо было меня туда брать.
 - Я не хочу, чтобы ты избегала разговоров с Полом. Ты знаешь, чего я хочу.
- Генриетта подошла, поцеловала мать и пожелала ей доброй ночи.
- Я несчастнейшая женщина в Лондоне, – проговорила та с истерическим рыданием.
 - Моя ли это вина, маменька?
 - Ты могла бы облегчить мне жизнь. Я тружусь как вол и не трачу и шиллинга без крайней надобности. Для себя мне ничего не нужно – ничего. Никто не страдал, как я. Но Феликс совершенно обо мне не думает.
 - Я думаю о тебе, маменька.
 - Если бы думала, ты бы приняла предложение своего кузена. Какое право ты имеешь ему отказывать? Я уверена, это из-за того молодого человека.

– Нет, маменька, это не из-за того молодого человека. Я очень хорошо отношусь к моему кузену, но не более того. Доброй ночи, маменька.

Леди Карбери позволила дочери себя поцеловать и уйти, оставив ее одну.

В восемь часов следующего утра рассвет застал четырех молодых людей, когда те вставали из-за карточного стола в «Медвежьем садке». «Медвежий садок» был такой замечательный клуб, что устав не предписывал ему закрываться в определенное время – только не открываться до трех пополудни. Впрочем, слуги получали указание не подавать еды и вина после шести утра, так что к восьми неразбавленный табачный дым становился слишком тяжел даже для молодых организмов. Компания состояла из Долли Лонгстаффа, лорда Грасслока, Майлза Грендолла и Феликса Карбери. Последние шесть часов они забавлялись разными невинными играми – сперва вистом, а под конец баккара. И всю ночь сэр Феликс выигрывал. Майлз Грендолл с лордом Грасслоком порешили между собой, что справедливо и выгодно будет избавить сэра Феликса от выигранного в прошлые два вечера. Оба играли с этим намерением и по молодости не умели его скрыть, так что за столом ощущалась некоторая враждебность. Читатель не должен думать, что кто-нибудь из них передергивал или что баронет подозревал нечестную игру. Однако Феликс чувствовал, что Грендолл и Грасслок – его враги, и обратился за дружеским участием к Долли. Долли, впрочем, изрядно перебрал.

К восьми они подбили счета, хоть и не рассчитались. Деньги переходили из рук в руки только в начале игры. Больше всех проиграл Грасслок, и у Карбери набралось его расписок почти на две тысячи фунтов. Молодой лорд оспаривал этот факт яростно, но безрезультатно – цифры были написаны его собственной рукой, и даже Майлз Грендолл, который вроде бы оставался трезвым, не мог уменьшить итог. Сам Грендолл проиграл Карбери больше четырехсот фунтов, – впрочем, точная сумма тут несущественна, поскольку с тем же успехом Майлз мог раздобыть сейчас сорок тысяч. Тем не менее он с беспечным видом отдал противнику расписку. Грасслок тоже сидел на мели, но у него был отец – правда, тоже на мели, – но тут дело было не совсем безнадежное. Долли Лонгстафф так перебрал, что не мог даже подбить собственный счет, и они с Карбери оставили это до следующей встречи.

– Полагаю, вы будете здесь завтра – то есть уже сегодня, – сказал Майлз.

– Безусловно. Но только одно, – ответил Феликс.

– Что именно?

– Полагаю, вам следует расплатиться, прежде чем мы снова сядем играть!

– О чем вы? – с досадой спросил Грасслок. – Уж не намекаете ли вы на что-нибудь?

– Я ни на что не намекаю, мой Грасси, – ответил Феликс. – Просто я считаю, что в карточной игре надо расплачиваться сразу. Впрочем, мы с вами люди свои. Завтра я позволю вам отыгаться.

– И это правильно, – сказал Майлз.

– Я говорил с лордом Грасслоком, – ответил Феликс. – Он мой старый приятель, мы друга друга знаем. Вы сегодня вели себя довольно грубо, мистер Грендолл.

– Грубо! Как это понимать, черт возьми?

– И я считаю, что правильно будет расплатиться до того, как мы сядем играть снова.

– Я привык рассчитывать раз в неделю, – сказал Грендолл.

На этом разговор завершился, но молодые люди расстались в натянутых отношениях. В кэбе по пути домой Феликс прикинул, что, если удастся превратить расписки в деньги, можно будет снова завести лошадей, слуг и прочую роскошь. Если все расплатятся, у него будет больше трех тысяч фунтов!

Глава VI. Роджер Карбери и Пол Монтегю

Главой семейства Карбери был Роджер Карбери из Карбери-Холла, владелец небольшого имения в Суффолке. Карбери жили в Суффолке очень давно, по меньшей мере с Войны Алой и Белой розы, и занимали достойное, хоть и не слишком высокое положение. Неизвестно даже, был ли кто-нибудь из них рыцарем, пока сэра Патрика не сделали сразу баронетом. Однако они были верны своей земле, а земля – им во всех перипетиях внутренних войн, Реформации и последующих событий. Нынешний глава семьи по-прежнему владел Карбери-Холлом, где жил от рождения. В начале нынешнего века сквайр Карбери считался заметным человеком если не в графстве, то по крайней мере в своей части графства. Доход от имения позволял ему жить богато и гостеприимно, пить портвейн, ездить на крепкой охотничьей лошадке и держать старый неуклюжий экипаж, в котором жена наносила визиты соседям. У него был старик-дворецкий, прослуживший в доме всю жизнь, и деревенский мальчишка, его помощник. Была кухарка, которой гордость не возбраняла мыть посуду, и две молодые служанки. Миссис Карбери самолично вела дом, метила и отдавала в стирку белье, мариновала на зиму овощи и приглядывала за копчением окороков. В 1800-м доходов от имения вполне хватало на содержание дома. С тех пор имение заметно выросло в цене, арендная плата повысилась. Даже акров прибавилось за счет огораживания общинных земель. Однако доход уже не обеспечивал нужды английского помещичьего дома. В наши дни полученное в наследство имение становится скорее обузой, если только завещатель не оставил и средств на его поддержание. Земля – роскошь, а роскошь обходится дорого. Теперь у Карбери не было ничего, кроме земли. Никто из старших сыновей не пошел в торговлю, не сделал выгодную карьеру, не женился на богатой наследнице. Никого не постиг финансовый крах, никто не промотался, но ко времени нашего рассказа сквайр Карбери-Холла был на общем фоне бедняком. Имение, как считалось, приносило две тысячи фунтов годового дохода. Если бы он сдал усадьбу внаем, перебрался за границу, оставил управляющего вести дела с арендаторами, то, несомненно, благоденствовал бы. Однако он жил на своей земле, как все Карбери до него, и был нищим в сравнении с богатыми соседями. Лонгстаффы из Кавершема – с их старшим сыном и надеждой, Долли Лонгстаффом, читатель уже знаком – кичились своим богатством, но их предок был лорд-мэром Лондона и свечным торговцем не далее как при королеве Анне. Хепуорты, почтенное древнее семейство, породнились с нуворишами. Примеро – хотя окрестные жители по доброте называли главу семьи сквайром Примеро – еще полвека назад были испанскими купцами, а Бандлшемское поместье купили у прежнего хозяина, герцога. Поместья этих трех джентльменов вместе с землями епископа Элмхемского окружали имение Карбери со всех сторон, и богатством их владельцы совершенно затмевали нашего сквайра. Епископские доходы его не смущали; он считал, что епископам подобает пышность, и досадовал, что парламент заменил их земельные владения денежным содержанием. А вот величие Лонгстаффов и выставляемое напоказ богатство Примеро его угнетало, хотя он никогда бы не признался в этом даже близкому другу. Свое мнение он вслух не высказывал, но все близкие знали, что, на его взгляд, положение в обществе не должно определяться деньгами. Примеро стояли на общественной лестнице несомненно ниже его, хотя молодые Примеро держали по три лошади и ежегодно убивали легионы фазанов по десять шиллингов за голову. Хепуорт из Эрдли был отличный малый, ничуть не заносился и понимал свой долг сельского джентльмена, но все равно не имел причин смотреть свысока на Карбери из Карбери, хотя, по слухам, получал семь тысяч в год. Лонгстаффы были совершенно невыносимы. Их лакеи, даже в деревне, пудрили волосы. Они держали собственный городской дом и жили как тузы. Хозяйку звали леди Помона Лонгстафф. Красавиц-дочерей прочили за пэров. Единственный сын, Долли, располагал собственным состоянием, по крайней мере, когда-то располагал. И что удивительно, при всем своим богатстве они никогда не пла-

тили долгов и продолжали жить на широкую ногу. У девочек всегда были верховые лошади, и в поместье, и в городе. Долли, существо безусловно жалкое, хоть и доброе, проявлял энергию и упорство лишь в одном – постоянно ссорился с отцом, у которого весь жизненный интерес сосредоточился на поместье. Дом в Кавершем-Парке был шесть или семь месяцев в году полон слугами, если не гостями, так что все лавочники в окрестных городках – Бенгее, Беклсе и Харлстоуне – знали, что Лонгстаффы – очень большие люди в округе. Все, заказанное Лонгстаффами, угодливо доставлялось в срок, даже если лавочникам приходилось затягивать пояса, так свято они верили в надежность помещичьей собственности. Да к тому же владелец имения, где дела ведутся таким порядком, не станет чересчур внимательно изучать счета.

Карбери из Карбери в жизни не задолжал шиллинга, которого не мог бы заплатить. Таким был и его отец. В Беклсе он заказывал не много и всегда следил, чтобы с него не содрали лишнего и не навязали ему ненужного. Соответственно, беклские торговцы невысоко ставили Карбери из Карбери, хотя двое-трое стариков еще питали древнее уважение к семейству. Роджер Карбери, эсквайр, был Карбери из Карбери. Таким отличием не могли похвалиться ни Лонгстаффы и Примеро, ни даже Хепуорты из Эрдли. Приход, в котором располагался его дом, носил название Карбери. Был еще Карберийский лес, частью в Карберийском приходе, частью в Бандлшемском, но, увы, лес этот целиком принадлежал Бандлшемскому поместью.

Сам Роджер Карбери был одинок как перст. Ближайшие родственники, сэр Феликс и Генриетта, приходились ему всего лишь троюродными. Родные сестры давно вышли замуж и уехали с мужьями – одна в Индию, другая далеко на запад Соединенных Штатов. Сейчас ему было почти сорок, а он все оставался холостяком. Был он приятной наружности, крепко сложенный, с решительным квадратным лицом, правильными чертами, небольшим ртом, хорошими зубами и твердым подбородком. Волосы его, рыжие и слегка вьющиеся, уже немного облысели на макушке. Бороду он не носил, только едва заметные бакенбарды. Глаза у него были маленькие, но ясные и, когда он бывал в хорошем настроении, очень веселые. Росту он имел пять футов девять дюймов, и каждый видел, что это человек сильный и здоровый. Более мужественного облика нельзя и вообразить. Он принадлежал к типу людей, с которыми сразу хочется завязать хорошие отношения – отчасти из-за подсознательного чувства, что против своих противников они будут стоять насмерть, отчасти из-за столько же сильной уверенности, что дружба с ними должна быть очень приятна.

Когда сэр Патрик вернулся из Индии больным и немощным, Роджер Карбери заботливо поспешил к нему в Лондон. Не хочет ли сэр Патрик перебраться с женой и детьми в старую сельскую усадьбу? Сэр Патрик видел старую усадьбу в гробу, о чем и сообщил родственнику почти в этих словах. Так что при жизни сэра Патрика особой дружбы не сложилось. Но когда вздорный старик умер, Роджер нанес второй визит и вновь предложил свое гостеприимство вдове и ее дочери – а также молодому баронету. Молодой баронет только что вступил в полк и не стремился навещать кузена в Суффолке, однако леди Карбери и Генриетта провели там месяц. Роджер всячески старался сделать их пребывание приятным, и в случае Генриетты ему это вполне удалось. Что касается вдовы, надо признать, Карбери-Холл не вполне отвечал ее вкусам. Она уже мечтала о литературной карьере – хоть о какой-нибудь карьере, которая возместит ей прошлые страдания. «Дорогой кузен Роджер», как она его называла, ничем не мог ей в этом помочь. Прелести сельской жизни ее не увлекали. Леди Карбери пыталась развлечь себя знакомством с епископом, но он оказался для нее слишком прямодушным и честным. Примеро были ужасны, Хепуорты глупы, Лонгстаффы (она пробовала завязать дружбу с леди Помоной) – нестерпимо высокомерны. Она объявила Генриетте, что «в Карбери-Холле очень скучно».

Тут произошло событие, которое совершенно переменяло ее мнение и о Карбери-Холле, и о его владельце. Роджер через несколько недель приехал в Лондон и весьма прозаично попросил у леди Карбери руки ее дочери. Ему было тогда тридцать шесть, Генриетте еще не испол-

нилось двадцати. Он был очень бесстрастен – некоторые называли бы его ухаживание вялым. Генриетта заявила матери, что совершенно такого не ждала. Впрочем, он был крайне настойчив. Леди Карбери с жаром взяла его сторону. Карбери-Холл не отвечал ее запросам, но Генриетте там будет хорошо. Что до возраста, она в свои сорок с лишним находила тридцатилетнего мужчину достаточно молодым для сколь угодно юной девушки. Тут у Генриетты было свое мнение. Ей нравился кузен, но она его не любила. Предложение удивило ее, причем удивило неприятно. Она так нахваливала матери и поместье, и хозяина – по наивности не допуская и мысли, что он может к ней посвататься, – что теперь не знала, как объяснить отказ. Да, она действительно говорила, что кузен очень милый, однако она имела в виду милый не в таком духе. Она отказала вполне недвусмысленно, но без явной твердости. Роджер предложил ей подумать несколько месяцев, и мать его поддержала. Генриетта могла сказать лишь, что раздумья вряд ли что-нибудь изменят. Первый раз они гостили в Карбери в сентябре. В феврале следующего года Генриетта снова там побывала – вопреки своему желанию – и в присутствии кузена чувствовала себя очень неловко и скованно. Еще до их отъезда он повторил свое предложение, но Генриетта объявила, что не может выполнить то, чего от нее требуют. Она не привела других объяснений, кроме того, что не любит кузена так, чтобы стать его женой. Тем не менее Роджер объявил, что не отступится. Он на самом деле полюбил ее, а любовь была для него не шуткой. Все это произошло за год до начала нашей истории.

Однако произошло и кое-что другое. Во время второго визита в усадьбу приехал молодой человек, о котором Роджер Карбери много рассказывал кузине и ее матери – некий Пол Монтегю, о котором надо сейчас коротко рассказать. Сквайр – Роджера Карбери дома всегда называли сквайром – не ждал беды, приглашая родственников в то же время, когда у него будет гостить Пол Монтегю. И все же беда случилась. Пол Монтегю влюбился в гостью своего друга, и это имело очень печальные последствия.

Леди Карбери и Генриетта провели в Карбери уже почти месяц, а Пол Монтегю – всего неделю, когда Роджер Карбери завел с ним разговор:

- Я должен вам кое-что сказать, Пол.
- Что-нибудь серьезное?
- Для меня – да. Могу сказать, что для меня нет ничего в жизни важнее.

При этом лицо его приняло выражение, в котором Монтегю узнал готовность защищать свое даже и с кулаками. Монтегю хорошо знал друга и смутно ощутил, что, сам того не ведая, как-то ущемил его в этом самом важном. Он поднял глаза, но промолчал.

- Я предложил руку и сердце моей кузине Генриетте, – торжественно сказал Роджер.
- Мисс Карбери?

– Да, Генриетте Карбери. Она мне отказала. Уже второй раз. Однако я не теряю надежды. Возможно, я не вправе надеяться, но все равно надеюсь. Говорю вам как есть. Вся моя жизнь зависит от этого. Думаю, что могу рассчитывать на ваше сочувствие.

- Почему вы не сказали мне раньше? – глухо спросил Пол Монтегю.

Произошел короткий резкий разговор. Каждый говорил справедливо, каждый считал себя правым, оба вспыхнули, оба были одинаково великодушны и неразумны. Монтегю сразу признался, что тоже любит Генриетту Карбери. Он выпалил это довольно невразумительно, но слова его сомнений не оставляли. Нет, он ничего ей не говорил. Он намеревался посоветоваться с Роджером Карбери и сделал бы это в ближайшие дни – может, прямо сегодня, не заговори Роджер раньше.

– У вас обоих нет за душой и шиллинга, – сказал Роджер. – И теперь, когда вам известны мои чувства, вы должны про нее забыть.

На это Монтегю возразил, что имеет право поговорить с мисс Карбери. Он не думает, что она хоть сколько-нибудь к нему расположена. Во всяком случае, у него нет никаких оснований так думать. Дело его совершенно безнадежное. И все же он вправе попытаться счастья.

Эта надежда для него все. Что до денег, он не совсем нищий, а к тому же может работать и получать жалованье. Скажи ему Карбери, что молодая особа выказала хоть малейшее намерение принять его, Карбери, предложение, он, Пол, немедля исчез бы со сцены. Раз это не так, он не откажется от своих надежд.

Перепалка длилась больше часа. Когда она кончилась, Пол Монтегю, не простившись с дамами, сложил вещи, и Роджер сам отвез его на станцию. Между ними прозвучало много резкостей, но последние слова Роджера на перроне были дружескими.

– Да благословит вас Бог, старина, – сказал он, стискивая Полу руки.

У Пола в глазах стояли слезы, и он ответил лишь таким же крепким пожатием.

Мать и отец Пола Монтегю давно умерли. Отец был лондонским барристером и, возможно, имел еще и небольшое состояние. Так или иначе, он оставил Полу, одному из своих сыновей, сумму, вполне довольную для начала жизненного пути, – в день совершеннолетия тот стал обладателем примерно шести тысяч фунтов. Он тогда учился в Оксфорде и хотел стать адвокатом. Его дядя, младший брат отца, женился на младшей из сестер Карбери (обе они были старше Роджера). Дядя этот много лет назад уехал с женой в Калифорнию и стал американцем. Он владел большим участком земли, разводил овец, растил пшеницу и фрукты, однако Монтегю и Карбери в Англии не вполне понимали, преуспевает он или нет. В то время семьи тесно общались, и между Полом и Роджером возникла близкая дружба, хотя, как заметил внимательный читатель, они не состояли в кровном родстве. Роджер, тогда еще совсем молодой человек, взял на себя заботу о том, чтобы мальчик получил хорошее образование; он и определил Пола в Оксфорд. Университета Пол не окончил и адвокатом не стал. В Бейлиоле он оказался замешан в дебош, был временно отстранен от занятий, затем вновь попался на том же самом, и его исключили окончательно. У него был талант попадать в истории, хотя, как не уставал повторять Роджер Карбери, ничего по-настоящему дурного он не сделал. Полу был тогда двадцать один год, и он вместе со своими деньгами отправился в Калифорнию к дяде. Возможно, он думал – ошибочно, – что в Калифорнии дебоширство популярно. К концу трех лет Пол убедился, что ему совсем не нравится жизнь калифорнийского фермера и, более того, ему совсем не нравится дядя. Он вернулся в Англию, но при этом не смог извлечь из калифорнийской фермы свои шесть тысяч фунтов. Того, что он получил, не хватило даже на обратную дорогу. Перед отъездом он, скрепя сердце, принял уверения дяди, что тот будет перечислять ему десятую долю прибыли регулярно, как часы. Упомянутые часы были, вероятно, работы Сэма Слика. В конце первого квартала пришла обещанная сумма целиком, в следующий раз – половина, потом долго не было ничего, дальше начали изредка поступать мелкие выплаты, а затем снова год не было ничего. В конце этого года Пол вновь отправился в Калифорнию, заняв деньги на билет у Роджера. Вернулся он с кое-какими деньгами и дополнительным обеспечением в виде документа, выписанного на его имя Гамильтоном К. Фискером, новым партнером дяди; этот Фискер добавил к дядиному концерну большую мукомольную фабрику. Согласно документу Пол должен был получать на свой капитал двенадцать процентов годовых. По этому же документу он значился совладельцем фирмы, которая теперь звалась «Фискер, Монтегю и Монтегю». Старшие компаньоны намеревались открыть в Фискервиле, примерно в двухстах пятидесяти милях от Сан-Франциско, дело, очень, по их словам, выгодное. Сердца Фискера и Монтегю были преисполнены надежды. Пол всей душой ненавидел Фискера и недолюбливал дядю; он охотно забрал бы свои шесть тысяч, если бы только мог. Однако забрать их он не мог и вернулся в Англию младшим партнером фирмы «Фискер, Монтегю и Монтегю», не совсем, впрочем, опечаленный, поскольку сумел получить часть дохода. Денег хватило на то, чтобы вернуть долг Роджеру и прожить несколько месяцев. Сейчас он усиленно размышлял, чем заняться, ежедневно советовался по этому поводу с Роджером, когда внезапно Роджер заметил его растущее чувство к девушке, которую любил сам. О том, что произошло дальше, читатель уже знает.

Об истинной причине его внезапного отъезда леди Карбери и ее дочери не сказали, только что дела вызвали Пола в Лондон. Обе дамы, наверное, отчасти догадывались, что произошло, но между собой этого не обсуждали. Перед их возвращением в город сквайр вновь просил Генриетту стать его женой и вновь получил отказ. Генриетта была холоднее прежнего, но, к несчастью, произнесла фразу, которая совершенно разрушила эффект от ее холодности. Она сказала, что слишком молода и ей рано думать о замужестве. На самом деле она хотела намекнуть, что разница в их возрасте слишком велика, но не знала, как это выразить. Легко было возразить, что через год она станет старше, однако Генриетта знала, что никакое число лет не уменьшит разницу в годах между нею и кузеном. Впрочем, теперь появилось и другое препятствие для ее брака с Роджером.

Через неделю после того, как леди Карбери покинула усадьбу, Пол Монтегю вернулся и был снова принят как дорогой друг. Перед отъездом он пообещал не видеться с Генриеттой три месяца, но дальше ни от чего не зарекался. «Если она не даст согласия вам, я не вижу причин, отчего бы мне не попытать счастья» – таков был его довод, справедливость которого Роджер отказывался принять. Он считал, что долг Пола – совершенно устранился, отчасти из-за безденежья, отчасти из-за того, что Роджер полюбил девушку раньше его, отчасти, несомненно, из благодарности, но об этой причине он не сказал и слова. Если Пол не видит этого сам, значит он ошибался в Поле.

Пол видел это сам, и совесть его грызла. Но зачем Роджеру быть собакой на сене? Будь Генриетта расположена к браку с Роджером, Пол сразу бы уступил ее другу. Да у него и не было бы тогда никакой надежды. У Роджера есть все преимущества Карбери-Холла, в то время как у него – лишь сомнительная фирма в жалком городишке за двести пятьдесят миль от Сан-Франциско! Но если Роджеру все это не помогло, отчего Пол должен скрывать от нее свои чувства? То, что Роджер говорит о его безденежье, – чепуха. Наверняка Роджер не считал бы это таким затруднением, не будь сам заинтересованной стороной. Пол говорил себе, что деньги у него есть, пусть и сомнительные, и он точно не откажется от Генриетты по такой причине.

Он несколько раз приезжал в Лондон ради некоего места, которое ему почти обещали, и, как только прошли обещанные Роджеру три месяца, стал часто бывать у леди Карбери и ее дочери. Однако время от времени он заново обещал Роджеру не объясняться Генриетте в любви. Срок был сперва два месяца, затем шесть недель, затем месяц. При этом они оставались близкими друзьями – настолько близкими, что большую часть времени Монтегю гостил у друга. Было ясно, что Роджер Карбери смертельно обидится на Пола, если тот завоюет право называться женихом Генриетты, но все между ними будет гладко, если она согласится стать хозяйкой Карбери-Холла. Так все происходило до того вечера, когда Монтегю и Генриетта встретились на балу у мадам Мельмонтт. Читателю следует также знать, что в ранней юности у Пола Монтегю уже была любовь. В ту пору, как, впрочем, и во время нашего рассказа, в Америке жила некая вдова, миссис Хартл, на которой он отчаянно хотел жениться перед второй поездкой в Калифорнию, однако Роджер Карбери вмешался и не позволил делу дойти до свадьбы.

Глава VII. Ментор

Желание леди Карбери выдать дочь за Роджера сильно подогревалось заботой о сыне. С тех пор как Роджер впервые посватался к Генриетте, положение Феликса, и до того плачевное, стало совсем отчаянным. Если удастся устроить дочь, говорила себе леди Карбери, она сможет целиком посвятить себя сыну. В чем именно это будет выражаться, она представляла довольно смутно, но знала, что при том, сколько она уже за него отдала и сколько он еще у нее вытянет, возможно, ей вскоре не на что будет содержать дочь. Во всех этих трудностях она постоянно обращалась к Роджеру Карбери за советами, которым, впрочем, никогда не следовала. Он советовал отказаться от городского дома и переехать с дочерью куда-нибудь в другое место. Феликс, если захочет, может поселиться с ними, а не захочет – пусть сам расхлебывает последствия своих безумств. Уж верно, оставшись в Лондоне без пропитания, он уедет к матери. Роджер всегда говорил о баронете очень сурово, по крайней мере на слух леди Карбери.

На самом деле она просила советов не для того, чтобы им последовать. У нее были планы, которые, она знала, Роджер не одобрит. Леди Карбери по-прежнему думала, что сэр Феликс завоюет богатство и место в свете женитьбой на богатой наследнице, и, несмотря на пороки сына, заранее им гордилась. Когда ему удавалось выманить у нее деньги, как в случае последних двадцати фунтов, когда он с наглым равнодушием к ее протестам в два часа ночи уезжал в клуб, когда почти хвастался безнадежностью своих долгов – тогда она впадала в отчаяние, истерически рыдала, проводила ночи без сна. Но если он женится на мисс Мельмотт, если преодолеет все трудности за счет своей красоты, мать будет гордиться его былыми безумствами. Роджер Карбери не одобрил бы такое отношение. Он считал позором задолжать торговцу деньги, которые не можешь отдать. А у леди Карбери, несмотря на ее истерики и страхи, были и другие надежды. «Преступные королевы» могут прогреметь. Она почти рассчитывала, что они прогремят. Господа Лидхем и Лойтер были с ней любезны. Мистер Брон обещал помочь. Мистер Букер сказал, что подумает над отзывом. Из осторожных саркастических слов мистера Альфа леди Карбери заключила, что «Вечерняя кафедра» отметит ее книгу. Нет, она не последует совету дорогого Роджера и не уедет из Лондона. Но по-прежнему будет просить у него совета. Мужчины любят, когда с ними советуются. И если получится, она устроит эту свадьбу. Где леди Карбери найдет сельский приют (если захочет на время удалиться из Лондона), лучше Карбери, имения ее собственной дочери! И тут ее мысли уносились в эмпиреи. Если к концу сезона Генриетта обручится с кузеном, Феликс женится на богатейшей невесте Европы, а саму леди Карбери назовут автором лучшей книги года, какое торжество ее ждет после всех пережитых испытаний! Она так упивалась этими мечтами, так оптимистично в них верила, что на какое-то время становилась вполне счастлива.

Через несколько дней Роджер Карбери был в городе, и они с леди Карбери уединились в ее кабинете. Считалось, что причина его приезда – дела баронета и насущная необходимость (как полагал Роджер) предпринять какие-то шаги, дабы покончить с нынешними его расходами. Роджера ужасало, что человек, у которого нет ни шиллинга и никакой надежды на шиллинг, который в жизни не помышлял о том, чтобы зарабатывать, держит охотничьих лошадей! Он был вполне готов поговорить об этом с Феликсом – если сумеет его поймать.

– Где он сейчас, леди Карбери? В эту минуту?

– Думаю, с бароном.

«С бароном» означало, что молодой человек охотится с гончими милях в сорока от Лондона.

– Откуда у него на это средства? На чьих лошадях он ездит? Кто за них платит?

– Не сердитесь на меня, Роджер. Как я могу этому помешать?

– Думаю, вы могли бы разорвать с ним всякие отношения, пока он так себя ведет.

– С моим собственным сыном!

– Да, именно. Но чем все кончится? Если позволить ему разорить вас и Гетту? А к этому идет.

– Вы не можете требовать, чтобы я его бросила.

– Я считаю, что он бросил вас. И потом, он ведет себя так непорядочно, так не по-джентльменски! Я не понимаю, на что он живет. Полагаю, вы не даете ему денег.

– Лишь совсем немного.

Роджер сердито нахмурился:

– Я понимаю, когда вы кормите его и позволяете ему жить под своей крышей. Но я не понимаю, зачем вы потакаете его порокам, давая ему деньги.

Это было сказано очень прямо, и леди Карбери даже немного отпрянула.

– Та жизнь, какую он ведет, требует большого дохода, – продолжал Роджер. – Я при всем, что у меня есть, не мог бы себе такого позволить.

– Вы другой.

– Разумеется, я старше. Намного старше. Однако ему пора бы что-то соображать. Есть ли у него деньги помимо тех, что даете вы?

И тут леди Карбери открыла ему свои подозрения:

– Думаю, он играл.

– Это способ спустить деньги – не приобрести их, – сказал Роджер.

– Кто-то же иногда выигрывает.

– Выигрывают мошенники. Проигрывают – глупцы. Лучше быть глупцом, чем негодяем.

– О Роджер, вы так суровы!

– Вы говорите, он играет. Как он будет расплачиваться за проигрыши?

– Я ничего об этом не знаю. Я даже не уверена, что он играет, однако у меня есть основания полагать, что в последнюю неделю у него были деньги. Собственно, я их видела. Он приходит домой под утро и спит допоздна. Вчера я зашла к нему в десять, и он не проснулся. На столе лежали золото и банкноты – очень много.

– Почему вы их не забрали?

– Что? Ограбить моего мальчика?

– Вы сказали, что вам совершенно нечем платить по счетам и что он без зазрения совести берет у вас деньги! Почему он не возвращает вам то, что взял?

– Да, почему? Он обязан вернуть мне долг, если ему есть чем расплатиться. И еще там были долговые расписки других людей.

– Вы их смотрели.

– Они лежали на виду. Не то чтобы я была настолько любопытна, но как не беспокоиться о сыне! Думаю, он купил еще лошадь. Конюх приходил и что-то такое сказал слугам.

– Силы небесные!

– Если бы только вы убедили его бросить игру! Разумеется, это очень дурно независимо от того, выигрывает он или проигрывает, – хотя я уверена, что Феликс не делает ничего бесчестного. Никто о нем такого не говорил, никогда. Если он выиграл, для меня было бы огромным облегчением получить от него хоть что-нибудь. Честно говоря, я уже не знаю, как дальше выкручиваться. Я уверена, никто не скажет, что я потратила эти деньги на себя.

На это Роджер повторил свой совет. Отказаться от дома в Лондоне. Без нищего мота жизнь на Уэльбек-стрит была бы им по средствам, но в нынешних обстоятельствах она губительна. Если леди Карбери считает, что, невзирая на все пороки разорившегося сына, должна обеспечить ему дом, пусть дом этот будет далеко от Лондона. Если сын решит остаться в Лондоне, пусть сам себя содержит. Ему пора за что-нибудь взяться. Для него вполне возможна карьера в Индии. «Будь он мужчиной, он бы лучше пошел работать в каменоломню, чем жить за ваш счет», – сказал Роджер. Да, он поговорит завтра с кузеном – если сумеет его поймать.

«Молодых людей, которые играют в карты всю ночь и охотятся весь день, застать нелегко». Но он придет в полдень, поскольку Феликс обычно завтракает в этот час. Затем он дал леди Карбери обещание, которое было для нее едва ли не самой неловкой частью разговора. Если сын не отдаст ей деньги, которые она потребует сегодня же, он, Роджер, одолжит ей сто фунтов до дня выплаты ее полугодового дохода. После этого он уже совсем другим голосом спросил:

– Можно мне будет завтра увидеться с Генриеттой?

– Конечно, почему нет? Она сейчас дома, если не ошибаюсь.

– Я подожду завтрашнего дня – когда приду поговорить с Феликсом. Мне бы хотелось, чтобы она знала о моем приходе. Пол Монтегю третьего дня был в городе. Полагаю, он сюда заходил?

– Да.

– А больше вы его не видели?

– Он был на балу у Мельмоттов. Феликс выхлопотал ему карточку. И мы тоже там были. Он уехал в Карбери?

– Нет, не в Карбери. Полагаю, у него какие-то дела с партнерами в Ливерпуле. Вот еще пример молодого бездельника. Впрочем, Пол совсем не похож на Феликса. – К последним словам Роджера вынудила всегдашняя честность.

– Не будьте чрезмерно суровы к бедному Феликсу, – сказала леди Карбери.

Роджер, откланиваясь, думал, что никакая суровость к сэру Феликсу Карбери не будет чрезмерной.

На следующее утро леди Карбери зашла к сыну до того, как он встал, и слабым голосом сообщила, что кузен Роджер придет его вразумлять.

– За каким дьяволом? – спросил Феликс из-под одеяла.

– Феликс, если ты будешь так со мной говорить, я уйду.

– Но что пользы, если он придет? Я без того знаю все, что он мне скажет. Милое дело – читать проповеди хорошим людям, но без толку читать их дурным.

– Отчего тебе не быть хорошим?

– Я буду каким надо, маменька, если он от меня отстанет. Я лучше сумею разыграть свои карты, чем он за меня. А теперь, если ты уйдешь, я встану.

Мать собиралась попросить у него денег из тех, что еще оставались, но храбрость ей изменила. Взять деньги значило бы до какой-то степени признать и молчаливо одобрить его карточную игру. Еще не было одиннадцати, и обычно Феликс вставал позже, но сегодня решил уйти из дому пораньше, чтобы несносный кузен не донимал его своими скучными проповедями. Для этого нужно было действовать энергично. В половине двенадцатого он уже завтракал, продумывая, что на улице сразу свернет в другую сторону – к Мэрилебон-роуд, по которой Роджер точно не пойдет. Он вышел без десяти двенадцать, свернул в нужную сторону, обогнул угол – и наткнулся на кузена. Роджер, обеспокоенный предстоящей задачей, явился раньше времени и теперь расхаживал по улице, думая не о Феликсе, а о его сестре. У баронета было чувство, что его поймали в ловушку, причем нечестно, но он еще надеялся сбежать.

– Я шел к вашей матушке, чтобы с вами поговорить, – сказал Роджер.

– Вот как? Очень сожалею. У меня назначена встреча. С вами я могу увидеться когда угодно.

– Вы можете вернуться на десять минут, – сказал Роджер, беря его под руку.

– Сейчас мне это неудобно.

– И все же будьте добры. Я приехал по просьбе вашей матушки и не могу оставаться в городе день за днем, чтобы вас поймать. Я уезжаю в Карбери после обеда. Ваш друг может подождать. Идемте.

Феликсу не хватило духу вырваться силой, и он вернулся в дом. По пути он укрепил себя мыслью о деньгах в кармане, поскольку еще не спустил свой выигрыш, и о некоторых нежных

словах, прозвучавших между ним и Мари Мельмонтт со времени бала. Вспоминая это все, он решил, что не позволит Роджеру Карбери себя запугать. Близится время – можно сказать, оно уже почти пришло, – когда Роджер Карбери будет ему не указ. Впрочем, сейчас он малодушно страшился предстоящих слов.

– Ваша матушка сказала мне, что вы по-прежнему держите охотничьих лошадей, – начал Роджер.

– Не знаю, что она имеет в виду. Я отказался от всех, кроме одной.

– У вас только одна лошадь?

– Ну если вам нужна точность, у меня есть клячонка помимо той лошади, на которой я езжу.

– Кто за них платит?

– Во всяком случае, я не попрошу вас за них заплатить.

– Разумеется, потому что побоитесь. Но вы без зазрения совести просите денег у матери, хотя этим вынуждаете ее обращаться за помощью ко мне и к другим. Вы промотали все, что было у вас, а теперь разоряете ее.

– Неправда. У меня есть свои деньги.

– Откуда они у вас?

– Все это очень хорошо, Роджер, но у вас нет права задавать мне такие вопросы. У меня есть деньги. Если я покупаю лошадь, я могу за нее рассчитаться. Если я держу одну или две, мне есть чем за них платить. Разумеется, у меня большие долги, но и мне много должны. У меня все благополучно, и вам незачем сочинять всякие страхи.

– Тогда почему вы тянете из матери последний шиллинг и когда у вас будут деньги с ней расплатиться?

– Она может получить свои двадцать фунтов, если вы о них.

– Я о них, и не только. Полагаю, вы играли.

– Я не считаю, что должен отвечать на ваши вопросы. Если вам больше нечего сказать, я пойду по своим делам.

– Мне есть еще что сказать, и я это скажу.

Феликс двинулся было к выходу, но Роджер его опередил и прислонился спиной к двери.

– Я не позволю удерживать меня против моей воли, – сказал Феликс.

– Вам придется меня выслушать, так что с тем же успехом можете сесть. Хотите ли вы, чтобы весь свет считал вас негодяем?

– Хм. Продолжайте.

– А именно так и будет. Вы растратили все, что у вас было, а теперь, пользуясь любовью и слабостью своей матери, проживаете все, что у нее есть, обрекая на нищету и ее, и вашу сестру.

– Я не прошу их что-нибудь за меня платить.

– Даже когда берете у нее в долг?

– Вот двадцать фунтов. Возьмите и отдайте ей, – сказал Феликс, вытаскивая из портмоне банкноты. – Когда я их у нее просил, я не думал, что она поднимет столько шума из-за такого пустяка.

Роджер взял банкноты и убрал в карман.

– Теперь вы закончили? – спросил Феликс.

– Не совсем. Считаете ли вы, что матушка должна кормить вас и одевать до конца вашей жизни?

– Надеюсь, что очень скоро смогу ее содержать куда лучше, чем она жила раньше. По правде сказать, Роджер, вы ничего об этом не знаете. Если вы оставите меня в покое, то увидите, что я устрою свои дела как нельзя лучше.

– Я не знаю никого, кто устроил бы свои дела хуже или имел более безнравственные понятия о добре и зле.

– Отлично. Вы думаете так, я иначе. Невозможно всем думать одинаково. А теперь, с вашего позволения, я уйду.

Роджер не сказал и половины того, что намеревался, но не знал, как это выразить. Да и что толку говорить с человеком настолько бесчувственным? Лекарством должно стать поведение матери, а не сына. Не будь она так слабохарактерна, она бы перестала содержать сына, хотя бы на время. Оставшись без средств, он наконец одумается. А когда нужда его смирит, он будет счастлив принять пропитание из ее рук. Сейчас у него в кармане деньги, он ест и пьет лучшее, ни в чем себе не отказывая. Пока так продолжается, его не урезонить.

– Вы разорите сестру и разобьете сердце матери, – сказал Роджер, пуская последнюю бесполезную стрелу в спину нераскаянного грешника.

Леди Карбери вошла в комнату, как только за ее сыном закрылась парадная дверь, и очень обрадовалась двадцати фунтам. По-видимому, в ее глазах миссия Роджера увенчалась полным успехом.

– Я знала, если они у него есть, вы их добудете.

– Отчего он сам их не отдал?

– Вероятно, не хотел о них говорить. Сказал ли он, что добыл их... карточной игрой?

– Нет. За все время он не сказал и слова правды. Можете не сомневаться, что деньги добыты игрой. Откуда еще они могли взяться? И будьте уверены, он снова все проиграет. Он порол совершеннейшую дичь – будто вскорости будет содержать вас и Гетту.

– Правда? Милый мальчик!

– Он что-то имел в виду?

– О да. И вполне может статься, так и будет. Вы, верно, слышали про мисс Мельмонтт.

– Я слышал о великом французском аферисте, который приехал сюда и пробился в свет.

– Теперь все у них бывают, Роджер.

– Тем стыднее должно быть всем. Кто хоть что-нибудь о нем знает – помимо того, что он покинул Париж с репутацией особо преуспевающего негодяя? Но что вы хотели сказать?

– Некоторые думают, что Феликс женится на его единственной дочери. Феликс красив, не правда ли? Кто хоть близко с ним сравнится? Говорят, отец даст за ней полмиллиона.

– Так вот какова его цель?

– Вы не считаете, что он прав?

– Нет, я считаю его неправым. Но тут мы с вами вряд ли сойдемся. Можно мне увидаться с Генриеттой на несколько минут?

Глава VIII. Влюбленный

Роджер Карбери вполне справедливо сказал, что едва ли сойдется со вдóвой родственницей во мнении об охоте на богатых невест. Леди Карбери женитьба ее сына на мисс Мельмотт представлялась великим благом. Будь Мари Мельмотт богата, а ее отец – осужден на высылку в каторжную колонию, у леди Карбери могли бы возникнуть некоторые сомнения, но даже в этом случае богатство искупило бы позор и леди Карбери нашла бы причины, почему «бедняжку Мари» не следует карать за отцовские грехи, хотя ее деньги и добыты этими грехами. Однако мистер Мельмотт не отбывал срок на каторге, а принимал герцогинь в доме на Гровенор-сквер. Говорили, что в Европе у мистера Мельмотта репутация величайшего мошенника – такого, который в погоне за деньгами не остановится ни перед чем. Еще говорили, что он путем задолго спланированных махинаций разорил всех, кто ему доверял, прибрал к рукам собственность всех, кто оказался с ним рядом, пил кровь сирот и вдов – но что это значило для леди Карбери? Если герцогинь такие слухи не смущают, зачем ей проявлять излишнюю щепетильность? Говорили также, что Мельмотт еще может пасть – что люди, которые вскарабкались наверх таким способом, недолго удерживаются на вершине. Тем не менее он вполне может удержаться столько, что успеет выделить Мари ее деньги. А Феликсу они так нужны! И он именно такой молодой человек, чтобы жениться на деньгах! Леди Карбери не сомневалась в своей правоте.

Роджер Карбери тоже не сомневался в своей правоте. Готовность торопливого света закрывать глаза на средства, которыми достигнут успех, растущее убеждение, что никто не обязан идти дальше общего вердикта и можно пожимать руку всякому, кому свет пожимает руку, – все эти новые веяния его не затронули. Он по-прежнему держался старомодного убеждения, что кто прикасается к смоле, тот очернится. Он был джентльменом и считал бы для себя позором войти в дом такого, как Огастес Мельмотт. Ни все герцогини королевства, ни все деньги Лондона не убедили бы его вести себя иначе. И все же он знал, что бесполезно объяснять это леди Карбери. Впрочем, он надеялся, что в семье есть человек, приученный отличать честь от бесчестья, что Генриетта Карбери не испорчена, как ее мать. Что до Феликса – тот уже весь вывалился в грязь. Ничто, кроме долгих страданий, его не очистит.

Он нашел Генриетту в гостиной.

– Вы видели Феликса? – спросила она, как только они поздоровались.

– Да. Я поймал его на улице.

– Мы так из-за него огорчаемся.

– Что ж, у вас есть для этого все основания. Полагаю, вы знаете, что ваша мать неразумно ему потакает.

– Бедная маменька! Она боготворит землю под его ногами.

– Даже мать не должна быть настолько безрассудна в своем обожании. Если так будет продолжаться, брат вас разорит.

– Что маменька может поделать?

– Уехать из Лондона и не платить за вашего брата ни шиллинга.

– Что Феликс будет делать в деревне?

– Не все ли равно, где он будет бездельничать? Вы же не хотите, чтобы он стал профессиональным игроком?

– Ах, мистер Карбери, вы же не хотите сказать, что такое возможно!

– Жестоко говорить вам об этом, но дело настолько важное, что я вынужден говорить правду. На вашу матушку я повлиять не могу, возможно, вы ее убедите. Она обращается ко мне за советами, но и не думает их слушать. Я ее не виню, но я тревожусь за... за вашу семью.

– Я ничуть в этом не сомневаюсь.

- И особенно я тревожусь за вас. Вы никогда от него не отвернетесь.
- Вы же не станете просить, чтобы я от него отвернулась.
- Но он может замарать вас в грязи. Ради него вас уже возили в дом Мельмотта.
- Я не считаю, что мне это может повредить, – сказала Генриетта, вскидывая голову.
- Извините, если вам кажется, что я бесцеремонно вмешиваюсь не в свое дело.
- Нет-нет, от вас это не бесцеремонность.
- Тогда извините мою излишнюю прямоту. На мой взгляд, вам повредили тем, что заставили вас войти в дом такого человека. Зачем ваша матушка ищет его общества? Не потому, что он ей приятен, не потому, что ей приятно его семейство, но потому лишь, что у него богатая дочь.

– Там все бывают, мистер Карбери.

– Да, это общее оправдание. Довольно ли этого, чтобы войти в чей-либо дом? Нет ли другого места, куда, как сказано, многие идут потому, что путь стал модным и многолюдным? Не кажется ли вам, что вы должны выбирать друзей по собственному усмотрению? Да, признаю, причина у них бывать имеется. У них много денег, и ваш брат хочет получить часть этих денег, лживо поклявшись девушке в любви. После всего, что о них известно, считаете ли вы Мельмоттов желательным знакомством?

– Не знаю.

– А я знаю. И знаю очень хорошо. Они абсолютно неприличны. Знакомство с первым попавшимся уличным метельщиком и то менее зазорно.

Роджер сам не замечал, с каким жаром говорит. Он свел брови, глаза у него сверкали, ноздри раздувались. Разумеется, она помнила о его предложении. Разумеется, она сразу заключила, что он, все еще надеясь на ее согласие, опасается, как бы ее знакомство с Мельмоттами не бросило на него тень. Гетта твердо знала, что не выйдет за кузена, а значит, его опасения безосновательны. Более того, мотивы, которые она ему приписала, показались ей оскорбительными. На самом же деле он был слишком простодушен для столь сложной мысли.

– Феликс, – продолжал Роджер, – уже пал так низко, что не стану притворяться, будто меня заботит, где он бывает. Однако мне неприятно было бы знать, что вы часто посещаете мистера Мельмотта.

– Я полагаю, мистер Карбери, маменька не станет возить меня в неподобающие места.

– Мне бы хотелось, чтобы вы имели собственное мнение о том, что подобает.

– Надеюсь, оно у меня есть. Жаль, что вы думаете иначе.

– Я старомоден, Гетта.

– А мы принадлежим новому, худшему свету. Я готова это признать. Вы всегда были очень добры, но вряд ли вы сумеете нас изменить. Порой мне кажется, что вы с маменькой друг другу не подходите.

– Я думал, что мы с вами друг другу подходим... или, возможно, могли бы подойти.

– Ах, что до меня, я всегда беру маменькину сторону. Если маменька хочет ездить к Мельмоттам, я, безусловно, поеду с ней. Если это пятнает, пусть я буду запятнана. Не понимаю, почему я должна считать себя лучше других.

– Я всегда считал, что вы лучше всех.

– Это было до того, как я посетила Мельмоттов. Уверена, теперь вы обо мне иного мнения. Собственно, вы так мне и сказали. Боюсь, мистер Карбери, придется вам идти своей дорогой, а мы пойдем своей.

Пока она говорила, он смотрел ей в лицо и мало-помалу начал понимать, о чем она думает. В своем прямодушии он не заподозрил даже малейшего намека на аффектацию, которая, по мнению женщин, усиливает их очарование. Неужто она правда думает, что он, предохраняя ее от новых знакомцев, печется о собственных интересах?

– Для себя, – сказал он, делая слабую попытку взять ее за руку, – я более всего на свете желаю идти с вами одной дорогой. Я не говорю, что вы должны хотеть того же; но вы должны знать мою искренность. Когда я говорил о Мельмоттах, неужели вы подумали, что я забочусь о себе?

– О нет! Отчего мне так думать?

– Тогда я говорил с вами как с кузиной, как старший брат. Даже если вы будете знаться с легионами Мельмоттов, для меня вы навсегда останетесь той, кому отдано мое сердце. Даже будь вы и впрямь опозорены – если бы позор мог коснуться столь чистого существа, – мои чувства остались бы прежними. Я люблю вас так, как если бы уже поклялся быть с вами в горе и радости. Я не могу измениться, у меня слишком негибкий характер. Есть ли у вас хоть слово мне в утешение?

Она отвернулась, но не ответила сразу.

– Вы понимаете, как сильно я в этом нуждаюсь? – продолжал Роджер.

– Вы легко обойдетесь без моих утешений.

– Да, я не умру, но легко мне не будет. Мне и сейчас нелегко. Я сделался раздражительным, ссорюсь с друзьями. Я прошу вас хотя бы поверить, что мои слова о любви не лживы.

– Полагаю, для вас они что-то значат.

– Они очень много для меня значат, дорогая. Они значат для меня все. Вы едва ли понимаете, что для меня они означают либо блаженство, либо полное безразличие к миру. Я не отступлюсь, пока не узнаю, что вы дали слово другому.

– Что я могу сказать, мистер Карбери?

– Скажите, что полюбите меня.

– А если нет?

– Скажите, что попытаетесь.

– Нет, этого я тоже не скажу. Любовь должна прийти сама. Я не знаю, как можно принудить себя к любви. Вы мне очень приятны, но брак – это так ужасно.

– Для меня он не будет ужасен, дорогая.

– Будет, когда вы поймете, что я слишком молода и у нас слишком разные вкусы.

– Вы же знаете, я это стерплю. Вы можете дать мне одно обещание? Что сразу меня известите, если вы дадите слово другому?

– Думаю, это я обещать могу, – сказала Гетта после короткой заминки.

– Но вы еще никому не дали слова?

– Да. Но, мистер Карбери, вы не вправе меня допрашивать. Мне кажется, это жестоко. Я позволяю вам говорить то, что не позволила бы никому другому, потому что вы мой кузен и маменька вам так доверяет. Никто, кроме маменьки, не может спрашивать о моих чувствах.

– Вы на меня сердитесь?

– Нет.

– Если я вас обидел, то лишь оттого, что очень сильно люблю.

– Я не обиделась, но мне неприятны расспросы со стороны джентльмена. Думаю, они бы любой девушке не понравились. Я не обязана всем обо всем рассказывать.

– Возможно, вы меня простите, когда подумаете, насколько от этого зависит мое счастье. До свидания.

Она протянула руку и позволила ему на миг задержать ее в своей руке.

– Идя по старому саду в Карбери, где мы когда-то гуляли вместе, я всегда спрашиваю себя, есть ли надежда увидеть вас его хозяйкой.

– Такой надежды нет.

– Я, разумеется, готов был это услышать. Что ж, до свидания, и да хранит вас Бог.

В натуре Роджера не было и капли поэзии. Все внешние стороны любви, которые так приятны многим мужчинам, а для многих женщин составляют единственное настоящее удо-

вольствие в жизни, ничего для него не значили. Есть люди, и мужчины и женщины, которые находят сладость даже в неразделенной любви. Они так упиваются своей меланхолией, своим томлением, что страдают, как те герои и героини, о которых мы читаем в стихах. Роджеру Карбери все это было чуждо. Он считал, что нашел девушку, которая ему нужна, которая достойна его любви, и теперь желал ее всем существом. Он сказал простую правду, когда заявил Генриетте, что без нее жизнь станет ему безразлична. Можно было не опасаться, что он спрыгнет с Монумента или пустит себе пулю в висок – не было в Англии человека, менее к этому склонного. Однако печаль сковала его разум, и он не мог искать утешения в другом. Ему оставалось лишь упорствовать, пока он не заполучит ее – или окончательно не потеряет. И если случится второе – чего Роджер в последнее время боялся все больше, – он будет жить, но жить калекой.

В глубине души он почти не сомневался, что девушка любит того, другого, моложе его. Что она никогда не признавалась в этой любви, Роджер был убежден твердо. И сам молодой человек, и Генриетта так ему говорили, а он легко верил словам. Тем не менее он знал, что Пол Монтегю ее любит и не намерен отступаться. С печалью глядя в череду будущих лет, он, мнилось, прозревал там Генриетту женой Пола. Если это случится, как ему быть? Полностью отречься от себя и думать только об их счастье, их благополучии? Стать им доброй феей-крестной и радоваться за них, хотя его собственная боль никогда не утихнет? Поступить так – или показать Полу Монтегю, какую глубокую обиду рождает такая неблагодарность? Был ли когда-нибудь отец добрее к сыну или брат к брату, чем он к Полу Монтегю? Его дом и его кошелек были равно открыты для Пола. Какое право Монтегю имел явиться в тот самый миг, когда он близился к своему счастью, и отнять у него все, что он любит в мире? Думая это, Роджер сознавал, что доводы не вполне верны – молодой человек полюбил девушку, когда еще не знал о его чувствах, а девушка, возможно, в любом случае была бы так же непреклонна к его мольбам. Все это Роджер понимал, поскольку мыслил ясно. Однако боль была так сильна, что простить и вознаградить предательство было бы слабостью и глупостью. Роджер не вполне верил в прощение обид. Прощая все причиненное тебе зло, ты поощряешь других поступать с тобой еще хуже. Если отдать верхнюю одежду тому, кто украл у тебя рубашку, как скоро ты останешься без штанов? Роджер Карбери думал об этом всю дорогу до Суффолка и решил, что никогда не простит Пола Монтегю, если тот станет мужем его кузины.

Глава IX. Великая железная дорога в Вера-Крус

– Вы были у него в доме, а значит, дело, считайте, в шляпе.

Слова эти с резким гнусавым акцентом произнес шикарно разодетый американец, обращаясь к сидящему напротив молодому англичанину. Они расположились в одном из самых роскошных номеров огромной железнодорожной гостиницы в Ливерпуле. На столе между ними лежали карты, расписания и отпечатанные проспекты. Американец курил очень большую сигару, беспрестанно катая ее во рту, англичанин – короткую трубку. Американец был мистер Гамильтон К. Фискер из фирмы «Фискер, Монтегю и Монтегю», англичанин – наш друг Пол, младший партнер фирмы.

– Но я с ним даже не разговаривал, – сказал Пол.

– В коммерческих делах это совершенно не важно. То, что вы у него были, позволяет вам меня представить. Вы не будете просить своего друга об одолжении. Мы не хотим занять у него денег.

– Мне казалось, именно этого вы и хотите.

– Если он войдет в дело, то станет одним из нас, и это не будет займом. Вы говорите, он очень умен. Стало быть, он сразу поймет, что на этом можно сделать миллиона два. Вдвое больше, если он возьмет на себя труд показаться в Сан-Франциско. Как только он войдет в дело, денежные люди потянутся за ним, потому что они знают – он в этой игре смыслит. Клянусь Богом! Если он с европейскими капиталами такое проворачивал, как же он развернется в Америке! Мы больше вас всех, у нас есть простор для деятельности, мы не колеблемся в нерешительности, как вы. Однако Мельмотт даже лучшим из нас утрет нос. В любом случае ему стоит попытаться счастья в наших краях, а мы предлагаем самое выгодное и самое надежное дело. Мне бы только с ним поговорить, и он сразу все поймет.

– Мистер Фискер, поскольку мы партнеры, не могу не сказать, что о честности мистера Мельмотта многие отзываются очень дурно.

Мистер Фискер мягко улыбнулся, дважды покатав сигару во рту и закрыл один глаз.

– Люди очень немилосердны к тем, кто добился успеха.

Речь шла о великом проекте Южной Центрально-Тихоокеанской и Мексиканской железной дороги. Она должна была начинаться в Солт-Лейк-Сити, ответвляясь там от Сан-Францисской и Чикагской железной дороги, проходить через плодородные земли Нью-Мексико и Аризоны и дальше по территории Мексиканской республики через город Мехико в порт Вера-Крус. Мистер Фискер сразу признал, что план очень масштабный и расстояние может составить больше двух тысяч миль. Насчет стоимости проекта он ответил, что никто ее не считал, да и вряд ли такой подсчет вообще возможен, но дал понять, что вопросы эти детские и не по существу. Мистер Мельмотт, если решит войти в дело, их задавать не будет.

Однако нам нужно вернуться немного назад. Пол Монтегю получил телеграмму от своего партнера, Гамильтона К. Фискера, отправленную в Квинстаунском порту с одного из нью-йоркских лайнеров. Мистер Фискер просил немедленно встретиться с ним в Ливерпуле, и Пол счел себя обязанным эту просьбу исполнить. Он не любил Фискера – отчасти и потому, что в Калифорнии не мог устоять перед таким сочетанием ума и добродушной напористости. Как ни мало нравилась ему та или иная затея, Фискер в конце концов добивался своего. Пол был против мукомольни в Фискервиле, но согласие на нее дал. Он трепетал за свои деньги и предпочел бы никогда больше не видеть Фискера, но, когда тот приехал в Англию, с гордостью вспомнил, что Фискер его партнер, и послушно отправился в Ливерпуль.

Если затея с мукомольней его пугала, то что говорить про нынешний прожект! Фискер объяснил, что приехал с двумя целями: во-первых, получить согласие английского партнера на смену деятельности, во-вторых, привлечь английские капиталы. Смена деятельности означала

просто, что они продадут фискервильскую мукомольню и вложат все средства в строительство железной дороги. «На деньги, которые вы за нее выручите, не построить и милю путей», – сказал Пол. Мистер Фискер рассмеялся. Цель «Фискера, Монтегю и Монтегю» – не построить железную дорогу в Вера-Крус, а создать акционерное общество. У Пола создалось впечатление, что мистеру Фискеру вообще безразлично, будет ли дорога построена. Очевидно, он рассчитывал извлечь из концерна прибыль еще до того, как лопата впервые вонзится в землю. Если красочные проспекты, карты и красивые картинки, на которых поезда въезжают в туннель под снежными горами и выезжают на берег залитых солнцем озер, что-нибудь значат, мистер Фискер и впрямь проделал большую работу. Однако Пол невольно гадал, откуда взялись деньги, чтобы все это напечатать. Мистер Фискер заявил, что приехал получить согласие партнера, но партнеру думалось, что многое уже сделано без его согласия. И страх отнюдь не успокаивало то, что в проспектах он значился одним из управляющих компании. Каждый документ был подписан «Фискер, Монтегю и Монтегю», а в одном сообщалось, что член фирмы отправился в Лондон представлять ее интересы. Фискер как будто ждал, что младший партнер придет в восторг от доверенной ему чести. Пол и впрямь ощутил некоторое чувство собственной важности, скорее даже приятное, и одновременно растущую уверенность, довольно неприятную, что его деньги потратили без спросу и надо быть очень осторожным – иначе окажется, что он, сам того не заметив, все это одобрил.

– Что стало с мукомольней? – спросил он.

– Мы передали ее управляющему.

– Это не опасно? Как вы его проверяете?

– Он платит фиксированную сумму, сэр! Но честное слово, когда у нас такие перспективы, нелепо обсуждать какую-то жалкую мукомольню.

– Вы ее не продали?

– Э... нет. Но мы договорились о продажной цене.

– Но вы не получили денег?

– Э... мы взяли под нее ссуду. Вас не было, и два партнера на месте действовали от имени фирмы. Но пусть это вас не смущает, мистер Монтегю, вам лучше оставаться с нами, да, собственно, вы и так с нами.

– А что с моим доходом?

– Это крохи. Когда мы немного продвинемся с этим делом, вам будет все равно, тратите вы двадцать тысяч в год или сорок. Мы получили от правительства Соединенных Штатов концессию на землю и ведем переписку с президентом Мексиканской республики. Уверен, что мы уже открыли одну контору в Мехико и другую в Вера-Крусе.

– Откуда возьмутся деньги?

– Откуда возьмутся деньги, сэр? Откуда, по-вашему, берутся деньги на такие начинания? Если мы выведем акции на рынок, деньги потекут сами. У нас будет доля акций на три миллиона долларов.

– Шестьсот тысяч фунтов! – воскликнул Монтегю.

– Разумеется, это номинал, и, продавая, мы должны будем за них платить. Но конечно, продавать будем выше номинала. Если сможем поднять их хотя бы до ста десяти, то получим триста тысяч долларов. Но это далеко не предел. Мне нужно как можно скорее попасть к Мельмотту. Напишите ему прямо сейчас.

– Я с ним не знаком.

– Не важно. Вот что – я напишу, а вы подпишете.

И мистер Фискер действительно написал следующее письмо:

Гостиница «Лангем», Лондон

4 марта 18...

Любезный сэр!

Имею удовольствие сообщить Вам, что мой партнер, мистер Фискер из сан-францисской фирмы «Фискер, Монтегю и Монтегю», сейчас в Лондоне с целью предложить британским капиталистам участие в одном из величайших проектов нашего времени, а именно – строительстве Южной Центрально-Тихоокеанской и Мексиканской железной дороги, которая обеспечит прямую связь между Сан-Франциско и Мексиканским заливом. Он очень хочет с Вами встретиться, поскольку Ваше участие весьма желательно. Мы убеждены, что Вы с Вашим опытом в подобных делах сразу оцените грандиозность проекта. Если Вы назовете день и час, мистер Фискер Вас посетит.

Должен поблагодарить Вас и мадам Мельмотт за приятнейший вечер, проведенный в Вашем доме на прошлой неделе.

Мистер Фискер предполагает вернуться в Нью-Йорк. Я останусь здесь и буду заниматься британскими вложениями в проект.

*Честь имею оставаться,
любезный сэр,
искренне Ваши*

– Но я не говорил, что буду управлять вложениями, – сказал Монтегю.

– Можете сказать сейчас. Это ни к чему вас не обязывает. Вы, англичане, из-за своего буквоедства тратите время, которое следовало бы употребить на умножение дохода.

В конце концов Пол Монтегю переписал письмо набело и поставил свою подпись. Сделал он это с большими сомнениями, почти с отчаянием. Однако он убеждал себя, что отказом ничего не добьется. Если этот ужасный американец в заломленной набок шляпе и с перстнями на пальцах взял такую власть над его дядей, что по своему усмотрению распоряжается средствами товарищества, Полу его не остановить. На следующее утро они вместе поехали в Лондон, и во второй половине дня мистер Фискер явился на Эбчерч-лейн. Письмо, написанное якобы в гостинице «Лангем», а на самом деле в Ливерпуле, он отправил с вокзала Юстон-сквер, как только сошел с поезда. На Эбчерч-лейн он отдал свою карточку и получил указание подождать. Через двадцать минут его провел в кабинет великого человека сам Майлз Грендолл.

Читатель уже знает, что мистер Мельмотт был грузный, с большими бакенбардами, жесткими волосами и выражением умственной силы на грубом вульгарном лице. Такая внешность неизбежно отталкивала, если вас не влекли к нему какие-нибудь внутренние соображения. Он был щедр в тратах, влиятелен, достиг успеха в делах, поэтому не отталкивал тех, кто его окружал. Фискер, с другой стороны, был худой лощеный коротышка лет сорока, с закрученными усами, лысеющими на макушке сальными темно-русыми волосами, с чертами лица приятными, если к ним приглядываться, но в целом невзрачный. Он шикарно одевался, носил шелковый жилет с цепочками и щеголял тросточкой. С первого взгляда люди обычно заключали, что он человек пустой, но после разговора обычно находили, что в нем что-то есть. Он не страдал робостью и щепетильностью, не отличался глубоким умом, но вполне умел думать своей головой.

Эбчерч-лейн – место для конторы коммерческого туза довольно скромное. Здесь на двери маленького углового дома помещалась маленькая бронзовая табличка с надписью «Мельмотт и К^о». Кто были эти «К^о», оставалось загадкой. В каком-то смысле мистера Мельмотта можно было назвать компаньоном всего коммерческого света, ибо не было дела, в котором он на определенных условиях не согласился бы участвовать. Однако он никогда не обременял себя партнерами в обычном смысле слова. Здесь Фискер увидел трех или четырех служащих за конторками. Ему сказали подняться на второй этаж. Лестница была узкая, с кривыми ступенями, комнатки – маленькие, неправильной формы. Здесь он некоторое время

сидел в темном помещении с «Дейли телеграф», оставленной для развлечения посетителей, пока Майлз Грендолл не сообщил, что мистер Мельмотт его примет. Миллионер смотрел на Фискера мгновение-другое, прежде чем прикоснуться двумя пальцами к его протянутой руке.

– Я не помню джентльмена, который оказал мне честь вас представить, – сказал он.

– Не удивляюсь, мистер Мельмотт. У себя в Сан-Франциско я встречаю многих джентльменов, которых потом не помню. Кажется, партнер говорил мне, что был у вас в доме с другом, сэром Феликсом Карбери.

– Сэра Феликса Карбери я знаю.

– Вот и хорошо. Если бы я полагал, что этого мало, я представил бы вам любое количество рекомендаций.

Мистер Мельмотт кивнул, и Фискер продолжил:

– Здесь наши дела ведет «Акционерное товарищество Сити и Вест-Энда». Однако я только что прибыл, а поскольку моей первейшей целью было увидеться с вами и я встретился в Ливерпуле с моим партнером, мистером Монтегю, я попросил написать его и отправился напрямик к вам.

– Чем я могу быть вам полезен, мистер Фискер?

И мистер Фискер начал рассказ о Южной Центрально-Тихоокеанской и Мексиканской железной дороге, довольно ловко уложившись в сравнительно небольшое число слов. При этом он не скупился на цветистые выражения. Через две минуты он уже показывал мистеру Мельмотту проспекты и карты, стараясь, чтобы тот увидел, как часто повторяются в них фамилии Фискера, Монтегю и Монтегю. И пока мистер Мельмотт читал документы, Фискер время от времени вставлял словечко. Однако говорил он не о будущей выгоде железной дороги и не о ее пользе для мира в целом, а только о том, как легко будет создать ажиотаж вокруг их акций.

– Насколько я понимаю, вы считаете, что у себя нужного капитала не соберете.

– Нет никаких сомнений, что его можно собрать у нас. Наши люди, сэр, свою выгоду не упустят. Впрочем, мистер Мельмотт, не мне вам объяснять, как важна конкуренция. Когда в Сент-Луисе и Чикаго узнают, что тут зашевелились, там тоже зашевелиятся. И то же самое здесь. Если узнают, что в Америке акции нарасхват, их начнут хватать и здесь.

– Как далеко вы продвинулись?

– Мы обратились в конгресс за концессией для строительства дороги. Землю под нее мы, разумеется, получим даром плюс тысячу акров вокруг каждой станции. Расстояние между станциями – двадцать пять миль.

– И земля станет вашей – когда?

– Когда мы дотянем пути до станции.

Фискер прекрасно понимал, что мистера Мельмотта интересует не сама земля с ее возможной стоимостью, а привлекательность проекта для биржевых спекулянтов.

– И что вам нужно от меня, мистер Фискер?

– Ваше имя вот здесь.

Фискер ткнул пальцем в пустое место, оставленное для фамилии председателя английского совета директоров.

– Кто будут ваши директора в Англии, мистер Фискер?

– Мы попросим вас их выбрать. Допустим, мистер Пол Монтегю и, возможно, его друг сэр Феликс Карбери. Кто-нибудь из директоров «Акционерного товарищества Сити и Вест-Энда». Однако это все на ваше усмотрение – как и количество акций, которое вы захотите себе взять. Если вы за это возьметесь, мистер Мельмотт, то не пожалеете! Мы выпустим столько акций!

– Вы должны обеспечить их некоторым оплаченным акционерным капиталом?

– Мы на Западе, сэр, стараемся не слишком ограничивать коммерцию отжившими правилами. Посмотрите, что мы уже сделали, сэр, имея несвязанные руки. Посмотрите на железную дорогу через весь континент, от Сан-Франциско до Нью-Йорка. Посмотрите...

– Не приплетайте это сюда, мистер Фискер. Из Нью-Йорка в Сан-Франциско ездят многие, но я не знаю, поедет ли кто-нибудь в Вера-Крус. Но я посмотрю документы и сообщу вам ответ.

На этом разговор закончился. Мистер Фискер остался доволен встречей. Если бы мистер Мельмотт не собирался хотя бы подумать над предложением, он не уделил бы посетителю и десяти минут. В конце концов, от мистера Мельмотта требовалось только его имя, за которое мистер Фискер обещал ему две-три тысячи фунтов биржевой прибыли.

На исходе второй недели с приезда мистера Фискера в Лондон в Англии была создана компания с лондонским советом директоров под председательством мистера Мельмотта. В число директоров вошли лорд Альфред Грендолл, сэр Феликс Карбери, Самюэль Когенлуп, эсквайр, джентльмен иудейского вероисповедания и депутат парламента от Стейнса, лорд Ниддердейл, тоже член парламента, и мистер Пол Монтегю. Напрашивалась мысль, что совет получился довольно слабый и что лорд Альфред и сэр Феликс мало чем помогут коммерческому предприятию, но все настолько верили в силы мистера Мельмотта, что не сомневались – процветание компании обеспечено.

Глава X. Успех мистера Фискера

Мистер Фискер находил, что дела идут как нельзя лучше, но так и не сумел до конца успокоить Пола Монтегю. Мельмотт был в лондонском финансовом мире настолько непреложным фактом, что даже Монтегю не мог больше не верить в план. Телеграф позволил мистеру Мельмотту навести справки в Сан-Франциско и Солт-Лейк-Сити так же тщательно, как если бы они были пригородами Лондона. Он стал председателем лондонского филиала компании и получил – по его словам – акций на два миллиона долларов. Однако сомнения оставались, и Пол не мог забыть, что многие считают Мельмотта колоссом на глиняных ногах.

Теперь Пол, разумеется, дал окончательное согласие – вопреки советам своего друга Роджера Карбери – и перебрался в Лондон, чтобы лично заниматься делами железной дороги. Контора располагалась сразу за биржей, и там сидели два-три клерка и секретарь – эту должность получил Майлз Грендолл, эсквайр. Пол, как человек совестливый, остро сознавал, что не только входит в совет директоров, но и представляет фирму «Фискер, Монтегю и Монтегю». Он вбил себе в голову, что должен работать всерьез, и заявлялся в контору ко времени и не ко времени. Фискер, так и не уехавший в Америку, всячески пытался его урезонить. «Дорогой мой, вам решительно не о чем беспокоиться. В таком деле, когда оно пошло, дальнейшие хлопоты излишни. Можно работать до седьмого пота, чтобы его сдвинуть, и ничего не добиться, но это все за вас уже сделали. Заглядывайте по четвергам – этого будет больше чем достаточно. Вы же понимаете, такой человек, как Мельмотт, не потерпит серьезного вмешательства». Пол настаивал, говоря, что если он один из управляющих, то должен во все вникать, что в дело вложено все его состояние, о котором он печется не меньше, чем мистер Мельмотт – о своем. Фискер отмел и этот довод: «Состояние! Да какое у вас или у меня состояние? Жалкие несколько тысяч долларов, о которых и говорить не стоит, их еле хватило для затравки. И где вы теперь? Послушайте меня, сэр. Из такого дела, если оно прогорит, вы все равно получите больше, чем ваше или мое состояние приносило бы обычным порядком».

Полу Монтегю не нравился и сам мистер Фискер, и его коммерческие доктрины, но он позволил себя уговорить. «Когда и как я мог бы себе помочь? – писал он Роджеру Карбери. – Деньги потратили до того, как он сюда приехал. Легко говорить, что у него не было на это права, но ничего уже не изменить. Чтобы с ним судиться, пришлось бы ехать в Калифорнию, и все равно денег бы мне не вернули». И у мистера Фискера, при всех его неприятных качествах, было одно несомненное достоинство. Хотя он отрицал право Пола вмешиваться в дела, он вполне признавал за ним право получить свою долю от нынешней удачи. Об их истинном финансовом положении он говорить отказывался, однако сам Фискер был при деньгах и озабочился, чтобы Пол тоже не нуждался. Он выплатил все долги по обещанному доходу до сего дня и номинально передал Полу много акций железнодорожной компании с условием, впрочем, не продавать их, пока они не вырастут на десять процентов, и в случае продажи не трогать денег, помимо процентов. Что Мельмотту позволено делать с его акциями, Полу не сказали. Насколько он понял, Мельмотт был полностью всевластен. От всего этого молодой человек сделался несчастлив, беспокоен и расточителен. Он жил в Лондоне, располагал деньгами, но не мог отделаться от страха, что вся затея развалится, а его заклеят как участника шайки аферистов.

Как мы все знаем, в таких обстоятельствах люди гораздо больше времени тратят на удовольствия, чем на заботы, жертвы и скорбь. Если бы молодой директор описывал свое состояние другу, он бы сказал, что от страха и подозрений не находит себе места. Однако все вокруг видели славного малого, любителя повеселиться, который спешит взять от жизни все. По протекции сэра Феликса Карбери он вступил в «Медвежий садок». В этом лучшем из возможных клубов правила приема были такие же беспорядочные, как все остальное. Если соискатель не

нравился, ему сообщали, что его внесут в очередь кандидатов на вакантные места только через три года, но желанных кандидатов комитет мог поместить сразу в начало списка и принять немедленно. О Поле Монтегю внезапно заговорили как о человеке состоятельном, а главное, влиятельном среди финансистов. Он заседал в одном совете с Мельмоттом и приближенными Мельмотта, поэтому его приняли в «Медвежий садок» без утомительных проволочек, выпадавших на долю менее удачливых кандидатов.

И – давайте говорить об этом с прискорбием, ибо Пол Монтегю был, в сущности, честным и порядочным, – он практически дневал и ночевал в «Медвежьем садке». Человеку надо где-то обедать, а все знают, что в клубе обедать дешевле. Так он убеждал себя. Впрочем, его обеды в «Медвежьем садке» дешевыми не были. Он много виделся с другими директорами, сэром Феликсом Карбери и лордом Ниддердейлом, не раз принимал в клубе лорда Альфреда и дважды обедал с самим великим председателем среди гостеприимной роскоши дома на Гровенор-сквер. Фискер даже советовал ему включиться в состязание за руку Мари Мельмотт. Лорд Ниддердейл под нажимом заинтересованных торговцев вновь изъявил желание участвовать в гонке и с этой целью вошел в число директоров железнодорожной компании. Впрочем, ко времени нашего рассказа фаворитом в забеге считали сэра Феликса.

Пришла середина апреля, а Фискер все еще не уехал. Когда на кону миллионы долларов – принадлежащих, возможно, вдовам и сиротам, как заметил Фискер, – негоже думать о собственных удобствах. Такое усердие не осталось без награды, поскольку Фискер «отлично проводил время» в Лондоне. Его тоже приняли в «Медвежий садок» – бесплатно, в качестве почетного члена, – и он тоже сорил деньгами. Впрочем, крупные дела дают то утешение, что, сколько бы вы ни потратили на себя, это останется пустяком. Когда вы рискуете тысячами, не важно, заказывать шампанское или имбирный лимонад, с той разницей, что более невинный напиток безвреднее для здоровья. Чувство, что они ворочают огромными капиталами, избавляло и Фискера, и Монтегю от необходимости считать мелкие расходы на шампанское – с плачевным результатом. В «Медвежьем садке» было, безусловно, веселее, чем в Карбери-Холле, однако в Лондоне Пол Монтегю никогда не просыпался с такой ясной головой, как в старой усадьбе.

В субботу, девятнадцатого апреля, Фискер должен был уехать из Лондона в Америку, и восемнадцатого в «Медвежьем садке» давали прощальный обед в его честь. Пригласили мистера Мельмотта, и по этому поводу в клубе расстарались, как никогда. Также должны были присутствовать лорд Альфред Грендолл и мистер Когенлуп, которого последнее время часто видели с Мельмоттом. Обед давали члены клуба – Ниддердейл, Карбери, Монтегю и Майлз Грендолл. Расходов не жалели. Герр Фосснер закупил вина и яства – и заплатил за них. Лорд Ниддердейл председательствовал, сидя между Фискером по правую руку и Мельмоттом по левую, и, по общему мнению, для молодого легкомысленного лорда справился очень неплохо. Выпили всего два тоста, за здоровье мистера Мельмотта и мистера Фискера, оба произнесли ответные речи. Мистер Мельмотт воистину показал себя урожденным британцем – так плохо и так нескладно он говорил. Глядя в стол, он заверил, что создание акционерного общества станет величайшей и самой успешной коммерческой операцией и в английской, и в американской истории. Это большое дело... по-настоящему большое дело... он смело может сказать, что дело очень большое. Вряд ли в истории было такое большое дело. Он счастлив приложить свои силы к такому большому делу – и так далее. Каждую фразу он выпаливал как отдельное восклицание, поднимал глаза на собравшихся и тут же вновь утыкался взглядом в тарелку, словно ища вдохновения для следующей попытки. Он не был красноречив, однако слушатели помнили, что перед ними великий Огастес Мельмотт, который, возможно, сделает их богачами, и каждую фразу встречали одобрительными возгласами. Лорд Альфред примирился с тем, что его называют по имени, поскольку сумел взять двести или триста фунтов под залог акций, которые ему выделили, но которых он живьем до сих пор не видел. Удивительное дело

коммерция! Надо просто вовремя подобраться к правильному пирогу, и какие же лакомые кусочки тебе перепадут!

Когда Мельмотт сел, поднялся Фискер. Он говорил гладко, много и цветисто. Не приводя его речь целиком, что утомило бы читателя, я не могу изобразить, какая всемирная коммерческая гармония воцарится с появлением железной дороги из Солт-Лейк-Сити в Вера-Крус и как все будут признательны великим фирмам – лондонской «Мельмотт и К^о» и сан-францисской «Фискер, Монтегю и Монтегю». Он выразительно жестикулировал. Он смотрел то на одного слушателя, то на другого и никогда – в тарелку. Речь получилась блестящая. И все же одному вескому слову мистера Мельмотта веры было больше, чем всем разглагольствованиям американца.

Все присутствующие знали из прежних разговоров, что озолотит их не железная дорога, а продажа акций. Все они об этом перешептывались. Даже Монтегю не обманывал себя мыслью, что компания, в которой он числится директором, будет строить железную дорогу. Они, внутренний круг, будут выпускать акции, это их работа и привилегия. Но сейчас, собравшись ввосьмером, они говорили обо всем человечестве и грядущей гармонии наций.

После первой сигары Мельмотт удалился, и лорд Альфред с ним. Лорд Альфред предпочел бы остаться, поскольку любил сигары и бренди с содовой, но в столь важное время предпочитал держаться поближе к Мельмотту. Мистер Самюэль Когенлуп тоже ушел, никак особенно себя не проявив. Молодые люди остались одни, и вскоре кто-то из них предложил перейти в комнату для карточной игры. Они втайне надеялись, что Фискер уйдет со старшими. Ниддердейл, мало смысливший в человеческих расах, опасался, как бы американский джентльмен не оказался «язычником китайсой» вроде того, о котором он читал в стихах. Однако Фискер не меньше других любил перекинуться в картишки и решительно отправился со всеми. Здесь к ним присоединился лорд Грасслок и с ходу предложил мушку. Мистер Фискер упомянул покер как приятное времяпрепровождение, но лорд Ниддердейл, вспомнив стихи, мотнул головой.

– Нет уж, – сказал он. – Давайте во что-нибудь, во что играют белые люди.

Мистер Фискер ответил, что готов играть во что угодно – независимо от цвета кожи.

Надо объяснить, что играли в «Медвежьем садке» почти беспрерывно, и сэру Феликсу Карбери по-прежнему везло. Случались, конечно, неудачи, но в целом Фортуна ему благоволила. Его везение длилось уже несколько вечеров кряду, и мистер Майлз Грендолл в разговоре со своим другом лордом Грасслоком как-то заметил, что дело явно нечисто. У лорда Грасслока было мало достоинств, но подозрительностью он не страдал и мысль эту сразу отмел. «Мы будем за ним следить», – сказал Майлз Грендолл. «Поступайте как хотите, а я ни за кем следить не буду», – ответил Грасслок. Майлз следил, но ничего не заметил, и лучше будет сразу сказать, что сэр Феликс, при всех своих пороках, до шулерства еще не скатился. Оба уже были должны сэру Феликсу значительные суммы, как и отсутствующий сегодня Долли Лонгстафф. В последнее время наличными рассчитывались очень мало – очень мало в сравнении с тем, что записывали на бумаге. Впрочем, у сэра Феликса по-прежнему было много денег, и он считал себя вправе не слушать материнских предостережений.

Когда в компании долго играют на расписки, появление чужака крайне неудобно, особенно если этот чужак на следующее утро отбывает в Сан-Франциско. Если бы можно было устроить так, чтобы он наверняка проиграл, его участие стало бы подарком небес. У некоторых чужаков водятся наличные деньги, которые упали бы как благодатный дождь на пересохшую землю. Но если чужак выиграет, возникнет малоприятное затруднение. Придется обращаться к герру Фоссеру, чьи условия обычно бывают разорительны. В тот вечер все получилось не так, как хотелось бы. С самого начала Фискер выигрывал и стал обладателем целой кучи бумажек, многие из которых перешли к нему от сэра Феликса, однако на них стояли инициалы «Г.», то есть Грасслок, «Н.» – Ниддердейл, а также удивительный иероглиф, про который в «Медвежьем садке» знали, что он означает «Д. Л.», или Долли Лонгстафф; сам Долли, как читатель

помнит, сегодня отсутствовал. Еще имелись «М. Г.» Майлза Грендолла – они были особенно многочисленны и наименее привлекательны финансово. Пол Монтегю еще не оставлял здесь расписок, и его друг сэр Феликс Карбери в последнее время тоже. Сегодня Монтегю выиграл, хоть и немного. Сэр Феликс все время проигрывал – в итоге почти он один и проиграл. Практически весь проигрыш сэра Феликса достался Фискеру. Его поезд на Ливерпуль отходил в восемь тридцать. В шесть он пересчитал бумажки и обнаружил, что выиграл примерно шестьсот фунтов.

– Думаю, почти все это ваше, сэр Феликс, – сказал он, протягивая через стол пачку расписок.

– Да, но получить по ним можно с остальных.

Фискер вполне благодушно извлек из пачки долговое обязательство Долли Лонгстаффа на пятьдесят фунтов.

– Это Лонгстаффа, – сказал Феликс, – и его я, разумеется, обменяю.

И он извлек из бумажника еще расписки с инициалами «М. Г.», которые так низко здесь котировались.

– Если не ошибаюсь, вы должны получить сто пятьдесят фунтов с Грасслока, сто сорок пять – с Ниддердейла и триста двадцать два фунта десять шиллингов с Грендолла, – сказал баронет и встал, показывая всем видом, что расплатился.

Фискер, по-прежнему благодушно улыбаясь, разложил бумажки перед собой и оглядел собравшихся.

– Вы знаете, что так не пойдет, – сказал Ниддердейл. – Мистер Фискер должен получить свои деньги до отъезда. У вас они есть, Карбери.

– Конечно есть, – подхватил Грасслок.

– У меня их нет, – ответил сэр Феликс, – но если бы даже и были, то что?

– Мистер Фискер уезжает в Нью-Йорк прямо сейчас, – сказал лорд Ниддердейл. – Полагаю, вместе мы шестьсот фунтов соберем. Позовите герра Фосснера. Я считаю, что Карбери должен заплатить, так как проиграл он, а мы не ждали, что с нашими расписками поступят таким образом.

– Лорд Ниддердейл, я уже сказал, что не при деньгах, – возразил сэр Феликс. – С какой стати у меня должно быть больше наличных, чем у вас, тем более что ваших расписок хватило бы на любой мой проигрыш?

– Мистер Фискер в любом случае должен получить свои деньги, – сказал лорд Ниддердейл и снова позвонил в колокольчик.

– Это совершеннейшие пустяки, милорд, – ответил американец. – Пусть их отправят мне во Фриско чеком, милорд.

С этими словами он встал и потянулся за шляпой – к большой радости Майлза Грендолла. Два молодых лорда на такое не согласились.

– Если вам нужно уйти сию минуту, я принесу деньги к поезду, – сказал Ниддердейл.

Фискер попросил его не затрудняться, ради всего святого. Разумеется, если они хотят, он может подождать еще десять минут. Но дело того не стоит. Разве почта не ходит каждый день? Тут вошел поднятый с постели герр Фосснер в торопливо надетом халате. Два лорда и мистер Грендолл посовещались с ним в уголке. Через несколько минут герр Фосснер выписал чек на долги обоим лордам, но сказал, что больше у него на счету нет. Все поняли, что герр Фосснер не даст денег мистеру Грендоллу, если остальные за того не поручатся.

– Думаю, мне лучше будет отправить вам чек, – сказал Майлз Грендолл, который до сей минуты молчал, думая, что он с лордами в одной лодке.

– Конечно-конечно. Мой партнер, мистер Монтегю, даст вам адрес.

Сердечно попрощавшись с Полом и пожав всем руки, мистер Фискер откланялся. «Да здравствует Южная Центрально-Тихоокеанская и Мексиканская железная дорога!» – были его последние слова.

Никому не нравился мистер Фискер. Люди их круга не носят таких жилетов, иначе курят сигары и не сплевывают на ковер. Он слишком часто повторял «милорд» и равно задевал их своей фамильярностью и своей почтительностью. Однако в денежном вопросе он показал себя благородно, и они чувствовали, что поступили некрасиво. Больше всего сердились на сэра Феликса. Ему не следовало рассчитывать с чужаком документами, которые, по негласному соглашению, действительны только между своими. Впрочем, поздно было это обсуждать. Надо было что-то делать.

– Давайте снова вызовем Фосснера, пусть добудет денег, – предложил лорд Ниддердейл.

– Я не виноват, – сказал Майлз. – Никто не ждет, что от него вот так потребуют наличные.

– Отчего же у вас нельзя потребовать денег по вашим собственным распискам? – спросил Карбери.

– Я считаю, что заплатить должен Карбери, – сказал Грасслок.

– Грасси, мой мальчик, у вас плохо получается думать. Откуда мне было знать, что с нами сядет играть посторонний? Вы же не взяли с собой много денег на случай проигрыша? Я обычно не хожу с шестьюстами фунтами в кармане – как и вы!

– Что толку препираться, – вмешался Ниддердейл. – Давайте раздобудем деньги.

Тогда Монтегю предложил сам погасить долг, добавив, что у него с партнером свои денежные расчеты. Однако этого они допустить не могли. Он был среди них новичком, ни разу еще не играл на запись и менее остальных должен был отдуваться за Майлза Грендолла. Сам безденежный участник компании – безденежный настолько, что ему отказали в кредите, – молчал и гладил густые усы.

Два лорда еще раз посоветовались с герром Фосснером в соседней комнате. В итоге был составлен документ, по которому Майлз Грендолл обязался по истечении трех месяцев выплатить герру Фосснеру четыреста пятьдесят фунтов. Два лорда, сэр Феликс и лорд Монтегю расписались в качестве поручителей, и немец выложил триста двадцать два фунта десять шиллингов золотом и ассигнациями. Все это заняло довольно много времени. Выпили чаю, после чего Ниддердейл и Монтегю поехали к Фискеру на вокзал.

– Это выйдет чуть больше сотни на каждого, – сказал Ниддердейл, садясь в кэб.

– Разве мистер Грендолл не заплатит?

– Да конечно не заплатит. Откуда он столько возьмет?

– Тогда ему не следовало играть.

– Бедняге трудно отказаться от всех удовольствий. Возможно, вы сумеете получить эти деньги с его дяди-герцога. Или с Бантингфорда. Или он сам когда-нибудь выиграет и рассчитается. По справедливости, ему давно пора выиграть. Бедняге слишком долго не везет.

Они нашли Фискера на платформе – тот стоял с роскошными саквояжами и в пальто на шелковой подкладке.

– Мы привезли ваши деньги, – сказал лорд Ниддердейл.

– Право слово, милорд, мне очень жаль, что вы доставили себе столько хлопот из-за такого пустяка.

– Человек должен получить свой выигрыш.

– Мы во Фриско не обращаем внимания на такие мелочи, милорд.

– Что ж, вы во Фриско молодцы. Мы здесь расплачиваемся – когда можем. Иногда не можем, и это пренеприятно.

Фискер еще раз простился с партнером и лордом, после чего отбыл в Сан-Франциско.

– Он неплохой малый, только совершенно не англичанин, – заметил лорд Ниддердейл по пути с вокзала.

Глава XI. Леди Карбери у себя дома

Все последние шесть недель жизнь леди Карбери состояла попеременно из ликования и отчаяния. Ее великий труд – «Преступные королевы» – вышел и удостоился большого внимания прессы. Далеко не все отзывы были лестные, и леди Карбери прочла о себе много жестоких слов. Несмотря на их дружбу, мистер Альф натравил на книгу самого зубастого из своих подчиненных, и тот разнес ее в клочки с почти бешеной злобой. Казалось бы, такой поверхностный труд не заслуживал столь пристального внимания. Ошибка за ошибкой разоблачалась с безжалостной дотошностью. Критик определенно знал историю как свои пять пальцев; указывая на погрешности в датах, он говорил о них как о чем-то известном каждому школьнику. Он нигде не упомянул, что, обложившись книгами и владея умением находить в них нужное место, проверил все факты, зная о них заранее не более, чем экономка – о только что купленных мешках с углем. Критик говорил о родителях одной нехорошей средневековой дамы и о датах супружеской неверности другой с уверенностью, долженствующей показать: эти подробности он носил в голове всегда. Надо полагать, он обладал обширными и разнообразными познаниями, а фамилия его была Джонс. Никто его никогда не видел, но мистер Альф мог прибегнуть к его познаниям – и его злобе – в любую минуту. Величие мистера Альфа заключалось в умении находить мистеров Джонсов. У него были под рукой Джонсы для филологии, для естественных наук, для политики и один чрезвычайно сведущий Джонс исключительно для елизаветинской драмы.

Есть обзоры, публикуемые сразу по выходе книги или даже заранее, чье назначение – ее продать, и чуть более поздние обзоры, которые создают репутацию, но не влияют на продажи; обзоры, которые тихо убивают книгу, и обзоры, которые поднимают либо опускают ее на ступеньку-две; обзоры, которые в одночасье делают автора знаменитым, и обзоры, которые его уничтожают. В свое время энергичный Джонс заявлял, что может совершенно уничтожить автора, самоуверенный Джонс – что ему это удавалось. Из всех обзоров разгромные – самые популярные, поскольку их интереснее всего читать. Когда говорят, что такого-то заметного человека разгромили в пух и прах, что вся критическая колесница Джаггернаута прокатилась по несчастному и смешала его с грязью, – это настоящая победа, и тот Альф, которому такое удалось, заслуженно гордится успехом; но даже разгромить какую-нибудь бедную леди Карбери, не оставив от нее мокрого места, – бесполезно. Такой разбор не заставит всех расхватывать «Вечернюю кафедру», но по крайней мере купившие выпуск не пожалуют о потраченных деньгах. Когда продажи у газеты падают, владельцы советуют своему Альфу поднажать по разгромной части.

Леди Карбери разгромили в «Вечерней кафедре». Можно предположить, что это было нетрудно и что историческому Джонсу мистера Альфа не пришлось корпеть над научными трудами. Ошибки и впрямь были почти на поверхности, и мистер Джонс в своей лучшей манере заклеил самый замысел угождать дурным вкусам якобы сенсационным разоблачением давно известных скандалов. Однако бедная сочинительница, хоть и чувствовала себя час или два совершенно раздавленной, не сдалась. На следующее утро она отправилась к своим издателям и полчаса провела со старшим партнером, мистером Лидхемом.

– У меня есть все, напечатанное черным по белому, – в негодовании объявила она, – и я могу доказать, что это ложь. Он приехал в Париж только в тысяча пятьсот двадцать втором и не мог стать ее любовником раньше. Я все взяла из «Всемирных биографий». Я сама отвечу мистеру Альфу. Опубликую письмо в газете.

– Очень прошу вас этого не делать, леди Карбери.

– Я могу доказать свою правоту.

– А они смогут доказать, что вы не правы.

– У меня есть все факты. Все даты.

Мистера Лидхема ничуть не занимали даты и факты. У него не было своего мнения, кто прав – дама или критик. Однако он прекрасно знал, что «Вечерняя кафедра» в таком состязании сильнее любого автора.

– Никогда не боритесь с газетами, леди Карбери. Никто еще не побеждал в таком споре. Журналисты в своем деле собаку съели, а вы новичок.

– И ведь мистер Альф мой близкий друг! Какая жестокость! – проговорила леди Карбери, вытирая со щек горячие слезы.

– Это не причинит нам ни малейшего ущерба, леди Карбери.

– Продажи упадут?

– Не особенно. Такого рода книга в любом случае долго не продержится. «Утренний завтрак» дал ей отличный толчок, и очень своевременно. Сам я скорее рад, что «Вечерняя кафедра» ее отметила.

– Рады! – воскликнула леди Карбери, чье самолюбие, раздавленное колесницей Джаггер-наута, по-прежнему страдало каждой своей частичкой.

– Все лучше, чем безразличие, леди Карбери. Многие запомнят просто, что книгу отметили, но забудут, что было в разборе. Это очень хорошая реклама.

– Но он написал, что я не знаю азов истории – а я столько трудилась!

– Это всего лишь фигура речи, леди Карбери.

– Вы считаете, что книга продается хорошо?

– Неплохо; в точности как мы ждали.

– Мне что-нибудь причитается, мистер Лидхем?

Мистер Лидхем велел принести гроссбух, перелистал несколько страниц, сложил какие-то числа и почесал в затылке. Что-то причитается, но леди Карбери не должна ждать многого. Редко кто хорошо зарабатывает на первой книге. Тем не менее леди Карбери вышла от издателя с чеком. Она была красиво одета, прекрасно выглядела и улыбалась мистеру Лидхему. Мистер Лидхем тоже был всего лишь мужчина, и он выписал чек – небольшой.

Мистер Альф поступил с ней очень дурно, зато мистер Брон из «Утреннего завтрака» и мистер Букер из «Литературной хроники» не подвели. Леди Карбери, верная своему обещанию, написала о книге мистера Букера «Новая сказка бочки» в «Утренний завтрак». Она смотрела мистеру Брону в глаза, клала мягкую ручку на его рукав и намекала, что мистер Брон понимает ее, как никто; в итоге ей позволили накропать нечто крайне поверхностное – и заплатили за это. Бедный мистер Букер внутренне морщился, читая разбор своей книги в «Утреннем завтраке». Его вдумчивую натуру оскорбляла такая легковесная чушь, однако житейский опыт говорил, что даже легковесная чушь полезна и надо отплатить за нее способом, увы, давно привычным. И мистер Букер отозвался в «Литературной хронике» о «Преступных королевах», зная, что тоже пишет легковесную чушь. «Чрезвычайно живо». «Умело обрисованные характеры». «Превосходный выбор темы». «Достойное уважения знакомство с историческими приметами различных эпох». «Литературный мир наверняка еще услышит о леди Карбери». Составление обзора вместе с чтением книги заняло у мистера Букера около часа. Он не стал разрезать страницы, а заглянул в те, которые открывались. Мистер Букер так набил руку на подобной работе, что мог проделать ее в полусне. Закончив, он с тяжелым вздохом отложил перо, страдая, что обстоятельства вынуждают его опускаться до такого. Ему не пришлось в голову, что на самом деле никто его не вынуждает, что он волен наняться в каменоломню или голодать, если нет иного способа честно преуспеть на избранном поприще.

– Не написал бы я, написал бы кто-нибудь другой, – сказал он себе.

И все же успех книге (в той мере, в какой она вообще имела успех) обеспечил «Утренний завтрак». После эпистолы, приведенной в главе первой нашего рассказа, мистер Брон виделся с дамой и дал ей некоторые обещания. Все их он добросовестно исполнил. Книге

отвели целых две колонки и весь свет заверили, что не было еще сочинения разом столь захватывающего и познавательного, как «Преступные королевы» леди Карбери. Именно этой книги ждали годами. В ней соединились кропотливые исследования и блистательное воображение. Критик не жалел ярких красок. На последней встрече леди Карбери была очень ласкова и совершенно неотразима. Мистер Брон дал указания с готовностью, и автор статьи с готовностью им последовал.

Итак, хотя леди Карбери ощущала себя раздавленной, у нее имелись некоторые основания радоваться, и в целом она считала, что еще может преуспеть на литературном поприще. Чек мистера Лидхема, пусть и на маленькую сумму, возможно, сулил в будущем нечто большее. По крайней мере, ее имя было у всех на слуху, и по вторникам на вечерах у леди Карбери обычно бывало многолюдно. Однако и литературные вечера, и литературный успех, и заигрывания с мистером Броном, и разгромная статья в газете мистера Альфа – все это было внешнее течение событий, а подлинную ее внутреннюю жизнь составляла всепоглощающая забота о сыне. Здесь она тоже металась между эйфорией и отчаянием, не позволяя, впрочем, страхам пересилить надежду. А пугало ее многое. Сын отказался даже от той небольшой экономии, к которой вынудила его крайняя нужда. Он не рассказывал матери всего, но она знала, что в последний месяц сезона он охотился почти каждый день. Еще она знала, что у него есть лошадь в городе. Виделись они всего раз в день, когда она около двенадцати заходила к нему в спальню. Все ночи он проводил в клубе; мать понимала, что он играет, и это ее убивало. Зато теперь у сына были деньги на самые насущные расходы, и двое или трое особо назойливых торговцев перестали докучать ей из-за его долгов. Так что пока она утешалась мыслью, что он выигрывает. Однако ее эйфория была вызвана другими причинами. По всему выходило, что Феликс и впрямь возьмет свой приз – и, если да, каким счастьем будет иметь такого сына! Думая об этом почти невероятном счастье, она забывала его пороки, его долги, его ночи, проводимые за карточной игрой, и то, как жестоко он с ней обращался. Насколько она понимала, для начала он сможет рассчитывать самое меньшее на десять тысяч фунтов в год, а со временем сэр Феликс Карбери станет богатейшим из англичан, не принадлежащих к сословию пэров. В глубине души она боготворила деньги, но желала их не для себя, а для сына. Затем она уносила мыслями к баронским и графским титулам и за мечтами о грядущем величии своего мальчика забывала, что его пороки почти ее разорили.

У нее была еще одна причина для радости, хоть и совершенно абсурдная. Ее сын – директор Южной Центрально-Тихоокеанской и Мексиканской железнодорожной компании! Леди Карбери должна была понимать – и на самом деле понимала, – что Феликс не может принести пользу никакому коммерческому начинанию. Она сознавала, что за этим назначением стоят некие тайные резоны. Промотающийся двадцатипятилетний баронет, чья жизнь без остатка отдана порокам и беспутству, человек, по мнению окружающих, начисто лишенный совести, – за какие заслуги его сделали директором, что рассчитывают от него получить? Однако леди Карбери, понимая все это, вовсе не ужасалась. Теперь она могла с гордостью говорить о своем мальчишке и не преминула письмом сообщить эту новость Роджеру Карбери. Ее сын заседает в одном совете директоров с мистером Мельмоттом! Разве это не знак будущего торжества?

Как читатель, возможно, вспомнит, Фискер уехал утром в субботу, девятнадцатого апреля, оставив сэра Феликса в клубе часов в семь. Весь тот день мать не могла с ним поговорить. Она нашла его спящим в полдень, затем в два, а когда зашла снова, он уже ушел. Только в субботу она сумела его поймать.

– Надеюсь, – сказала она, – во вторник вечером ты будешь дома.

До сих пор она ни разу не просила его удостоить своим присутствием ее литературные вечера.

– А, придет вся твоя публика. Матушка, это так невыносимо скучно.

– Будет мадам Мельмотт с дочерью.

– Глупо волочиться за ней в собственном доме. Все увидят, что это подстроено. А у тебя так убого и тесно!

И тут леди Карбери прямо высказала, что думает:

– Феликс, ты глупец. Я давно ничего от тебя не жду. Я пожертвовала всем и даже не надеюсь на благодарность. Но когда я день и ночь тружусь, чтобы спасти тебя от разорения, ты мог бы хоть немного помочь – не ради меня, конечно, а ради себя.

– Я не понимаю, о каких трудах ты говоришь. Тебе незачем трудиться день и ночь.

– Чуть ли не все молодые люди в Лондоне думают об этой девушке, а у тебя шансы гораздо выше, чем у других. Мне сказали, что на Троицу они уедут из города и что в деревне она будет видаться с лордом Ниддердейлом.

– Она терпеть не может Ниддердейла. Сама так говорит.

– Она сделает, что ей скажут – если не влюбится без ума в кого-нибудь вроде тебя. Почему не сделать ей предложение прямо во вторник?

– Я должен вести дело, как сам считаю нужным. Не подгоняй меня.

– Если тебе лень увидаться с ней в собственном доме, она не поверит, что ты правда ее любишь.

– Как же меня утомила эта любовь! Ладно, я подумаю. В котором часу кормежка зверей?

– Никакой кормежки не будет. Феликс, ты такой бессердечный, что порой я готова полностью устранимся и никогда больше с тобой не разговаривать. Мои друзья соберутся около десяти и пробудут часов до двенадцати. Полагаю, тебе надо быть здесь, чтобы ее встретить. Не позже десяти.

– Если успею к этому времени проглотить обед, то приеду.

Вечером вторника чересчур занятой молодой человек и впрямь успел съесть обед, выпить бренди, выкурить сигару и, возможно, сыграть на бильярде, так что вошел в гостиную своей матери немногим позже половины одиннадцатого. Мадам Мельмонт и ее дочь были уже здесь, а равно многие другие, из которых большинство принадлежало к литературному миру. В их числе был мистер Альф, и в эту самую минуту он обсуждал книгу леди Карбери с мистером Букером. Встретили его вполне ласково, будто он вовсе не поручал писать разгромную статью. Леди Карбери подала ему руку с тем радушием, с каким всегда встречала литературных друзей, и просто заглянула ему в лицо молящими глазами, словно спрашивая, как мог он так жестоко ранить столь нежное и незащищенное существо.

– Меня это возмущает, – сказал мистер Альф мистеру Букеру. – Существует целая система нахваливания, и я намерен ее уничтожить.

– Если вам хватит сил, – ответил мистер Букер.

– Думаю, хватит. По крайней мере, я покажу, что я не боюсь подать пример. Я очень уважаю нашу приятельницу, но книга – дрянь, бессовестная компиляция полудюжины известных трудов, причем, воруя из них, она почти каждый раз ухитряется перевернуть факты и даты. А затем она пишет мне и просит сделать, что смогу. Вот я и сделал, что мог.

Мистер Альф прекрасно знал, как мистер Букер отозвался о книге, и мистеру Букеру было известно, что мистер Альф это знает.

– То, что вы говорите, справедливо, только вам нужно жить в другом мире, – заметил мистер Букер.

– Именно. А значит, мы должны изменить мир. Интересно, что почувствовал наш друг мистер Брон, когда его критик объявил «Преступных королей» величайшим историческим трудом новейшего времени.

– Я не видел таких слов. В самой книге, насколько я ее проглядел, ничего особенного нет. Она равно не стоит ни бурных восторгов, ни гневного обличения. Незачем ломать на колесе бабочку – тем более дружественную.

– Что до дружбы, я предпочитаю не смешивать одно с другим, – сказал мистер Альф и отошел.

– Я никогда не забуду, что вы для меня сделали... никогда! – шепнула леди Карбери, на миг задержав руку мистера Брона в своей.

– Я всего лишь исполнил долг, – с улыбкой ответил он.

– Надеюсь, вы узнаете, что женщины умеют быть признательными.

Затем она выпустила его руку и перешла к другим гостям. В ее последних словах была толика искренности. Вряд ли леди Карбери была способна на долгую благодарность, однако сейчас она чувствовала, что мистер Брон оказал ей большую услугу, и готова была отплатить ему дружбой. О чем-то большем, нежели дружба, о том, чтобы поощрить джентльмена, который однажды выказал к ней нежные чувства, леди Карбери совершенно не думала. За более важными заботами тот маленький нелепый эпизод вылетел у нее из головы. Иначе обстояло дело с мистером Броном. Он никак не мог понять, влюблена в него дама или нет, и, если да, должен ли он ответить ей взаимностью – и опять-таки, в какой форме. Глядя леди Карбери вслед, он говорил себе, что она, безусловно, очень хороша, что у нее прекрасная фигура, надежный доход и заметное положение в свете. Однако мистер Брон считал себя закоренелым холостяком. Он давно решил, что брак будет ему помехой, и теперь мысленно улыбался, думая, насколько невозможно такой даме, как леди Карбери, отвратить его от этого решения.

– Я так рада, что вы пришли, мистер Альф, – сказала леди Карбери гордому редактору «Вечерней кафедр».

– Разве я не всегда прихожу с охотой, леди Карбери?

– Вы очень добры. Но я боялась...

– Боялись чего, леди Карбери?

– Что вы можете подумать, будто я не захочу вас видеть после... после ваших комплиментов в прошлый четверг.

– Я никогда не смешиваю одно с другим. Понимаете, леди Карбери, я не сам пишу все эти статьи.

– Разумеется. В вас не столько яда.

– Сказать по правде, я вообще их не пишу. Мы ищем людей, чьим суждениям можем доверять, и, если, как в данном случае, критик оказывается суров к литературным притязаниям кого-нибудь из моих друзей, мне остается лишь скорбеть о происшедшем и верить, что друг сумеет отделить меня как человека от мистера Альфа, который имеет несчастье издавать газету.

– Я благодарна, что вы в меня верите, – сказала леди Карбери.

У нее не было сомнений, что мистер Альф лукавит. Она думала (и справедливо), что мистер Джонс писал по прямому указанию своего редактора. Однако она помнила, что собирается выпустить еще книгу. Возможно, ее сегодняшнее мужество растопит даже ледяное сердце мистера Альфа.

Леди Карбери, как хозяйка, должна была сказать любезное словечко каждому и выполнила свою задачу. Однако все это время она думала о своем сыне и мисс Мельмонт, так что наконец решила отвлечь мать от дочери. Сама Мари была не прочь поговорить с сэром Феликсом. Он никогда ей не грубил, никогда не выказывал презрения, и он был так красив! Бедняжка совершенно растерялась из-за множества таких разных женихов, ничего не понимала в своей новой жизни, страдала оттого, что отец то неделями не замечает ее, то обрушивается на нее в припадках гнева, не доверяла своей мнимой матери – бедная Мари родилась до того, как ее отец стал женатым человеком, и про судьбу настоящей своей матери ничего не знала, – и немудрено, что она хотела выйти замуж хоть за кого-нибудь. Ей уже пришлось пережить очень разные фазисы. У нее сохранились обрывочные воспоминания о грязных улочках немецкого квартала в Нью-Йорке, где она родилась и прожила первые четыре года, и о нищей забитой

женщине – своей матери. Она помнила море и то, как страдала морской болезнью, но не помнила, была ли с ней мать. Потом она бегала по улицам Гамбурга, иногда очень голодная, иногда в лохмотьях, – и смутно помнила, что у отца были тогда какие-то неприятности и он надолго исчез. У нее были свои подозрения, что с ним случилось, но она ни с кем ими не делилась. Потом отец женился во Франкфурте на ее нынешней матери. Это Мари помнила отчетливо, и квартиру, где они жили, и то, как тогда ей говорили, что она должна быть еврейкой. Но скоро все переменялось. Из Франкфурта они переехали в Париж и теперь называли себя христианами. В Париже они время от времени меняли квартиры, но жили всегда хорошо. Экипаж иногда держали, иногда нет. Наконец она подросла настолько, что стала понимать – о ее отце много говорят. Отец всегда был к ней то требовательным, то равнодушным, но не жестоким. В то время он сделался жесток и к ней, и к жене. Мадам Мельмонтт часто плакала и говорила, что они разорились. И тут на них свалилась неожиданная роскошь – особняк, экипажи и лошади почти без счета. В дом потянулись смуглые люди в засаленной одежде, которых принимали по-царски; по большей части мужчины, женщин с ними почти не было. Мари в ту пору только исполнилось девятнадцать, выглядела она семнадцатилетней. Внезапно ей сообщили, что она едет в Лондон. Переезд прошел с большой помпой. Сперва ее отвезли в Брайтон, где сняли полгостиницы, затем на Гровенор-сквер и сразу выставили как товар на брачном рынке. Никогда Мари не было настолько плохо и страшно, как в первые месяцы, когда ее пытались сбыть Ниддердейлам и Грасслокам. Она была так перепугана, что не смела возражать, но все равно думала про себя, что хотела бы как-то участвовать в выборе собственной судьбы. По счастью, первые попытки сбыть ее Ниддердейлам и Грасслокам закончились ничем; постепенно она немного набралась храбрости и начала думать, что, возможно, есть надежда избежать брака с тем, кто ей не по вкусу. И еще она начала думать, что есть человек, брак с которым будет ей по вкусу.

Феликс Карбери стоял, прислонившись к стене, а она сидела на стуле близ него.

– Я люблю вас больше всего на свете, – произнес он, не понижая голоса и как будто не заботясь, что услышат другие.

– О, сэр Феликс, прошу вас, не говорите так.

– Вы не слышали ничего для себя нового. А теперь скажите, что будете моей женой.

– Как я могу ответить сама? Все решает папенька.

– Можно мне пойти к нему?

– Да, если хотите, – чуть слышно прошептала она.

Так богатейшая наследница нашего времени (да и любого времени, если люди не врут) пообещала свою руку нищему.

Глава XII. Сэр Феликс в доме своей матери

Когда гости ушли, леди Карбери отправилась искать сына – не рассчитывая его найти, ибо каждый вечер он пунктуально проводил в «Медвежьем садке», – но все же со слабой надеждой, что ради такого особого случая он остался рассказать ей о своем успехе. Она видела перешептывания, наблюдала, с какой хладнокровной наглостью говорил сэр Феликс, и, не слыша слов, почти точно угадала миг, когда он сделал предложение. Еще она видела робкое лицо девушки, ее потупленный взор, нервные движения рук. Как женщина, за которой ухаживали и которая сама когда-то мечтала о любви, леди Карбери очень не одобряла поведение сына. И все же как велика будет победа, если все получится, если девушку не разочаруют такие прохладные ухаживания, а великий Мельмотт примет за свои деньги столь скромный титул, как у ее сына!

– Я слышала, как он ушел из дома еще до отъезда Мельмоттов, – сказала Генриетта на слова матери, что та пойдет к нему в спальню.

– Мог бы сегодня и остаться дома. Как ты думаешь, он сделал ей предложение?

– Откуда мне знать, маменька?

– Мне казалось, тебе должна быть небезразлична судьба твоего брата. Я уверена, что сделал. И что она согласилась.

– Если так, я надеюсь, он будет к ней добр. Надеюсь, он ее любит.

– Отчего ему ее не любить? Девушка не обязательно должна быть ужасна только из-за того, что богата. В ней нет ничего отталкивающего.

– Да, ничего отталкивающего. Не знаю, есть ли в ней что-нибудь привлекательное.

– А в ком есть? Мне кажется, ты совсем не думаешь о Феликсе.

– Не говори так, маменька.

– Ты о нем не думаешь. Не понимаешь, чего он может достичь, если получит ее деньги, и что будет, если он не женится на богатой. Он разоряет нас обеих.

– Я бы на твоём месте ему этого не позволяла.

– Легко сказать, но я не бессердечна. Я люблю его. Не могу смотреть, как он голодает. Только подумай, он может получить двадцать тысяч годовых!

– Если Феликс женится только ради этого, не думаю, что они будут счастливы.

– Иди лучше спать, Генриетта. Ты никогда не хочешь меня утешить.

Генриетта ушла, а леди Карбери просидела в ожидании сына всю ночь. Она поднялась в спальню и переделалась из парадного платья в белый шлафор. Сидя перед зеркалом и снимая накладные волосы, леди Карбери призналась себе, что не молодеет. Она лучше большинства сверстниц умела скрыть приметы возраста, и все же они подбирались к ней: на висках проблискивала седина, у глаз собрались морщинки, которые легко убирались косметикой, усталые складки в уголках губ на людях разглаживала привычная самоуверенность, но стоило остаться наедине с собой, как они появлялись вновь.

Однако она не собиралась горевать из-за того, что стареет. Для нее, как и для большинства из нас, счастье всегда было в будущем – еще чуть-чуть, и удастся его настичь. Леди Карбери не ждала счастья в любви и потому не особо огорчалась, что красота уходит. Она так и не решила окончательно, что сделает ее счастливой – ей смутно рисовалось положение в свете и литературная слава, причем к мечтам всегда примешивалась мысль о деньгах. Впрочем, сейчас все страхи и надежды леди Карбери были сосредоточены на сыне. Не важно, сколько проседи у нее в волосах и как недобр мистер Альф, если ее Феликс женится на мисс Мельмотт. С другой стороны, ни жемчужные белила, ни «Утренний завтрак» не помогут, если не спасти Феликса. Итак, она спустилась в гостиную, где, даже задремав, точно услышит, как ключ повернется в двери, и стала ждать с томиком французских мемуаров.

Несчастливая! Она вполне могла бы лечь и проснуться в свое обычное время, ибо, когда подъехал кэб сэра Феликса, был уже девятый час и давно рассвело. Ночь прошла ужасно. Она и впрямь задремала, огонь в камине почти прогорел и не захотел разгораться заново. Когда она не спала, ей не удавалось сосредоточиться на книге и время тянулось бесконечно. И ее ужасала мысль, что он играет в такой час! Зачем ему карты, если состояние мисс Мельмонт готово упасть в его руки? Как глупо рисковать здоровьем, репутацией, красотой, теми немногими средствами, которые сейчас так нужны для его великого плана, и ради чего? Ради суммы, ничтожно малой по сравнению с деньгами мисс Мельмонт! Но вот он наконец приехал! Она терпеливо дождалась, когда он сбросит шляпу и плащ, затем вошла в столовую. Свою роль она продумала и заранее решила, что не скажет сыну ни одного резкого слова, так что теперь постаралась встретить его улыбкой.

– Матушка, отчего ты не спишь в такой час? – воскликнул он.

Лицо у него было красное, походка – вроде бы немного нетвердая. Мать никогда прежде не видела его во хмелю, и мысль, что он может быть пьян, ужасала ее вдвойне.

– Я не могла лечь, пока не увижусь с тобой.

– А почему? Зачем тебе было меня видеть? Я иду спать. Успею еще наговориться.

– Что-нибудь случилось, Феликс?

– Что могло случиться? Мы немного повздорили в клубе, вот и все. Я сказал Грасслоку, что о нем думаю, ему это не понравилось. Я и не хотел, чтобы ему понравилось.

– Вы будете драться, Феликс?

– На дуэли? О нет, ничего такого захватывающего. Поколотит ли кто-нибудь кого-нибудь, сейчас сказать не могу. Позволь мне уже лечь, я без сил.

– Что тебе сказала Мари Мельмонт?

– Ничего особенного. Господи, матушка, неужели ты думаешь, что я в силах говорить о таком в восемь утра, после бессонной ночи?

– Если бы ты знал, сколько я из-за тебя выстрадала, ты бы сказал мне хоть слово.

Она с мольбой взяла сына за руку, заглянула в его багровое лицо и налитые кровью глаза. Теперь она не сомневалась, что он пил – от него пахло спиртным.

– Разумеется, я должен буду пойти к старику.

– Она сказала тебе пойти к ее отцу?

– Насколько я помню, что-то в таком роде. Разумеется, насчет денег решает он. Думаю, шансы десять к одному против меня.

Довольно грубо вырвав у матери свою руку, он пошел в спальню, иногда спотыкаясь на ступеньках.

Наследница приняла предложение ее сына! Если так, шансы Феликса и впрямь велики. Леди Карбери была убеждена, что в вопросе замужества упорная дочь всегда возьмет верх над суровым отцом. Однако упорство девушки должно подкрепляться настойчивостью жениха. В данном случае, впрочем, не было пока причин опасаться, что великий человек будет против. По всем признакам великий человек благоволил к ее сыну. Мистер Мельмонт сделал сэра Феликса директором американской компании. Феликса тепло принимали на Гровенор-сквер. И к тому сэр Феликс – баронет. Мистер Мельмонт, без сомнений, хотел бы заполучить лорда, но раз с лордами вышла неудача, почему бы не удовольствоваться баронетом? На взгляд леди Карбери, ее сыну не доставало лишь денег – у него не было ни процентных бумаг, ни состояния, ни столько-то тысяч в год, которые можно внести в брачный договор. При богатстве Мельмонта в этом не было настоящей надобности, но великому человеку не понравятся ошутимые свидетельства нищеты. Феликсу нужны средства, чтобы выглядеть лощеным и небедным. Нужны перстни и дорогое верхнее платье, щегольские тросточки, лошадь, а главное – деньги на подарки. Никто не должен видеть, что он нуждается. По счастью, Удача в последнее время улыбнулась ему и подбросила немного денег. Однако, если он будет играть и дальше, Удача все

заберет назад – кто знает, может быть, уже забрала. И опять-таки, ему необходимо отказаться от привычки играть, по крайней мере на время, пока его будущее зависит от хорошего мнения мистера Мельмотта. Мельмотт, уж верно, не одобрит игру в клубе, хоть, возможно, одобрит игру в Сити. Может быть, с таким наставником Феликс научится играть на бирже? Во всяком случае, нужно сказать ему, чтобы он ревностно исполнял обязанности директора Великой Мексиканской железной дороги, – возможно, это путь к тому, чтобы нажить собственное состояние. Но какие могут быть надежды, если он будет пить? Какие могут быть надежды, если мистер Мельмотт узнает, что жених его дочери вернулся домой в девятом часу утра и спотыкался на лестнице?

На следующий день она дождалась, когда он выйдет из спальни, и сразу завела разговор:

– Знаешь, Феликс, я думаю на Троицу поехать к твоему кузену Роджеру.

– В Карбери! – воскликнул он, уминая почки в остром соусе, которые кухарке было велено готовить ему на завтрак. – Мне казалось, тебе там было так скучно, что ты больше туда ни ногой.

– Я такого не говорила, Феликс. И теперь у меня есть цель.

– А что Генриетта?

– Поедет со мной. Почему нет?

– Ну, не знаю. Я подумал, возможно, она не захочет.

– Не понимаю, отчего ей не хотеть. И к тому же не может все быть по ее желанию.

– Роджер тебя пригласил?

– Нет, но я уверена, он обрадуется, если я напишу, что мы все приедем.

– Только не я, матушка!

– Ты в первую очередь.

– Ни за что, матушка. Что мне делать в Карбери?

– Мадам Мельмотт сказала мне вчера вечером, что они едут в Кавершем и погостят у Лонгстаффов дня три-четыре. Она говорила о леди Помоне как о своей доброй приятельнице.

– Тьфу, пропасть! Теперь все ясно.

– Что ясно, Феликс? – спросила леди Карбери.

Она слышала про Долли Лонгстаффа и побаивалась, что визит в Кавершем как-то связан с матримониальными видами на молодого наследника.

– В клубе говорят, Мельмотт взялся за дела Лонгстаффа и намерен их выправить. Кроме Кавершема, есть собственность в Сассексе, и вроде бы Мельмотт положил на нее глаз. С этим какая-то канитель, потому что Долли, вообще-то малый безотказный, уперся и не хочет вместе с отцом продавать поместье. Значит, Мельмотты едут в Кавершем!

– Так мне сказала мадам Мельмотт.

– А Лонгстаффы – первые гордецы в Англии.

– Разумеется, мы должны быть в Карбери, когда они будут в Кавершеме. Что может быть естественней? Все уезжают из города на Троицу, почему нам не поехать в фамильное имение?

– Все будет естественно, матушка, если ты сумеешь это устроить.

– Ты приедешь?

– Если там будет Мари Мельмотт, я загляну по крайней мере на день, – ответил Феликс. Матери подумалось, что для него это вполне любезное обещание.

Глава XIII. Лонгстаффы

Мистер Адольфус Лонгстафф, сквайр Кавершема в Суффолке и Пикеринг-Парка в Сасексе, почти час провел у мистера Мельмотта на Эбчерч-лейн, обсуждая с ним свои личные дела, и остался очень недоволен встречей. Есть люди – в том числе старики, которым следовало бы знать мир, – убежденные, что надо лишь отыскать правильную Медею, которая вскипятит для них котел, и растраченное состояние возродится. Великих чародеев обычно ищут в Сити; там и впрямь булькают котлы, хотя редко что-нибудь омолаживается. Не было Медеи, более могущественной в денежных делах, чем мистер Мельмотт, и мистер Лонгстафф верил: если великий некромант хотя бы глянет на его дела, все мигом исправится. Однако некромант объяснил сквайру, что собственность не создается взмахом волшебной палочки. Он, мистер Мельмотт, может помочь мистеру Лонгстаффу быстро обратить собственность в деньги либо узнать ее рыночную стоимость, но создать ничего не в силах.

– У вас всего лишь пожизненное право владения, мистер Лонгстафф.

– Да, только пожизненное право. Это обычный порядок с фамильными имениями в нашей стране, мистер Мельмотт.

– Именно. Поэтому вы не можете распоряжаться ничем иным. Конечно, если сын к вам присоединится, вы сможете продать то или другое поместье.

– О продаже Кавершема речи идти не может. Мы с леди Помоной там живем.

– Ваш сын не согласится продать вместе с вами другое поместье?

– Я напрямую его не спрашивал, но он все делает мне наперекор. Полагаю, вы не захотите арендовать Пикеринг-Парк на срок моей жизни.

– Думаю, нет, мистер Лонгстафф. Моя жена предпочтет что-нибудь более надежное.

И мистер Лонгстафф ушел с видом оскорбленной аристократической гордости. Все то же самое сказал бы ему собственный адвокат, и собственного адвоката не пришлось бы принимать в Кавершеме, тем более с женой и дочерью. Правда, он сумел получить у великого человека процентную ссуду на несколько тысяч фунтов всего-навсего под залог аренды городского дома, которую оформит главный клерк великого человека. Все произошло легко и без всякого промедления, не то что обычно, когда деньги не появлялись сразу, как он выразил желание их получить. Однако мистер Лонгстафф уже чувствовал, что дорого заплатит за такую любезность. Впрочем, негодовал он сейчас из-за другого. Он снизошел до того, чтобы попросить у Мельмотта место в совете директоров Южной Центрально-Тихоокеанской и Мексиканской железной дороги, и ему – Адольфусу Лонгстаффу из Кавершема – отказали! Мистер Лонгстафф еще чуть-чуть поступился гордостью. «Вы сделали директором лорда Альфреда Грендолла!» – недовольно заметил он. Мистер Мельмотт объяснил, что у лорда Альфреда есть качества, незаменимые для этой должности. «Я точно сумею все то же, что и он», – сказал мистер Лонгстафф. На это мистер Мельмотт свел брови и довольно резко ответил, что больше директоров не требуется. С тех пор как в его доме побывали две герцогини, он чувствовал себя вправе грубить любому нетитулованному лицу – особенно нетитулованному лицу, просящему у него директорский пост.

Мистер Лонгстафф был высокий, грузный, лет пятидесяти, с тщательно покрашенными волосами и бакенбардами и в тщательно сшитом платье, которое, впрочем, всегда было ему как будто тесновато. Он очень заботился о своей внешности – не потому, что считал себя красавцем, а потому, что гордился своей аристократичностью. По его мнению, всякий, кто в этом смыслит, должен был с первого взгляда определить в нем джентльмена чистой воды и светского человека. Он считал себя неизмеримо выше тех, кто вынужден сам зарабатывать на хлеб. Без сомнения, джентльмены бывают разные, но истинный английский джентльмен – тот, кто владеет землей, старой фамильной усадьбой, портретами предков, наследственными долгами

и наследственной привычкой ничего не делать. Он даже начал поглядывать свысока на пэров, поскольку так много людей несравненно ниже его сумели добиться титула, и, три или четыре раза проиграв выборы, пришел к выводу, что место в парламенте – знак плебейского рождения. И все же этот глупый, никчемный человек был не лишен некоторого благородства чувств. Положение мало к чему обязывало, но многое ему запрещало. Оно не позволяло ему вникать в денежные вопросы. Он не оплачивал счета, пока торговцы не начинали ходить за ним по пятам, но никогда не проверял суммы в этих счетах. Он тиранил слуг, но не мог спросить, сколько на кухне выпивается вина. Он не прощал арендаторам браконьерства, но не поднимал арендную плату. У него была своя теория жизни, и он ей следовал, но ни ему, ни его семье это особой радости не приносило.

Сейчас его главным желанием было продать меньшее из двух имений и выкупить из залога большее. Долг образовался не только по его вине, и мистер Лонгстафф считал, что печется не о себе одном, но и обо всех домашних, в том числе о Долли. У того было еще и собственное имение, которое он уже успел заложить. Отец не терпел отказов и боялся, что сын не согласится. «Но Адольфусу деньги нужны не меньше, чем нам всем», – заметила леди Помона. Мистер Лонгстафф только покачал головой и фыркнул. Женщины ничего не смыслят в деньгах. Теперь он вышел из конторы мистера Мельмотта и поехал в экипаже к своему адвокату в Линкольнз-Инн – сказать, чтобы тот передал клерку мистера Мельмотта бумаги на городской дом. Это было крайне неприятно и унижительно. И все из-за жалких нескольких тысяч! Мистер Лонгстафф чувствовал, что мир очень к нему жесток.

– Что нам с ними делать, скажи на милость? – спросила у матери София, старшая мисс Лонгстафф.

– Я считаю, напрасно папенька их пригласил, – сказала Джорджиана, вторая дочь. – Я так точно не стану их развлекать.

– Разумеется, вы всё бросите на меня, – устало проговорила леди Помона.

– Но зачем они нам здесь? – настаивала София. – Одно дело побывать у них на балу, куда съехались все остальные. Не надо с ними разговаривать, не надо после считать их своими знакомыми. Что до девушки, я бы ее не узнала, встретиться мы где-нибудь еще.

– Хорошо бы Адольфусу на ней жениться, – заметила леди Помона.

– Долли ни на ком не женится, – возразила Джорджиана. – Это ж так утомительно, сделать предложение! К тому же он не поедет в Кавершем – его сюда канатами не затащишь. Если их пригласили сюда ради этого, маменька, то дело совершенно безнадежное.

– Зачем Долли жениться на такой особе? – спросила София.

– Потому что всем нужны деньги, – ответила леди Помона. – Я совершенно не понимаю, о чем думает ваш папенька и отчего у нас вечно ни на что нет денег. Я их не трачу.

– Не думаю, что мы тратим как-то особенно много, – сказала София. – Понятия не имею, какой у папеньки доход, но я не представляю, как можно сократить расходы.

– Так было, сколько я себя помню, – заметила Джорджиана, – и я не собираюсь больше из-за этого тревожиться. Думаю, все остальные живут так же, только не рассказывают.

– Но, дорогие мои, если мы должны принимать таких, как Мельмотты!

– Не мы бы их приняли, принял бы кто-нибудь другой. Я бы из-за этого не огорчалась. Наверное, они пробудут всего два дня.

– Дорогая, они приедут на неделю!

– Пусть тогда папенька возит их по округе. В жизни не слышала такой нелепости. Какая папеньке от них польза?

– Он невероятно богат, – сказала леди Помона.

– Но вряд ли он отдаст папеньке свои деньги, – продолжала Джорджиана. – Конечно, я ничего в этом не смыслю, но мне кажется, незачем так из-за них переживать. Если папеньке дорого жить здесь, почему не уехать на год за границу? Бошемы так и сделали и чудесно про-

вели время во Флоренции. Там Клара Бошем и познакомилась с молодым лордом Лифи. Я совершенно не против поехать в Италию, но, по-моему, ужасно приглашать в Кавершем такую публику. Неизвестно, кто они, откуда и чего от них ждать.

Так говорила Джорджиана, которая в семье считалась самой умной и уж точно самой острой на язык.

Разговор происходил в гостиной городского дома Лонгстаффов на Брутон-стрит. Дом, лишенный почти всех тех приятных удобств, которыми обзавелись в последние годы новые лондонские резиденции, был мрачный, с большими гостиными, маленькими спальнями и очень тесными помещениями для слуг. Зато Лонгстаффы гордились, что это семейный особняк, где жили три или четыре поколения семьи, и от него не разит той радикальной новизной, которую мистер Лонгстафф находил омерзительно безвкусной. В Квинс-Гейте и прилегающих кварталах живут только преуспевающие торговцы, и даже Белгравия, при всем своем аристократизме, еще пахнет строительным раствором. У многих тамошних обитателей никогда не было настоящих семейных особняков. Приличные люди должны жить на старых улицах между Пикадилли и Оксфорд-стрит и еще в одном-двух известных местах неподалеку от указанных границ. Когда леди Помона по наущению приятельницы, особы знатной, но с дурным вкусом, предложила перебраться на Итон-сквер, мистер Лонгстафф сразу осадил жену. Если Брутон-стрит недостаточно хороша для нее и девочек, пусть остаются в Кавершеме. Угроза оставить их в Кавершеме звучала часто, ибо, как ни гордился мистер Лонгстафф городским особняком, ему очень хотелось сэкономить на ежегодной миграции. Платья и лошади для девочек, карета жены и его собственный экипаж, его скучные званые обеды и один бал, который они, по мнению леди Помоны, обязаны были дать, – все это заставляло его со страхом ждать конца июля. Именно тогда он узнавал, во сколько обойдется ему нынешний сезон. Однако ему еще никогда не удавалось удержать семью в деревне. Девочки, которые в Европе пока видели только Париж, сказали, что готовы ехать на год в Италию и Германию, но всячески показывали, что взбунтуются против решения отца запереть их в Кавершеме на время лондонского сезона.

Джорджиана как раз высказала свое недовольство грядущим визитом Мельмоттов, когда в комнату вошел ее брат. Долли не часто появлялся на Брутон-стрит. Он снимал собственные комнаты, и его почти не удавалось зазвать на семейный обед. Мать каждый день писала ему бесконечные записки: не заглянет ли он пообедать, не отвезет ли их в театр, не отправится ли на такой-то бал или на такой-то вечерний прием? Долли никогда не отвечал. Он вскрывал конверт, совал записку в карман и забывал о ней. В итоге мать его боготворила, и даже сестры, которые были все же поумнее брата, относились к нему с почтением. Он мог делать, что пожелает, а они чувствовали себя рабынями в оковах скуки. Сестры завидовали его свободе, хотя и знали, как он ею злоупотребил, спустив уже почти все свое богатство.

– Мой дорогой Адольфус, – сказала мать, – как мило с твоей стороны.

– Очень мило, – ответил Долли, подставляя щеку для поцелуя.

– Ах, Долли, кто бы думал, что мы тебя увидим? – воскликнула София.

– Налейте ему чаю, – распорядилась мать. Леди Помона всегда пила чай с четырех часов до того времени, когда шла переодеваться к обеду.

– Уж лучше бренди с содовой, – ответил Долли.

– Мой мальчик!

– Я не прошу бренди и не рассчитываю его получить, я даже не хочу его. Я только сказал, что уж лучше бренди, чем чай. Где родитель?

Все в изумлении уставились на него. Должно было произойти нечто и впрямь экстраординарное, чтобы Долли пожелал увидеться с отцом.

– Папенька уехал в экипаже сразу после ланча, – торжественно объявила София.

– Я его немного подожду, – сказал Долли, вынимая часы.

– Останься и пообедай с нами, – предложила леди Помона.

– Не могу, потому что должен идти с кем-то обедать.
– С кем-то! Я уверена, ты не знаешь, куда идешь, – сказала Джорджиана.
– Мой человек знает. Во всяком случае, он дурак, если не знает.
– Адольфус, – очень серьезно начала леди Помона. – У меня есть план, и я нуждаюсь в твоей помощи.

– Надеюсь, это не что-нибудь сложное.
– Мы все едем в Кавершем на Троицу и очень просим тебя поехать с нами.
– О нет! Я никак не могу.
– Ты недослушал и половины. Будет мадам Мельмонт с дочерью.
– Фу ты, черт! – воскликнул Долли.
– Долли! Не забывай, где ты! – сказала София.
– Я помню, где я, и точно знаю, где меня не будет. Я не поеду в Кавершем общаться с мамашей Мельмонт.

– Мой дорогой мальчик, – продолжала его мать, – знаешь ли ты, что мисс Мельмонт в день своей свадьбы получит двадцать *тысяч* годовых, а ее муж, возможно, станет со временем богатейшим человеком Европы?

– Пол-Лондона хочет на ней жениться, – ответил Долли.
– Почему бы и тебе не быть одним из них?
– И пол-Лондона не будет гостить с ней в одной усадьбе, – добавила Джорджиана. – Если ты захочешь попытаться, у тебя будет возможность, о какой другие могут только мечтать.
– Но я совершенно не хочу пытаться. Господи! Это совершенно не в моих привычках, матушка.

– Я знала, что он откажется, – сказала Джорджиана.
– Это поправило бы все наши дела, – заметила леди Помона.
– Значит, они останутся как есть, если ничто другое их не поправит. А вот и родитель. Я слышу его голос. Ну, сейчас будет крик.

И тут в комнату вошел мистер Лонгстафф.

– Дорогой, – сказала леди Помона, – у нас Долли.
Отец кивнул сыну, но ничего не сказал.
– Мы просим его остаться и пообедать, но он куда-то приглашен, – продолжала мать.
– Только не знает куда, – вставила София.
– Мой человек знает – он все записывает. Сэр, люди из Линкольнз-Инн прислали мне письмо. Хотят, чтобы я поговорил с тобой насчет какой-то продажи. Вот я пришел. Это ужасная канитель, потому что я ничего в таком не понимаю. Может, и продавать-то нечего. Если так, я могу уйти.

– Пойдем ко мне в кабинет, – сказал отец. – Незачем беспокоить твою мать и сестер делами.

Сквайр вышел из комнаты, Долли – за ним, на прощанье скорчив сестрам мученическую гримасу. Три дамы с полчаса сидели за чаем, дожидаясь – не результата переговоров, поскольку не думали, что им его сообщат, – но добрых либо дурных знаков, которые можно будет прочесть в поведении сквайра. Долли они снова увидеть не рассчитывали – быть может, по меньшей мере месяц. Все их со сквайром встречи заканчивались ссорой, и Долли с необычным для него упорством противился любым посягательствам на свои права. Через полчаса мистер Лонгстафф вернулся в гостиную и сразу объявил приговор:

– Дорогая, в этом году мы не вернемся из Кавершема в Лондон.

Он пытался говорить с величавым спокойствием, однако голос у него дрожал от чувств.

– Папенька! – воскликнула София.

– Дорогой мой, ты это не всерьез, – проговорила леди Помона.

– Конечно, папенька это не всерьез, – сказала Джорджиана, вставая.

– Совершенно всерьез, – ответил мистер Лонгстафф. – Мы уедем в Кавершем дней через девять и больше в этом году в Лондон не вернемся.

– У нас уже назначен бал, – сказала леди Помона.

– Придется отменить. – И с этими словами отец семейства удалился в свой кабинет.

– Папенька не мог правда так решить, – сказала София.

– Он правда так решил, – в слезах проговорила леди Помона.

– Тогда пусть перерешит, вот и все, – объявила Джорджиана. – Долли сказал ему что очень грубое, а мы страдай. Зачем было ехать в Лондон, если он собирался забрать нас до начала сезона?

– Интересно, что сказал ему Адольфус. Ваш папенька всегда так суров к Адольфусу.

– Долли может сам о себе подумать. И думает, – ответила Джорджиана. – Долли не думает о нас.

– Нисколько, – добавила София.

– Я скажу, что ты должна сделать, маменька. Просто не уезжать. Объявить, что не сдвинешься с места, пока он не пообещает привезти нас обратно. Я так точно не сдвинусь – если он не вынесет меня из дома на руках.

– Дорогая, я не могу такого ему сказать.

– Тогда я скажу. Похоронить нас на целый год без единого человека рядом, кроме замшелого старого епископа и еще более замшелого мистера Карбери! Я этого не вынесу. Есть то, с чем нельзя мириться. Если ты уедешь, я останусь с Примеро. Миссис Примеро меня примет, я знаю. Конечно, это будет малопрочно. Я не люблю Примеро. Я их терпеть не могу. О да, да, София, они вульгарны, я знаю не хуже тебя, но все-таки не так вульгарны, маменька, как твоя приятельница мадам Мельмонтт.

– Какая ты злая, Джорджиана. Она мне не приятельница.

– Но ты будешь принимать ее в Кавершеме. Не понимаю, отчего ты именно сейчас вздумала ехать в Кавершем.

– Все уезжают из города на Троицу, дорогая.

– Нет, маменька, не все. Люди понимают, как трудно ездить туда-сюда. Примеро не едут. Я в жизни о таком не слышала. Во что он хочет нас превратить? Если он решил сэкономить, почему не заколотить Кавершем и не уехать за границу? Кавершем обходится гораздо дороже нашей жизни в Лондоне, и, по-моему, это самое скучное место в Англии.

Вечер на Брутон-стрит прошел невесело. Делать было нечего, все сидели мрачные. Если дамы и вынашивали мятежные планы, вслух ничего не говорилось. Обе девицы молчали, а когда отец обращался к ним, отвечали односложно. Леди Помона плохо себя чувствовала и, устроившись в уголке дивана, вытирала слезы. Ей пересказали разговор Долли с отцом. Долли не соглашался на продажу Пикеринга, если половину денег сразу не отдадут ему. На слова, что продажа затевается, чтобы освободить от долгов Кавершем, который со временем достанется ему, Долли ответил, что у него есть собственное имение, которое тоже немного заложено и больше нуждается в выкупе. По всему получалось, что Пикеринг продать невозможно, и в итоге мистер Лонгстафф твердо решил сократить в этом году лондонские расходы.

Дочери, уходя спать, как всегда, поцеловали его в голову, однако нежности в их поцелуях не было.

– Не забывайте: если у вас в городе остались дела, их надо сделать на этой неделе, – сказал отец.

Они слышали его слова, но удалились в горделивом молчании, не снизойдя до ответа.

Глава XIV. Усадьба Карбери

– Мне не кажется, что это очень хорошо, маменька, вот и все. Конечно, если ты твердо решила ехать, я должна ехать с тобой.

– Что может быть естественнее, чем поехать в гости к собственному кузену?

– Ты знаешь, о чем я, маменька.

– Я уже обо всем договорилась, душа моя, и, по-моему, ты говоришь глупости.

Разговор произошел после того, как леди Карбери объявила дочери свое намерение провести Троичную неделю в гостях у кузена Роджера. Генриетту очень огорчало, что ее везут в дом человека, который в нее влюблен, пусть даже он ей и кузен. Однако деваться было некуда. Она не могла остаться в городе одна, не могла даже высказать своего огорчения никому, кроме матери. Леди Карбери предусмотрительно написала письмо до того, как поговорить с дочерью.

Уэльбек-стрит

24 апреля 18...

Любезный Роджер!

Мы знаем, как Вы добры и как искренни, так что, если мое предложение Вам неудобно, Вы скажете об этом сразу. Я очень много трудилась – даже чересчур много – и сейчас мечтаю отдохнуть день-другой в деревне. Не могли бы Вы принять нас на часть Троичной недели? Если да, мы бы приехали двадцатого мая и остались до воскресенья. Феликс сказал, что тоже заглянул бы, хотя он не будет затруднять Вас так долго, как думаем пробывать мы.

Вы наверняка рады будете узнать, что его назначили в совет директоров Великой Американской железной дороги. Это открывает для него совершенно новую сферу жизни и даст ему возможность показать свои способности. Я считаю, это очень большое доверие – назначить на такое место столь молодого человека.

Конечно, Вы сразу скажете, если мое маленькое предложение нарушает Ваши планы, но Вы всегда были к нам очень-очень добры, поэтому обращаюсь к Вам без малейших колебаний.

Генриетта вместе со мной шлет Вам самый теплый привет.

Ваша любящая кузина

Матильда Карбери

Очень многое в этом письме не понравилось Роджеру Карбери. Прежде всего он считал, что Генриетту не должны привозить в его дом. Как ни любил он ее, как ни желал быть с ней рядом, он не хотел, чтобы она приезжала в Карбери иначе, чем с намерением стать будущей хозяйкой поместья. В одном Роджер был несправедлив к леди Карбери. Он знал, что она хочет их поженить, и думал, что Генриетту везут к нему с этой целью. Он еще не слышал о приезде в их края богатой невесты и посему не догадывался, на что нацелилась леди Карбери. Вдобавок его возмутила неоправданная гордость матери назначением ее сына на директорский пост. Роджер не верил в эту железную дорогу. Не верил в Фискера, в Мельмотта и уж тем более в совет директоров. Пол Монтегю поддался на уговоры Фискера вопреки его советам. Вся затея казалась Роджеру мошеннической и пагубной. Что это за компания, которая назначает в совет директоров лорда Альфреда Грендолла и сэра Феликса Карбери? А что до их великого председателя, разве не общеизвестно, что мистер Мельмотт, сколько бы герцогиня его ни посещала, – колоссальный аферист? У Роджера были причины обижаться, но он любил Пола Монтегю и не мог спокойно видеть имя друга в таком списке. И теперь от него ждали теплых поздравлений, потому что сэра Феликса включили в совет директоров! Он не знал, кого презирает больше: сэра Феликса за то, что он вошел в такой совет, или совет за такого директора. «Новая сфера жизни! – пробормотал он. – Ньюгейтская тюрьма – вот подходящая для них сфера!»

Было и еще одно затруднение. Как раз на эту неделю он пригласил Пола Монтегю, и тот обещал приехать. С постоянством, бывшим, возможно, главной его чертой, Роджер цеплялся за их дружбу. Он не мог смириться с мыслью о вечной ссоре, хотя знал – она неизбежна, если Пол разрушит самую дорогую его надежду. Он пригласил Пола, намереваясь не упоминать в разговорах имя Генриетты Карбери, – и теперь ее хотят привезти в то самое время, когда здесь будет Пол! Роджер сразу решил, что попросит младшего товарища не приезжать.

Он без промедления написал два письма. Первое, адресованное леди Карбери, было коротким. Он будет рад видеть ее и Генриетту в названные дни, а также Феликса, если тот сочтет возможным приехать. Про совет директоров и то, как молодой человек сможет проявить себя в новой жизненной сфере, не было сказано ни слова. Письмо Полу Монтегю было длиннее. «Всегда лучше быть честным и открытым, – написал Роджер. – С того времени, как вы любезно согласились приехать, леди Карбери выразила желание погостить у меня в те же самые дни и привезти дочь. После всего, что между нами произошло, вряд ли надо объяснять, что я не могу принять вас обоих одновременно. Мне неприятно просить, чтобы вы отложили визит, но, думаю, вы не обидитесь». Пол ответил, что ничуть не в обиде и останется в городе.

Суффолк не слишком живописное графство, и окрестности Карбери не назовешь величественными или прекрасными, однако в самой усадьбе и ее земле было свое тихое очарование. Река Карбери – она зовется рекой, хотя нет места, где подвижный школьник не мог бы ее перепрыгнуть, – неспешно течет в сторону Уэйвни, и по пути часть ее вод заимствуется рвом, который опоясывает усадьбу Карбери. Ров этот доставлял изрядные неприятности владельцам, особенно Роджеру, поскольку в наше время люди стали больше думать о санитарии, а значит, ров надо было либо чистить (или, по крайней мере, следить, чтобы он оставался проточным), либо засыпать. Последний план всерьез обсуждался уже лет десять, но потом решили, что такое переустройство совершенно изменит общий вид усадьбы, уничтожит сады и оставит вокруг дома широкую полосу грязи, на облагораживание которой уйдут годы. А потом разумный фермер, арендатор-старожил, задал важный вопрос: «Засыпать его? Легче сказать, чем сделать, сквайр. Это где ж столько земли взять?» Соответственно, сквайр отказался от этой мысли и вместо того, чтобы уничтожить ров, сделал его еще краше. Большая дорога из Бенгея в Беклс проходила близко от дома – так близко, что торцевая стена отстояла от нее только на ширину рва. Короткая частная дорога, не длиннее ста ярдов, вела через мост к парадной двери. Мост был старый, высокий, с архитектурными причудами и перегораживался в середине железными воротами, которые, впрочем, почти никогда не запирались. Между мостом и парадным входом еле-еле могла развернуться карета, а с обоих боков дом почти вплотную подходил к воде, так что площадка перед входом являла собой неправильный четырехугольник, ограниченный с одной стороны рвом и мостом. За домом располагался большой сад, отделенный от дороги десятифутовой стеной. Сад этот, славный невероятно древними тисами, рос частью внутри рва, но по большей части за ним. Здесь через ров были перекинуты два моста – один пешеходный, другой для экипажей; еще один мост, с дальней от дороги стороны дома, вел от черного входа к скотному двору и конюшням.

Сам дом построили во времена Карла II, когда то, что мы называем тюдоровским стилем, сменилось более дешевой, менее затейливой, хотя, возможно, более практичной архитектурой. Однако в округе усадьба Карбери считалась тюдоровским зданием. Окна были длинные и по большей части низкие, с мощными средниками и маленькими стеклышками – хозяин до сих пор не потратился на большие стекла. Эркер – часть библиотеки – выходил на гравийную площадку слева от парадной двери, если глядеть снаружи. Окна всех остальных главных комнат смотрели на сад. Дом, сложенный из камня, который от времени стал желтовато-коричневым, почти желтым, был очень красив. И он, и все прилегающие строения сохранили черепичную крышу. Был он двухэтажный, за исключением более высокого конца, где располагались кухни и служебные помещения. Комнаты, впрочем, были низкие, по большей части длинные

и узкие, с широкими каминами и толстыми панелями, так что в целом дом отличался скорее живописностью, нежели комфортом. Тем не менее владелец очень им гордился. О своей гордости он никому не говорил, более того, всячески ее скрывал, но все близкие друзья о ней знали. Дома соседских помещиков были куда приятнее для жизни, однако они не несли такого отпечатка исконной принадлежности этому месту. Бандлшем, где жили Примеро, самый роскошный в округе, выглядел так, будто его построили в последние двадцать лет. Его окружали новые кусты и новые лужайки, новые стены и новые хозяйственные флигеля, и от всего этого разило новыми деньгами, – по крайней мере, так считал Роджер Карбери, хотя вслух ничего не говорил. Кавершем воздвигли в начале царствования Георга III, когда думали об удобствах, а не о внешней красоте; решительно ничто его не рекомендовало, кроме внушительных размеров. Эрдли-Парк, поместье Хепуортов, мог и впрямь похвастаться парком. В Карбери парка не было, сразу за садом начинались выгулы. Однако сама усадьба Эрдли была безобразная и плохо построенная. Епископ жил в превосходном джентльменском доме, относительно новом и без всяких примечательных черт. Усадьба Карбери обладала самобытной неповторимостью и, на взгляд владельца, была прекрасна.

Владельца этого часто тревожила мысль, что станет с поместьем после его смерти. Ему лишь недавно исполнилось сорок, и, возможно, во всем графстве не было человека здоровее. Знавшие его с детства, особенно окрестные фермеры, по-прежнему считали Роджера молодым человеком и на сельских ярмарках говорили о нем как о молодом сквайре. В хорошем настроении он мог быть почти мальчишкой и до сих пор хранил старомодное мальчишеское почтение к старшим. В последнее время на сердце ему легла печаль, которая в наши дни, возможно, редко угнетает людей так же сильно, как в прошлом. Он сделал предложение кухне – которую полюбил всей душой, – и она ему отказала. Причем отказала не единожды, и в глубине души Роджер верил ее словам, что она не сможет его полюбить. Он вообще верил людям, особенно если это было что-то для него плохое, и не обладал сомнением, заставляющим других думать, что они могут завоевать девушку вопреки ее нынешним чувствам. Однако, если Генриетта за него не выйдет, он никогда не женится – так говорил себе Роджер. Значит, ему надо присматривать наследника и считать себя не более чем временным хранителем Карбери. Какое счастье – улучшать поместье с мыслью, что оно достанется твоему сыну! Об этой радости ему придется забыть.

Сейчас ближайшим наследником был сэр Феликс, хотя Карбери не было майоратом и ничто не мешало Роджеру завещать его кому угодно. В каком-то смысле естественный переход имения к сэру Феликсу мог бы считаться удачным. Так случилось, что титул достался младшей ветви, и при таком наследовании родовой титул объединился бы с родовой собственностью. Без сомнения, сэр Феликс считал подобное решение вопроса самым что ни на есть правильным. Леди Карбери тоже считала бы так, если бы не надеялась увидеть хозяйкой имения свою дочь. Нынешний владелец смотрел на дело совершенно иначе. Мало того что он плохо думал о самом баронете – настолько плохо, что не ждал от него ничего хорошего; он еще плохо думал о самом баронетстве. Сэр Патрик, по его мнению, не должен был принимать титул, не имея состояния. Баронет, на взгляд Роджера, должен быть богат, дабы стать украшением своего титула. Согласно доктрине, которую исповедовал Роджер, титул не делает человека джентльменом, но может унижить того, кто без титула был бы джентльменом. Джентльмен по рождению и воспитанию, признаваемый всеми таковым, не станет более джентльменом, даже получи он все титулы, какие может дать королева. В силу этих старомодных воззрений Роджер ненавидел титул младшей ветви семейства. Он, безусловно, не хотел оставлять свои земли для поддержания титула, которым сэр Феликс, к несчастью, обладал. Однако сэр Феликс был естественным наследником, а Роджер полагал, что обязан, как бы по некоему божественному закону, передать имение наследственным чередом. Хотя ничто его не ограничивало, он видел себя не более чем владельцем пожизненных прав. Его долг – проследить, чтобы имение переходило

от одних Карбери к другим, пока существуют носители этой фамилии, и, главное, чтобы по его смерти оно перешло к следующему Карбери в целости и сохранности. У него не было причин умереть в ближайшие двадцать-тридцать лет, но, если это произойдет, сэр Феликс, без сомнения, расточит родовые акры и Карбери придет конец. Что ж, в таком случае он, Роджер Карбери, по крайней мере выполнит свой долг. Лучше, если имение расточит Карбери, чем если оно останется целым в чужих руках. Он будет держаться старого рода, пока в этом роду остается хоть один человек. С этими мыслями Роджер уже составил завещание, отписав все человеку, которого презирал больше всего на свете, в случае если сам умрет бездетным.

В середине того дня, когда ожидалась леди Карбери, он бродил по имению, думая об этом всем. Насколько же лучше было бы иметь собственного наследника! Согласись кузина стать его женой, как бы все стало хорошо, каким бесконечно тоскливым будет мир, если надежды не сбудутся! При этом Роджер думал и о благополучии Гетты. На самом деле он не любил леди Карбери, видел ее насквозь с почти абсолютной точностью. Она способна на истинные чувства, хочет благ не себе, а другим, однако верит, что добра можно добиться дурными средствами, что ложь и притворство в некоторых случаях лучше правды, что прочный дом можно построить на песке! Как прискорбно, что девушка, которую он любит, воспитана в такой атмосфере фальши, что ей внушались такие мысли. Не замарается ли она в конце концов, постоянно прикасаясь к смоле? В самой глубине души Роджер был уверен, что Генриетта любит Пола Монтегю, а от самого Пола он начал бояться дурного. Кем надо быть, чтобы занять место в липовом совете директоров вместе с лордом Альфредом Грендоллом и сэром Феликсом Карбери, под безраздельной властью мистера Огастеса Мельмотта? Что ждет Генриетту Карбери, если она выйдет за человека, который стремится разбогатеть без труда и без капитала и может сегодня быть богачом, а завтра нищим, беспринципного дельца, гнуснейшего и бесчестнейшего из людей? Роджер старался хорошо думать о Поле Монтегю, но опасался, что именно такую жизнь тот себе готовит.

Затем он вернулся в дом и зашел в комнаты, приготовленные для леди Карбери и ее дочери. Как хозяин, у которого нет жены, сестры или матери, он должен был сам озаботиться их удобствами, но сомневался, что предусмотрел все так же хорошо, как сделала бы его матушка. В меньшей комнате занавески были белые, а сама она благоухала майскими цветами; Роджер срезал в теплице белую розу и поставил в стакане на туалетный стол. Уж конечно, Генриетта догадается, кто принес цветок.

Потом он встал у открытого окна и с полчасца невидящим взглядом смотрел на лужайку, пока не услышал, что к парадной двери подъехал экипаж. За эти полчасца он решил, что сделает еще одну попытку, как будто прежде ничего сказано не было.

Глава XV. «Не забывайте, что я его мать»

– Вы так добры, – сказала леди Карбери, выходя из экипажа и стискивая Роджеру руку.
– Напротив, это я должен благодарить вас за доброту, – ответил Роджер.
– Я так переживала, прежде чем осмелилась вам написать. Но я очень давно не была в деревне, и я так люблю Карбери. И... и...

– Куда членам семьи Карбери сбежать от лондонского смога, если не в старый дом? Я боюсь, Генриетте здесь будет скучно.

– О нет, – с улыбкой отвечала Гетта. – Вы должны помнить, что я никогда не скушаю в деревне.

– Завтра у меня обедают епископ и миссис Йелд. И Хепуорты.

– Я буду счастлива вновь увидеть епископа, – сказала леди Карбери.

– Думаю, его все бывают счастливы увидеть, он такой замечательный и добрый человек, и его жена тоже. И еще придет один джентльмен, с которым вы не знакомы.

– Новый сосед?

– Да. Отец Джон Бархем, новый католический священник Беклса. У него домик примерно в миле отсюда, в его приходе, который включает и Беклс, и Бенгей. Я был когда-то знаком с его семейством.

– Так он джентльмен?

– Безусловно джентльмен. Он учился в Оксфорде, а затем стал тем, кого мы называем ренегатом, а они, если не ошибаюсь, обращенным. У него нет и шиллинга сверх того, что он получает как священник, а это не многим больше платы поденного работника. Третьего дня он сказал мне, что вынужден покупать подержанную одежду.

– Какой ужас! – Леди Карбери даже всплеснула руками.

– Он рассказывал об этом без всякого ужаса. Мы с ним довольно близко сдружились.

– Епископ не против с ним встретиться?

– Почему епископ должен быть против? Я рассказал епископу про отца Бархема, и епископ выразил желание с ним познакомиться. Он епископа не укусит. Но вам с Геттой будет очень скучно.

– Мне не будет скучно, мистер Карбери, – ответила Генриетта.

– Ах, мы нарочно уехали сюда, чтобы сбежать от бесконечных приемов, – сказала леди Карбери.

Тем не менее ее чрезвычайно занимало, кто из гостей ожидается в усадьбе. Сэр Феликс обещал приехать в субботу и пробыть до понедельника. Леди Карбери надеялась, что удастся устроить обмен визитами между Карбери и Кавершемом, дабы ее сын сполна использовал все преимущества соседства с Мари Мельмонтт.

– Я пригласил Лонгстаффов на понедельник, – сказал Роджер.

– Они здесь?

– Кажется, вчера приехали. Обычно их приезды и отъезды сопровождаются пертурбациями в воздухе и общим волнением по всей округе, и я вроде бы наблюдал эти приметы около четырех. Полагаю, они откажутся.

– Почему?

– Они никогда не приезжают. У них, вероятно, полон дом гостей, и они знают, что я не могу принять целую толпу. Не сомневаюсь, что они пригласят нас во вторник или среду. Если вы захотите, мы поедем.

– Я знаю, что у них будут гости, – сказала леди Карбери.

– Кто именно?

– Они ждут Мельмоттов. – Как ни хотела леди Карбери сообщить эту новость самым равнодушным тоном, голос ее подвел.

– Мельмотты приедут в Кавершем! – воскликнул Роджер, глядя на Генриетту.

Та покраснела от стыда, зная, что ее привезли сюда ради того, чтобы брат увиделся с Мари Мельмотт.

– О да, мадам Мельмотт мне сказала. Насколько я поняла, они очень близки.

– Мистер Лонгстафф пригласил Мельмоттов в Кавершем!

– А что тут такого?

– Я бы скорее поверил, что меня уговорят пригласить их сюда.

– Думаю, мистер Лонгстафф нуждается в небольшой денежной помощи.

– И готов добиваться ее таким способом! Полагаю, скоро не будет разницы, с кем знаться, а с кем нет. Конечно, все меняется и никогда не станет прежним. Возможно, это к лучшему, не стану спорить. Однако такой человек, как мистер Лонгстафф, мог бы все же оградить гостиную своей жены от таких, как мистер Мельмотт.

Генриетта покраснела еще сильнее. Даже леди Карбери вспыхнула, вспомнив, что возила дочь на бал мадам Мельмотт, и Роджеру это известно.

Роджер, не успев договорить, сам про это вспомнил и постарался отчасти сгладить неловкость.

– Как вы знаете, я не одобряю их в Лондоне, но думаю, в деревне это несравненно хуже.

Затем дам проводили в комнаты, а Роджер вышел в сад. Он наконец-то все понял. Леди Карбери приехала сюда не ради него, а ради Мельмоттов. С этим ему трудно было смириться. Он считал, что Генриетту не следовало привозить в его дом, но мог это извинить, поскольку был счастлив ее увидеть. Он думал, что мать привезла ее с целью выдать за него, и, не одобряя такой маневр, мог эгоистично его простить, ибо здесь их желания совпадали. Теперь он видел, что и его самого, и его дом просто используют ради гадкого плана поженить двух гадких людей!

Пока он предавался этим мыслям, в сад вышла леди Карбери. Она переменяла дорожное платье и прихорошилась со всем своим умением, а теперь и украсила лицо самыми обворожительными улыбками. Она тоже думала о Мельмоттах и хотела объяснить непреклонному родственнику, каким благом для всех станет этот брак.

– Я понимаю, Роджер, что вам неприятны эти люди, – сказала она, беря его под руку.

– Какие?

– Мельмотты.

– Я не могу сказать, что они мне неприятны. Как я могу испытывать неприязнь к тем, кого никогда не видел? Однако мне неприятны те, кто ищет их общества ради их денег.

– То есть я.

– Нет, не вы. Я вас хорошо знаю, и вы не можете быть мне неприятны, хотя мне неприятно, что вы гоняетесь за такими людьми. Тогда я думал про Лонгстаффов.

– Думаете ли вы, друг мой, что я бегаю за ними ради собственного удовольствия? Что я посещаю их дом, потому что мне нравится их великолепие, или что я последовала за ними сюда в надежде что-то сама от них получить?

– Мне кажется, лучше вообще за ними не следовать.

– Если вы скажете, я уеду, но позвольте прежде объясниться. Вы знаете положение моего сына – лучше, боюсь, чем он сам.

Роджер кивнул, но промолчал.

– Что ему делать? Единственная для него надежда – жениться на богатой девушке. Он хорош собой – этого вы отрицать не станете.

– Природа щедро его одарила.

– Мы должны принимать его таким, каков он есть. Он поступил на военную службу очень молодым и свое небольшое состояние унаследовал в очень юные годы. Да, он повел себя не

слишком хорошо, но многие ли молодые люди устоят перед такими искушениями? Теперь у него ничего нет.

– Боюсь, что да.

– Вы не согласны, что теперь ему необходимо жениться на богатой девушке?

– Я называю это украсть ее деньги, леди Карбери.

– Ох, Роджер, как вы суровы.

– Человек должен быть либо суровым, либо мягкотелым – что лучше?

– В женщине я предпочла бы мягкость. Я прошу вас понять насчет Мельмоттов. Девушка не выйдет за Феликса, если не любит его.

– А любит ли он ее?

– Почему нет? Разве богатая девушка должна забыть о любви? Разумеется, она хочет выйти замуж, так почему не за сэра Феликса, если он нравится ей больше других? Неужели вы не сочувствуете моему желанию устроить его жизнь так, чтобы он не позорил свою фамилию и свое семейство?

– Давайте не будем о семействе, леди Карбери.

– Но я столько о нем думаю!

– Вы не убедите меня, что семейству будет на пользу брак с дочерью мистера Мельмотта. На мой взгляд, он – грязь в канаве. Для меня, при моей старомодности, все его деньги, если они и вправду есть, ничего не меняют. Когда люди женятся, они должны что-то друг о друге знать. Кто знает о нем хоть что-нибудь? Кто может быть уверен, что она его дочь?

– Когда она выйдет замуж, он даст за ней ее состояние.

– Да. Все сводится к этому. Люди открыто говорят, что он аферист и мошенник. Никто не делает вид, будто считает его джентльменом. Все согласны, что он нажил богатство не честной коммерцией, а неведомыми фокусами – как шулер. Такого человека, за собственные его заслуги, мы не пустили бы даже в кухню, не то что в гостиную. Но поскольку он овладел искусством добывать деньги, мы не только миримся с ним, но и слетаемся на его труп, как коршуны.

– Вы хотите сказать, что Феликс не должен на ней жениться, даже если они друг друга любят?

Роджер брезгливо помотал головой, уверенный, что всякие слова о любви – не только со стороны молодого человека, но и со стороны его матери – гнусное притворство. Он не мог произнести такого вслух, но хотел показать леди Карбери, что думает.

– Мне больше нечего сказать, – продолжал он. – Случись это в Лондоне, я бы промолчал. Это не мое дело. Когда мне говорят, что девушка гостит по соседству, в Кавершеме, а Феликс приезжает, чтобы оказаться ближе к своей жертве, когда меня просят стать соучастником, я могу лишь высказать, что думаю. Мой дом открыт для вашего сына, поскольку он ваш сын и мой кузен, как ни мало нравится мне его образ жизни, однако я предпочел бы, чтобы он избрал для такой работы иное место.

– Если хотите, Роджер, мы можем вернуться в Лондон. Мне будет трудно объяснить это Гетте, но мы уедем.

– Нет, я, безусловно, этого не хочу.

– Но вы наговорили таких жестоких слов! Как мы можем остаться? Вы говорите о Феликсе так, будто в нем есть только дурное.

Она смотрела на Роджера, словно ожидая возражений, опровержений, хоть какого-нибудь ласкового слова, но именно так он думал и оттого молчал. Леди Карбери не была раненой. Она снесла бы упрек, даже высказанный вслух. Ей было не привыкать к грубому обращению. Если бы Роджер осудил ее или Генриетту, она стерпела бы ради будущей пользы – простила бы, возможно, даже легче, будь упрек незаслуженным. Однако за сына леди Карбери готова была стоять насмерть. Кто его защитит, если не она?

– Мне очень жаль, Роджер, что мы побеспокоили вас своим визитом, но, думаю, нам лучше уехать. Вы очень резки, и меня это убивает.

– Я не хотел сказать ничего резкого.

– Вы сказали, что Феликс охотится на свою... жертву и что он приедет с целью быть ближе... к жертве. Что может быть более резким? И в любом случае не забывайте, что я его мать.

Она очень хорошо показала, что оскорблена. Роджер тут же устыдился своих слов, но не знал, как взять их обратно.

– Если я вас задел, то очень об этом сожалею.

– Разумеется, вы меня задели. Пожалуй, мне лучше уйти в дом. Как жесток мир! Я ехала сюда, думая о покое и солнце, и тут на меня сразу налетел шторм.

– Вы спросили меня про Мельмоттов, и я вынужден был ответить. У вас нет оснований думать, будто я хотел вас обидеть.

Они в молчании дошли до двери, ведущей из сада в дом, и здесь Роджер остановил леди Карбери.

– Если я был чересчур горяч в разговоре, прошу меня извинить.

Леди Карбери улыбнулась и поклонилась, однако не так, как если бы приняла извинения. Она сделала шаг к двери.

– Пожалуйста, не думайте об отъезде, леди Карбери.

– Думаю, мне лучше уйти к себе в комнату. Голова болит так, что я чуть не падаю с ног.

Было часов шесть. По обычному распорядку Роджер сейчас обошел бы службы и поговорил со своими людьми, когда те возвращаются с работы. Сейчас он на несколько мгновений задержался там, где леди Карбери его оставила, затем медленно прошел через лужайку к мосту и сел на парапет. Неужели она правда намерена в гневе уехать из его дома и забрать дочь? Неужели он так расстанется с единственной, кого любит? Роджер очень серьезно относился к долгу гостеприимства, считая, что человек в своем доме обязан быть к гостям мягче и предупредительнее, чем это требуется в других местах. И уж тем более здесь, в Карбери, ему следовало быть учтивым с родственниками. Он хранитель фамильного гнезда и обязан заботиться о других. Но если есть среди других та, для кого дом должен стать убежищем от забот, а не обителью тревог, ради кого он, если бы умел, сделал бы воздух еще нежнее, а цветы еще ароматнее, кому он хотел бы сказать, что здесь она всему хозяйка, даже если не снизойдет до любви к нему, то это его кузина Гетта. А теперь гостя сказала ему, что из-за его грубости они с дочерью вынуждены уехать в Лондон!

Роджер не находил себе извинений. Он действительно был груб. Он произнес очень суровые слова. Да, он не мог высказать свой взгляд без суровых слов, как не мог смолчать, не кривя душой. Однако в нынешнем состоянии духа он не мог утешиться самооправданием. Она напомнила, что Феликс ее сын, напомнила со всей страстью оскорбленной матери. Роджер знал, что эта женщина насквозь лжива, а ее сын – конченный негодяй, но по мягкости сердца винил только себя и ни в чем не видел утешения. Просидев с полчаса на мосту, он пошел к дому переодеться к обеду – и приготовиться к извинениям, если их примут. У двери, словно поджидая его, стояла Гетта. На груди у нее была приколотая роза, которую Роджер оставил в ее комнате, и, подходя, он подумал, что никогда еще кузина не смотрела на него с такой лаской.

– Мистер Карбери, – сказала она, – маменька так несчастна!

– Боюсь, я ее обидел.

– Дело не в этом, а в том, что вы так... так жестоки к Феликсу.

– Я досадую на себя, что огорчил ее, – не могу выразить, как сильно досадую.

– Она знает, какой вы хороший.

– Нет, это неправда. Сейчас я вел себя очень дурно. Она оскорбилась и сказала, что уедет вместе с вами в Лондон.

Он помолчал, давая ей время ответить, но у Гетты сейчас не было слов.

– Я не прошу себе, если вы и она в негодовании покинете мой дом.

– Не думаю, что она так поступит.

– А вы?

– Я не сержусь. Я не посмела бы на вас сердиться. Мне только хотелось бы, чтобы Феликс был лучше. Говорят, что молодые люди должны быть плохими, а с возрастом они исправляются. Он теперь кто-то в Сити, его называют директором, и маменька считает, работа будет ему на пользу.

Роджер не мог поддержать эту надежду или хотя бы взглядом выразить одобрение директорской должности.

– Я не вижу причин, почему бы ему по крайней мере не попытаться, – продолжала Генриетта.

– Милая Гетта, если бы только он был таким, как вы.

– Девушки другие, вы же знаете.

Только поздно вечером, уже сильно после обеда, Роджер принес извинения леди Карбери; однако он их принес, и она их наконец приняла.

– Думаю, я был с вами груб, когда говорил о Феликсе, – сказал он, – и прошу за это прощения.

– Вы просто погорячились, вот и все.

– Джентльмен не должен быть груб с дамой, мужчина не должен быть груб со своими гостями. Надеюсь, вы меня простите.

Вместо ответа она протянула ему руку и улыбнулась; на этом ссора закончилась.

Леди Карбери сознавала все величие своего триумфа и сполна им воспользовалась. Феликс может приехать в Карбери, ходить отсюда в Кавершем, ухаживать там за Мари Мельмотт, а хозяин Карбери не скажет больше ни слова. И Феликс, когда приедет, не услышит ничего для себя неприятного. Из-за прежних грубых слов Роджеру придется теперь быть любезным. Роджер тоже это понимал и, хотя был мягок и предупредителен, стараясь всячески угодить гостям, чувствовал, что у него отняли законное право осуждать любые связи с Мельмоттами. В тот же вечер пришла записка – вернее, кипа записок – из Кавершема. Та, что была адресована Роджеру, оказалась довольно длинной. Леди Помона сожалеет, но Лонгстаффы будут лишены радости отобедать в Карбери, поскольку у них полный дом гостей. Леди Помона надеется, что мистер Карбери и его родственники, которые, насколько она поняла, у него гостят, окажут Лонгстаффам честь отобедать в Кавершеме в следующий понедельник или вторник, как им будет удобнее. Леди Карбери и ее дочь получили приглашительные карточки; была карточка и для сэра Феликса.

Роджер, читая письмо леди Помоны, протянул остальные записки леди Карбери, а затем спросил, каковы будут ее пожелания. В голосе его, когда он задал этот вопрос, слышалось что-то от прежней резкости. Однако леди Карбери знала, как использовать свой триумф.

– Я хотела бы поехать, – сказала она.

– Я, безусловно, не поеду, – ответил Роджер, – но отправить вас не составит труда. Вам надо ответить сразу, потому что слуга ждет.

– Понедельник удобнее всего, – сказала она, – то есть если никто не ожидается здесь.

– Здесь никого не будет.

– Полагаю, мне лучше ответить, что я, Гетта... и Феликс принимаем приглашение.

– Я ничего советовать не могу, – сказал Роджер, думая, как было бы хорошо, останься Генриетта с ним, и как будет неприятно, если ее повезут встречаться с Мельмоттами.

Бедная Гетта молчала. Она, безусловно, не хотела встречаться с Мельмоттами, но и обещать наедине с кузеном Роджером хотела не больше.

– Так будет лучше всего, – проговорила леди Карбери после мгновенного раздумья. – Очень любезно с вашей стороны, что вы нас отпускаете и обещаете дать нам коляску.

– Разумеется, здесь вы можете делать все, что вам угодно, – ответил Роджер, и все равно в его голосе слышалась резкость, которой леди Карбери боялась.

Через четверть часа кавершемский слуга ушел с двумя письмами. В первом Роджер сожалел, что не может принять приглашение леди Помоны, в другом леди Карбери сообщала, что она, ее сын и дочь будут иметь удовольствие отобедать в Кавершеме в понедельник.

Глава XVI. Епископ и католический священник

День, когда леди Карбери приехала в дом своего кузена, выдался штормовым. Роджер Карбери повел себя очень сурово, и леди Карбери страдала – во всяком случае, так хорошо изображала страдание, что Роджер поверил, будто причинил ей боль. Она согласилась не уезжать в Лондон, но осталась с сильнейшей мигренью. Леди Карбери полностью добила своего, однако лишь ценой шторма. На следующее утро наступило затишье. Вопрос о встрече с Мельмоттами решился, так что говорить о них было незачем. Роджер сразу после завтрака ушел на ферму, сказав дамам, что они могут, если хотят, взять коляску. «Боюсь, кататься по нашим дорогам довольно утомительно», – добавил он. Леди Карбери ответила, что останется наедине с книгами, а с ними она никогда не скучает. Перед уходом Роджер заглянул в сад, сорвал розу и отнес Генриетте. Он лишь улыбнулся, протягивая ей цветок, и сразу ушел, поскольку решил отложить важный разговор до понедельника. Если на сей раз Генриетта примет его предложение, он попросит ее не ехать с братом и матерью в Кавершем. Принимая розу, Генриетта шепотом поблагодарила Роджера, глядя ему в лицо. Она восхищалась правдивой и цельной натурой кузена и горячо любила бы его по-родственному, не желай он другой любви! В душе Генриетта начинала принимать сторону Роджера против матери и брата. Она чувствовала, что лучше вожакого ей не найти. Если б только он не был в нее влюблен, как охотно она вручила бы себя его руководству!

– Боюсь, душа моя, нам предстоят невеселые дни, – сказала леди Карбери.

– Почему, маменька?

– Здесь будет очень скучно. Твой кузен – замечательный друг и лучший муж, какого можно сыскать в Англии, но в нынешнем настроении он не слишком-то гостеприимен. Вспомни, как он говорил о Мельмоттах.

– Не думаю, маменька, что мистер и миссис Мельмотт – приятные люди.

– Чем они хуже других? Пожалуйста, Генриетта, избавь меня от этих глупостей. От бедного Роджера с его сверхчеловеческой добродетелью такое еще можно снести, но тебе незачем за ним повторять.

– Маменька, мне обидно это слышать.

– А мне обидно, когда ты позволяешь себе дурно говорить о людях, которые могут и готовы поставить бедного Феликса на ноги. Одно твое слово способно погубить все наши старания.

– Какое слово?

– Да любое! Если у тебя есть хоть какое-нибудь влияние на брата, убеди его поспешить. Я уверена, что девушка хочет этого брака. Она сказала Феликсу пойти к ее отцу.

– Так почему он не пошел к мистеру Мельмотту?

– Думаю, робеет из-за денег. Если бы только Роджер объявил, что Феликс – его наследник и со временем станет сэром Феликсом Карбери из Карбери, полагаю, даже старого Мельмотта это бы убедило.

– Как он может такое объявить?

– Если твой кузен умрет неженатым, так и будет. Все отойдет твоему брату.

– Ты не должна о таком думать, маменька.

– Как ты смеешь указывать, что мне думать? Я что, не должна заботиться о своем сыне? Разве он не дороже мне всех на свете? И все действительно так, как я говорю. Если завтра Роджер умрет, твой брат станет сэром Феликсом Карбери из Карбери.

– Но, маменька, Роджер будет жить и заведет семью. Почему нет?

– Ты сказала, он такой старый, что тебе на него глядеть не хочется.

– Я никогда такого не говорила. Когда мы шутили, я сказала, что он старый. Ты же знаешь, я не имела в виду, что ему поздно жениться. Люди куда старше женятся каждый день.

– Если ты за него не выйдешь, он никогда не женится. Такой уж он человек – настолько упрямый и старомодный, что его не переделать. Он будет киснуть, пока не превратится в старого мизантропа. Если бы ты за него вышла, я была бы совершенно спокойна. Ты такой же мой ребенок, как и Феликс. Но раз ты упрямишься, лучше, чтобы Мельмотты поняли – титул и поместье объединятся. Именно так и будет, отчего же не помочь Феликсу сейчас?

– Кто должен им это сказать?

– Ах... в том-то и затруднение. Роджер так пристрастен и вспыльчив, что с ним невозможно что-нибудь обсуждать спокойно.

– Ах, маменька, ты же не скажешь ему, что поместье... должно отойти Феликсу... после его смерти!

– Это не убьет его и на день раньше.

– Маменька, ты не можешь так поступить.

– Ради моих детей я могу все. Не делай такого лица, Генриетта. Я не скажу ему ничего подобного. Ему не хватит ума понять, какую пользу он может принести нам всем безо всякого ущерба для себя.

Генриетта могла бы возразить, что Роджеру хватит ума понять что угодно, но честность не позволяла ей принять участие в подобном замысле, и она промолчала. Ей начало приоткрываться то хитросплетение маневров, которое выстраивала в голове мать, и, несмотря на неприязнь, почти отвращение к подобному ходу мыслей, она считала своим долгом воздерживаться от упреков.

Во второй половине дня леди Карбери, одна, съездила в Беклс телеграфировать сыну: «Ты обедаешь в Кавершеме в понедельник. Если сможешь, приезжай в субботу. Она здесь». Леди Карбери долго колебалась, как составить телеграмму. Девушка на почте наверняка поймет, кто такая «она», угадает замысел и разболтает о нем приятельницам. Однако Феликс должен знать, какая великолепная возможность перед ним открывается. Он обещал приехать в субботу и уехать в понедельник; если его не предупредить, он, вероятно, не захочет менять планы и пропустит обед у Лонгстаффов. Опять-таки, если он приедет только на понедельник, то упустит случай поухаживать за мисс Мельмотт в субботу. Леди Карбери желала, чтобы Феликс пробыл тут как можно дольше, а для этого он должен знать, что наследница уже приехала. Затем леди Карбери вернулась и час или два просидела у себя в комнате над статьей для «Утреннего завтрака» – уж в чем ее нельзя было упрекнуть, так это в безделье. Позже, гуляя по саду, она прокручивала в голове замысел новой книги. Что бы ни случилось, она будет бороться. Если семейство Карбери постигнут неудачи, то не по ее вине.

Генриетта весь день провела в одиночестве. Она не видела кузена с завтрака до того времени, когда он вышел в гостиную перед обедом, но думала о нем каждую минуту – какой Роджер хороший, какой честный, насколько он вправе рассчитывать хотя бы на ее доброту. Маменька говорила так, будто он уже умер и похоронен – и все из-за любви к ней. Неужели Роджер и вправду настолько постоянен, что не женится, если она ему откажет? Генриетта думала о нем с нежностью, какой не испытывала раньше, и все же это не было любовью. Возможно, ее долг – выйти за Роджера без любви, потому что он такой хороший, но она была уверена, что не любит его.

Вечером пришли епископ, его жена миссис Йелд, Хепуорты из Эрдли и отец Джон Бархем, католический священник Беклса. Таким образом, за столом собрались восемь человек – наилучшее число для обеда в смешанном обществе, особенно если в доме нет хозяйки, чей долг – сидеть напротив хозяина. В данном случае мистер Хепуорт сидел напротив Роджера, епископ и священник – друг напротив друга, а дамы – по четырем углам. Роджер, хотя никому о таком не говорил, много об этом думал, считая обязанностью хозяина всячески заботиться

о приглашенных. В гостиной он был особенно любезен с молодым священником и представил его сперва епископу с женой, затем родственницам. Генриетта, наблюдавшая за Роджером весь вечер, думала, что он истинное зеркало учтивости. Все это она, конечно, видела и раньше, но никогда не приглядывалась к Роджеру, как сейчас, после слов матери, что он умрет бездетным холостяком, если она не станет его женой и матерью его детей.

В свои шестьдесят епископ отличался завидным здоровьем и приятной наружностью, которую ничуть не портили проседь в волосах и намечающийся второй подбородок. У него были ясные серые глаза и ласковая улыбка. При росте почти шесть футов он обладал широкой грудью, большими руками и ногами, будто созданными для клерикальных бриджей и чулок. Помимо епископских доходов, он располагал собственным состоянием и, поскольку не ездил в Лондон и не имел детей, на которых надо тратить, мог жить в деревне, как вельможа. Он и жил, как вельможа, и пользовался общей любовью. Бедные его боготворили, епархиальное духовенство считало образцовым епископом, за исключением представителей очень Высокой и очень Низкой церкви. Они (вернее, те из них, для кого обрядовость либо священное установление, либо греховный соблазн) числили его угодником властей, поскольку он не вставал ни под то ни под другое знамя. Он был бескорыстен, любил ближнего как самого себя, прощал должников, от всего сердца благодарил Бога за насущный хлеб и горячо молил не ввести его во искушение. Однако я сомневаюсь, что он мог бы учить основаниям веры – или хотя бы исповедовал ее в том смысле, в каком для исповедания веры необходимо осознанное кредо. Был ли он свободен от внутренних сомнений, кто скажет? Если они его и тревожили, он ни разу не шепнул о них даже собственной жене. По голосу и по лицу вы бы сказали, что ему неведомы муки, которые доставляли бы такие сомнения человеку на его месте. И все же люди замечали, что епископ никогда не говорит о своей вере и не вступает в споры, в которых требовалось бы ее обосновать. Он усердно наставлял паству – читал моральные проповеди, короткие, емкие и доходчивые. Он без устали пекся о благосостоянии своих священников; его дом всегда был открыт и для них, и для их жен. Он помнил о каждом церковном здании в епархии, много делал для школ и всячески старался улучшить жизнь бедняков, однако никто не слышал от него, что, согласно его вере, человеческую душу ждет вечная жизнь или вечная смерть. Быть может, не было в Англии епископа более полезного или более любимого в своей епархии.

Невозможно вообразить большей противоположности епископу, чем отец Джон Бархем, недавно назначенный католический священник Беклса; и все же оба были, по сути, хорошие люди. Отец Джон был ниже пяти футов девяти дюймов, но настолько тощий, что, когда не горбился, казался высоким. Густые темно-каштановые волосы он стриг коротко, по обычаю своей церкви, но постоянно ерошил, так что они казались непослушными и всклокоченными. В молодости, когда длинные локоны падали ему на лоб, он приобрел привычку в пылу разговора отбрасывать их пальцем, да так от нее и не избавился. Увлеченный спором, он постоянно откидывал волосы назад, а затем сидел, держась за макушку. У него был высокий и широкий лоб, огромные голубые глаза, длинный тонкий нос, запавшие щеки, красивый большой рот и мужественный квадратный подбородок. Жил он исключительно на то, что давало ему место священника, а этого не хватало даже на еду и одежду, но отца Джона Бархема это совершенно не заботило. Он был младшим сыном небогатого сельского джентльмена, в Оксфорде учился, чтобы занять семейный приход, и накануне рукоположения объявил себя католиком. Родные очень горевали, но не рассорились с ним, пока он не обратил одну из сестер. Когда его выгнали из дому, он попытался обратиться других сестер письмами, и отец начисто вычеркнул его из своего сердца и перестал ему помогать. Молодой священник никогда не жаловался; пострадать за веру было частью его жизненного плана. Если бы он мог сменить религию, не претерпевая гонений и нищеты, это в каком-то смысле обесценило бы его обращение. Он считал, что отец, как протестант – а в его глазах протестанты были все равно что язычники, – имел полное

право с ним разорвать. Однако он любил отца и бесконечно молился своим святым, донимая их просьбами, чтобы отец увидел истину и тоже стал католиком.

Он считал, что главное – вера и послушание, что человек должен отречься от собственного разума и во всем повиноваться церкви. Вера – вот единственное, что нужно; нравственное поведение служит лишь ее свидетельством, не имея собственной ценности; если веры довольно для послушания, то нравственное поведение приложится само собой. Католические догматы были для отца Бархема истинной религией, и он готов был проповедовать их во время и не во время, доказывать их истину, никого не страшась и не боясь даже враждебности, которую может вызвать его упорство. Долг для него состоял в одном – по мере сил вести мир к своей вере. Возможно, трудами всей жизни он обратит лишь одного, обратит одного лишь наполовину, просто заронит у этого одного мысли, которые в будущем помогут тому обратиться. Даже это будет достойным делом. Он хотел бы посеять семя, но, коли этого ему не дано, по крайней мере взрыхлит землю.

В Беклс отец Бархем приехал недавно, и Роджер Карбери обнаружил, что он джентльмен по рождению и воспитанию. Еще Роджер выяснил, что он очень беден, и, соответственно, взял его под крыло. Молодой священник без колебаний принял соседское гостеприимство и как-то со смехом сказал, что будет счастлив отобедать в Карбери, поскольку дома у него есть нечего. Он принимал подарки с огорода и птичьего двора, говоря, что бедность не позволяет ему ни от чего отказываться. Такая искренность очень расположила к нему Роджера, и расположение это почти не пострадало, когда однажды зимним вечером в Карбери отец Бархем попытался обратиться к хозяину. «Я чрезвычайно уважаю вашу религию, – ответил Роджер, – но мне она не подходит». Священник продолжал, исходя из своей логики: если не посадить семя, то хотя бы взрыхлить землю. Такое повторилось два или три раза, и Роджеру это начало немного досажать. Однако пыл молодого священника внушал невольное уважение. И Роджер был совершенно уверен, что эти разговоры не доставят ему иного вреда, кроме скуки. Потом ему как-то подумалось, что он знает епископа Элмхемского больше десяти лет и ни разу не слышал от того – кроме как с кафедры – никакого религиозного поучения, а этот человек, едва ему знакомый и отделенный от него самым фактом своей конфессии, постоянно говорит с ним о своей вере. Роджер Карбери был не склонен к глубоким раздумьям, но чувствовал, что манера епископа ему приятнее.

Леди Карбери была за обедом само очарование. Никто, глядя на нее и разговаривая с ней, не догадался бы, что ее гнетут многочисленные заботы. Она сидела между епископом и кузеном и умело беседовала с каждым, не обходя вниманием другого. Она была уже знакома с епископом и как-то заговорила с ним о своей душе. Тон первых же слов этого доброго человека убедил леди Карбери в ее ошибке, и больше она таких промахов не допускала. С мистером Альфом она часто говорила о своем разуме, с Броном – о своем сердце, с мистером Букером – о своем теле и его нуждах. Она была вполне готова при случае побеседовать о своей душе, но ей хватало ума не навязывать такую тему даже и епископу. Сейчас она восхищалась красотами Карбери и окрестностей.

– О да, – ответил епископ. – Суффолк – очень приятное место, а поскольку мы всего в миле-двух от Норфолка, я скажу то же самое о Норфолке. Хорошая птица свое гнездо не обгадит.

– Я люблю сельскую местность, которая сохраняет сельское очарование, – проговорила леди Карбери. – Стаффордшир и Уорикшир, Чешир и Ланкашир превратились в города и утратили всякую индивидуальность.

– Мы по-прежнему храним наши старые прозвища и репутацию, – сказал епископ. – Блаженной Суффолк!

– Однако это прозвище всегда было незаслуженным.

– Как, надо полагать, и другие постоянные эпитеты. Думаю, мы сонный народ. У нас нет ни угля, ни железа. Нет живописных пейзажей, как в Озерном крае, ни богатых рыбой рек, как в Шотландии, ни охотничьих угодий, как в центральных графствах.

– Куропатки! – с очаровательным пылом вступилась за Суффолк леди Карбери.

– Да, у нас есть куропатки, красивые церкви и сельдяной промысел. Мы замечательно проживем, если не требовать от нас слишком много. Мы не можем расти и умножаться, как большие города.

– Именно за это я и люблю здешние края. Что хорошего в густонаселенных местах?

– Земля должна быть населена людьми, леди Карбери.

– О да, – ответила ее милость с ноткой почтения в голосе, чувствуя, что епископ, возможно, изрек божественное установление. – Земля должна быть населена, но я сама предпочитаю сельскую местность городу.

– Я тоже, – сказал Роджер. – И я люблю Суффолк. Люди тут здоровые, радикализм не так распространился, как в других местах. Бедные приподнимают шляпу при встрече, богатые думают о бедных. У нас сохранилось что-то от старых английских обычаев.

– Это так мило, – подхватила леди Карбери.

– Что-то сохранилось от старого английского невежества, – заметил епископ. – И все же мы улучшаемся, как и остальной мир. Какие у вас красивые цветы, мистер Карбери. По крайней мере, цветы мы в Суффолке выращивать умеем.

Миссис Йелд, жена епископа, сидела рядом с католическим священником и, по правде сказать, немножко опасалась соседа. Она была, возможно, чуть тверже в протестантизме, чем ее муж, и, хотя признавала, что мистер Бархем не обязательно перестал быть джентльменом, сомневалась, что ей и мужу разумно с ним общаться. Мистер Карбери не застал их врасплох. Он написал, что пригласил католического священника, и епископ ответил, что будет очень рад с ним познакомиться. Миссис Йелд никогда не настаивала на своем мнении после того, как муж выскажет свое, однако она считала, что добро – это добро, а зло – это зло и что католики – зло. И еще она считала, что, не будь католических священников, не было бы и католиков. Мистер Бархем, впрочем, был из хорошей семьи, что меняло дело.

Мистер Бархем всегда вел свои наступления очень постепенно. Малословная робость, с которой он начинал, была вполне соразмерна пылкой говорливости последующего решительного натиска. Миссис Йелд обратилась к нему с несколькими вежливыми словами, и он ответил так смущенно, что почти развеял ее неприязнь к своему роду занятий. Она заговорила о беклских бедняках, старательно касаясь только их материального положения. Очень много пьют пива, а молодые женщины наряжаются чересчур шегольски. Откуда берутся деньги на все те шляпки, которые можно видеть каждое воскресенье? Мистер Бархем смиренно соглашался с каждым ее словом. Без сомнения, мысленно он уже видел, как миссис Йелд регулярно устраивает мессы в епископском дворце, однако сегодня даже не начал претворять замысел в жизнь. Только когда он как будто случайно заметил, что «наши люди чаще ходят в церковь», миссис Йелд подобралась и сменила тему, заметив, что в последнее время погода была очень дождливая.

Когда дамы удалились, епископ тут же завел разговор со священником и начал задавать вопросы о нравственном состоянии Беклса. Очевидно, мистер Бархем считал, что «его люди» нравственнее всех остальных, хоть и гораздо беднее.

– Ирландцы всегда пьют, – заметил мистер Хепуорт.

– Меньше, чем англичане, полагаю, – ответил священник. – И не следует думать, будто мы все ирландцы. Среди моей паствы больше англичан.

– Удивительно, как мало мы знаем о наших соседях, – сказал епископ. – Разумеется, я знаю, что вокруг есть сколько-то людей вашей веры. Собственно, я даже могу назвать их точное

число в этой епархии, но в ближайшем соседстве я не могу указать на семьи, про которые знаю, что это католики.

– Однако, милорд, это не потому, что их нет.

– Конечно. Это потому, что я, как уже сказал, плохо знаю соседей.

– Думаю, здесь, в Суффолке, это по большей части бедные, – сказал мистер Хепуорт.

– По большей части бедные первыми поверили в Спасителя, – ответил священник.

– Мне думается, что аналогия неверна, – со странной улыбкой проговорил епископ. – Мы говорим о тех, кто по-прежнему держится старой веры. Наш Спаситель проповедовал новую религию. То, что бедные в простоте сердца первыми признали ее истинность, отвечает нашим представлениям о человеческой природе. Но то, что старая вера сохраняется среди бедных после того, как богатые от нее отказались, понять труднее.

– Простые римляне продолжали верить, когда патриции уже смотрели на своих богов как на удобные пугала, – заметил Карбери.

– Патриции внешне не отказались от своей религии. Народ держался за нее, думая, что их правители и хозяева тоже за нее держатся.

– Бедные всегда были солью земли, милорд, – заметил священник.

– Это очень спорное утверждение, – ответил епископ и заговорил с хозяином о свиньях, которых выписал для своего дворца.

Отец Бархем повернулся к мистеру Хепуорту и начал развивать свой довод, вернее, излагать следующий. Неверно думать, будто все английские католики – бедные. Есть А***, В***, С*** и D***. Он знал их всех пофамильно и гордился ими. На его взгляд, именно они были солью земли, людьми, которые однажды помогут Англии вернуться в старые добрые времена. Епископ сказал, что про многих соседей не знает, какой они веры, и это было правдой. Отец Бархем, не пробыв здесь и года, знал по имени почти каждого католика в графстве.

– Ваш священник чрезвычайно ревностный, – заметил позже епископ, обращаясь к Роджеру Карбери, – я не сомневаюсь, что он превосходный джентльмен, но, возможно, он немного несдержан.

– Мне он нравится тем, что следует своим убеждениям, не думая о земном благополучии.

– Это очень благородно, и я вполне готов его уважать. Впрочем, не знаю, стоило ли мне вполне свободно говорить в его обществе.

– Я уверен, он не станет ничего пересказывать.

– Возможно, но он будет думать, что взял надо мной верх.

– Не думаю, что это уместно, – сказала миссис Йелд мужу по пути домой. – Не хочу быть пристрастной, но протестанты – это протестанты, а католики – это католики.

– То же самое можно сказать о либералах и консерваторах, однако ты не запрещаешь им встречаться.

– Тут другое. Все-таки религия – это религия.

– Безусловно.

– Конечно, я не хочу с тобой спорить, дорогой, но не уверена, что хотела бы снова увидеться с мистером Бархемом.

– И я не уверен, – ответил епископ, – но, если мы столкнемся нечаянно, я постараюсь быть с ним учтивым.

Глава XVII. Мари Мельмонт выслушивает признание в любви

На следующее утро пришла телеграмма от Феликса: он приедет в Беклс сегодня таким-то поездом. По просьбе леди Карбери Роджер отправил за ним коляску, однако молодой человек не приехал. Был еще один поезд, которым мог ехать Феликс – в таком случае он успел бы как раз к обеду, если отложить обед на полчаса. Леди Карбери почти без слов, одним лишь нежным взглядом взмолилась к кузену. Тот свел брови – как всегда невольно делал, когда сердился, – но все же послал коляску во второй раз. Нельзя сказать, что в Карбери было много экипажей и упряжных лошадей. Сквайр держал коляску и двух лошадок, которые, когда не были нужны для поездок, использовались на ферме. Сам он со станции ходил пешком, оставляя багаж, чтобы его доставили потом каким-нибудь недорогим транспортом. Он уже отправлял сегодня коляску и теперь отправил снова, но с большим неудовольствием. Для матери ее сын был сэр Феликс, баронет, заслуживающий особого обращения из-за своего титула – и еще потому, что намерен жениться на богатейшей невесте своего времени. Для Роджера Карбери Феликс был порочный юнец, глубоко ему антипатичный и никакого уважения не заслуживающий. И все же обед отложили и коляску отправили. Она вернулась пустой. Роджер, леди Карбери и Генриетта провели очень тягостный вечер.

Примерно в четыре утра всех разбудил приезд баронета. Пропустив оба поезда, он успел на вечерний почтовый и оказался в каком-то далеком городе, откуда добирался до Карбери в наемном экипаже. Роджер в халате вышел его впустить; вышла и леди Карбери. Сэр Феликс, очевидно, считал, что проявил героизм, одолев столько трудностей. Роджер держался другого мнения и по большей части молчал.

– Ах, Феликс, ты так нас напугал! – сказала мать.

– А я как напугался, когда узнал, что мне надо проехать пятнадцать миль на паре кляч, которые и рысью-то не хотят идти!

– Но почему ты не приехал тем поездом, которым обещал?

– Задержался в Сити, – соврал баронет.

– Ты, видимо, заседал в совете директоров?

На это Феликс прямого ответа не дал. Роджер знал, что никакого заседания не было, поскольку мистер Мельмонт в деревне. И у сэра Феликса нет никаких дел в Сити. Это было чистой воды разгильдяйство и вдобавок прямая ложь. Молодой человек, сам по себе ему неприятный, явившийся сюда ради замысла, который он, Роджер, считал отвратительным, поднял на ноги его и домашних в четыре утра и даже не подумал извиниться. «Жалкий щенок!» – пробормотал Роджер сквозь зубы, а вслух сказал:

– Не заставляйте свою матушку стоять здесь. Я провожу вас в вашу комнату.

– Отлично, старина, – ответил сэр Феликс. – Ужасно не хочется вас утруждать, но я бы перед сном выпил бренди с содовой.

Для Роджера это был еще один удар.

– Я сомневаюсь, что в доме есть содовая вода, а если даже и есть, я не знаю, где ее найти. Если вы пойдете со мной, я налью вам бренди.

Слово «бренди» он произнес тоном величайшего отвращения. Бедный Роджер! Ему пришлось идти на второй этаж за ключом, чтобы обслужить этого щенка, этого нахала! И все же он сделал, что просили, и нахал выпил свой разбавленный бренди, нимало не смущаясь мрачностью хозяина. Уходя спать, он сказал, что завтра, скорее всего, не выйдет до ланча, и выразил желание, чтобы завтрак ему принесли в постель.

– Он родился быть повешенным, – сказал себе Роджер по пути в спальню. – И это будет по заслугам!

На следующее утро – было воскресенье – все, за исключением Феликса, пошли в церковь. Леди Карбери всегда ходила на воскресную службу в деревне и никогда – в Лондоне. Это была одна из правильных привычек вроде ранних обедов и долгих прогулок, которые уместны в сельской местности. И леди Карбери воображала, что, если не пойти, епископ точно узнает и будет недоволен. Епископ ей нравился. Ей нравились епископы вообще, и она считала, что долг женщины – жертвовать собою ради общества. Зачем вообще люди ходят в церковь, она вряд ли когда-нибудь задумывалась.

Подходя к дому, они увидели сэра Феликса. Он курил сигару на дорожке рядом с открытым окном гостиной.

– Феликс, – сказал его кузен, – отойдите с сигарой чуть дальше. Дым идет в дом.

– О небо! Какие предрассудки! – воскликнул баронет.

– Возможно, предрассудки, но все равно сделайте, как я прошу.

Сэр Феликс бросил сигару на гравий, Роджер подошел и ногой отшвырнул ее прочь. Это были первые слова, сказанные между ними за день.

После ланча леди Карбери прогуливалась с сыном, убеждая его сразу отправиться в Кавершем.

– Как я туда доберусь, скажи на милость?

– Кузен одолжит тебе лошадь.

– Он зол, как медведь с больной головой. Он намного меня старше, кузен и все такое, но я не намерен мириться с наглостью. В любом другом месте я просто пошел бы на конюшню и велел оседлать мне лошадь.

– У Роджера довольно скромное хозяйство.

– Полагаю, у него есть лошадь, седло и конюх, чтобы ее взнуздать. Я никакой особой роскоши не требую.

– Он недоволен, потому что вчера дважды отправлял за тобой коляску на станцию.

– Ненавижу тех, кто дует из-за каждого пустяка. Они сами пунктуальны, как часы, и цепляются к тебе, когда ты не хочешь по их указке все делать как заведенный. Я попрошу у него лошадь, как попросил бы у любого другого, и пусть подавится, если ему это не по душе.

Примерно через полчаса он нашел кузена.

– Можно мне взять лошадь, чтобы поехать сегодня в Кавершем?

– Наши лошади никуда по воскресеньям не ездят, – ответил Роджер и, помолчав, добавил: – Можете взять. Я отдам распоряжения.

Во вторник сэр Феликс уедет, и он будет сам виноват, если еще раз пустит кузена в Карбери! Так думал Роджер, когда Феликс выезжал со двора. Однако почти сразу он вспомнил, что Феликс, весьма вероятно, станет владельцем Карбери. А если Генриетта все же за него выйдет, он не сможет отказать ее брату от дома. Роджер некоторое время стоял на мосту, глядел, как его кузен скачет по дороге легким галопом, и слушал стук копыт. Молодой человек нарушал все возможные правила. Кто не знает, что лишь дамам позволено пускать чужую лошадь в галоп на дороге? Джентльмен и на своей лошади, и на одолженной едет рысью. У Роджера Карбери была только одна верховая лошадь – старый охотничий конь, которого он любил, как друга. И теперь его доброго старого друга, чьи ноги уже не те, что прежде, гонит вскачь по жесткой дороге этот наглый щенок!

– Бренди с содовой! – почти вслух воскликнул Роджер, думая обо всех утренних неприятностях. – Он умрет в больнице от белой горячки!

Перед тем как к Лонгстаффам приехали их новые друзья Мельмотты, между мистером Лонгстаффом, отцом, и своенравной дочерью Джорджианой было заключено мирное соглашение. Дочь со своей стороны обещала, что гостей примет любезно – это можно было назвать

режимом наибольшего благоприятствования. С Мельмоттами будут обходиться в точности так, как если бы старый Мельмотт был джентльмен, а мадам Мельмотт – леди. За это семейству позволят вернуться в город. Однако и здесь отец выдвинул дополнительное условие. Они проведут в Лондоне лишь шесть недель, а десятого июля уедут в деревню до конца года. На предложение отправиться за границу отец пришел в ярость. «Ради всего святого! Откуда, по-твоему, возьмутся деньги?» Джорджиана возразила, что у других деньги на границу находятся. На это отец велел ей радоваться, что у нее пока есть крыша над головой. Джорджиана, впрочем, сочла эти слова поэтическим преувеличением, поскольку они не раз звучали и прежде. Договор был очень четкий, и обе стороны намеревались честно его исполнить. Мельмоттов примут учтиво, городской дом не закроют.

От мысли, что Долли может жениться на Мари Мельмотт, дамы отказались – да они никогда и не думали о ней всерьез. Долли, при всей своей безмозглости, обладал собственной волей, которую никто в семье переломить не мог. Ни отцу, ни матери не удавалось хоть в чем-нибудь на него повлиять. Долли точно не женится на Мари Мельмотт. Поэтому, когда Лонгстаффы узнали, что сэр Феликс будет в их краях, у них не было причин препятствовать его визитам в Кавершем. В Лондоне о нем в последнее время говорили как о главном претенденте на руку Мари Мельмотт. У Джорджианы Лонгстафф была собственная обида на лорда Ниддердейла, так что она желала сэру Феликсу всяческого успеха в этом направлении. Вскоре после приезда Мельмоттов она сказала Мари:

– Мисс Мельмотт, в понедельник у нас обедает ваш друг.

Мари, до сих пор ошеломленная величием и блеском новых знакомых, не смогла толком ничего ответить.

– Я знаю, вы знакомы с сэром Феликсом Карбери, – продолжала Джорджиана.

– Да, мы знакомы с сэром Феликсом Карбери.

– Он приехал к своему кузену. Полагаю, ради ваших красивых глаз, поскольку в самой усадьбе Карбери ничего хорошего нет.

– Не думаю, что он приехал ради меня, – краснея, ответила Мари.

Она сказала Феликсу Карбери пойти к ее отцу. На взгляд Мари, это означало, что она приняла его предложение, насколько от нее зависит. С того дня они виделись несколько раз. Он не повторял свое предложение и, насколько знала Мари, не обращался к мистеру Мельмотту. Тем не менее она решительно отклоняла знаки внимания со стороны других воздыхателей, убедив себя, что любит Феликса Карбери и будет ему верна. И она трепетала от мысли, что он ее разлюбил.

– Мы слышали, он ваш особенно близкий друг. – Джорджиана рассмеялась с вульгарностью, какой не позволила бы себе и мадам Мельмотт.

В воскресенье сэр Феликс застал всех дам на лужайке. Здесь же был и мистер Мельмотт. В последний момент пригласили лорда Альфреда Грендолла – не потому, что Лонгстаффы особенно его любили, но ради великого директора. Лорд Альфред близко его знает, умеет с ним говорить, возможно, подскажет, чем его угощать. Итак, лорда Альфреда пригласили, и тот приехал в Кавершем (все расходы оплатил великий директор). Когда появился сэр Феликс, лорд Альфред отрабатывал стол и кров, разговаривая с мистером Мельмоттом в беседке. Перед ним был холодный напиток и коробка сигар, но думал он, вероятно, о жестокости света. Леди Помона, соблюдая договор, принимала гостей вежливо, хоть и без теплоты. София разговаривала в сторонке с неким мистером Уитстейблом, молодым соседским сквайром. Его пригласили, поскольку Софии, как утверждали, уже исполнилось двадцать восемь (знающие люди говорили, тридцать один было бы ближе к истине), и мистера Уитстейбла решили считать достойным уловом, во всяком случае на безрыбье. София была красивая, но рослая и лишена обаяния. В Лондоне она не преуспела. Джорджиана, напротив, пользовалась успехом и хвастала перед подругами отвергнутыми предложениями. Подруги, в свою очередь,

любили обсуждать ее неудачи. Тем не менее она не теряла надежды и еще не опустилась до сельских Уитстейблов. Сейчас Джорджиана была свободна и демонстративно выполняла договор, чтобы отец не мог оставить их в Кавершеме под предлогом несоблюдения условий.

Несколько минут сэр Феликс просидел в шезлонге, беседа с леди Помоной и мадам Мельмотт.

– Прекрасный сад, – заметил он. – Сам я не особо люблю сады, но, если жить в деревне, такое должно нравиться.

– Очаровательно, – проговорила мадам Мельмотт, подавляя зевок и плотнее кутаясь в шаль. Погода была для конца мая на удивление теплая, однако мадам Мельмотт предпочла бы не сидеть в саду.

– Место не самое красивое, но дом удобный, и мы постарались как можно лучше его обставить, – сказала леди Помона.

– Много стекла, как я посмотрю, – похвалил сэр Феликс. – Если жить в деревне, то лучше так. Карбери – очень невзрачная усадьба.

Хозяйку задела эти слова – как будто Карбери можно сравнивать с имением Лонгстаффов. Как бы Лонгстаффы ни нуждались в деньгах, их положение было неизмеримо выше.

– Думаю, для скромного домика Карбери чрезвычайно мил, – сказала леди Помона. – Разумеется, он довольно тесный.

– Да уж, леди Помона, ваша правда, – ответил Феликс. – Я за рвом чувствую себя, как в тюрьме.

Затем он вскочил и подошел к Мари Мельмотт и Джорджиане. Джорджиана, радуясь, что может отдохнуть от исполнения договора, довольно скоро оставила их вдвоем. Насколько она знала, сейчас в забеге первыми шли лорд Ниддердейл и сэр Феликс. Она не стала бы помогать сэру Феликсу ради него самого, но ей хотелось насолить лорду Ниддердейлу.

Сэр Феликс взялся за работу со всем рвением – во всяком случае, с тем рвением, на какое была способна его ленивая натура. Богатство так манило, успех представлялся настолько верным, что даже он готов был приложить некоторые усилия. Это чувство привело его в Суффолк и заставило ехать всю ночь, по грязным дорогам, в старом наемном экипаже. О девушке он совершенно не думал – не в его силах было думать о других. Особой неприязни он к ней тоже не питал. Сэр Феликс вообще редко кого-нибудь ненавидел, кроме как в минуты, когда его задевали. Он смотрел на нее просто как на средство, с помощью которого часть богатства мистера Мельмотта отойдет на его нужды. Касательно женской красоты у него имелись свои пристрастия и вкусы. Нельзя сказать, что он был к ней равнодушен. Однако в этом смысле Мари Мельмотт несколько его не привлекала. В ней было очарование юности и робости вместе с зарождающейся жадью найти в мире что-то, что она сможет назвать своим. В ее душе зрело желание стать кем-то, высказывать собственное мнение, иметь собственные мысли. Если бы только рядом был друг, которого она не боялась! При всей своей робости она думала, что когда-нибудь осмелеет, и уже мечтала о той полной откровенности, какая бывает между любящими. В одиночестве – а Мари подолгу бывала одна – она строила воздушные замки, украшенные не золотом и драгоценными камнями, а искусством и любовью. Книги, которые она читала, пусть по большей части плохие, оставили на ее фантазии яркий отпечаток. В воображении она вела блистательные беседы, хотя в реальной жизни с детства почти ни с кем не разговаривала. Сэр Феликс Карбери сделал ей предложение. И она была уверена, что любит его. А теперь она с ним наедине! Наконец-то один из ее воздушных замков станет вполне осязаемым!

– Вы знаете, зачем я сюда приехал? – спросил он.

– Повидаться с кузеном.

– О нет. Я не особо люблю кузена. Он нудный старый холостяк, методичный как часы и злой как собака.

– Как неприятно!

– Да, очень неприятный тип. Я приехал не ради него, уверяю вас. Когда я услышал, что вы будете здесь у Лонгстаффов, я сразу решил приехать. Рады ли вы меня видеть?

– Не знаю, – ответила Мари. Она не могла подыскать тех блистательных слов, которые воображение легко подсказывало ей в минуты одиночества.

– Помните, что вы сказали мне на приеме у моей матери?

– Я вам что-то сказала? Не помню ничего особенного.

– Неужели? В таком случае я вам совершенно не важен. – Он помолчал, будто ждал, что она упадет ему в рот, как вишня. – Мне думалось, вы обещали мне свою любовь.

– Я так сказала?

– А разве нет?

– Не помню. Если я что-то такое и говорила, то не всерьез.

– Должен ли я вам поверить?

– Возможно, вы и сами говорили не всерьез.

– Клянусь Богом, я говорил от всего сердца. И сюда я приехал, чтобы это повторить.

– Что повторить?

– Выйдете ли вы за меня замуж?

– Я не знаю, правда ли вы меня так сильно любите.

Ей страстно хотелось услышать от него, что он ее любит. Ничто не мешало Феликсу произнести требуемые слова, но он, не особо об этом думая, находил подобную чепуху нестерпимо скучной. Ему хотелось, чтобы она приняла его предложение и, если возможно, сама пошла бы к отцу за согласием. Что-то в больших глазах и массивных челюстях мистера Мельмотта почти пугало сэра Феликса.

– Вы правда меня так сильно любите? – прошептала она.

– Конечно. Я плохо умею говорить красивые слова, но вы знаете, что я вас люблю.

– Правда любите?

– Клянусь Богом! Я полюбил вас с первого взгляда. Честное слово.

Это было довольно жалкое признание в любви, но его хватило.

– Тогда и я буду вас любить, – сказала Мари. – Всем сердцем.

– Ну вот, милое дело.

– Я теперь ваша милая? Мне ведь теперь можно называть вас Феликс? Да?

– Да пожалуйста.

– Ах, Феликс, я надеюсь, вы будете меня любить. А я буду так вас обожать! Знаете, ко мне многие сватались.

– Догадываюсь.

– Но я никогда никого из них не любила – нисколечки!

– А меня любите?

– О да!

Говоря, Мари смотрела в его прекрасное лицо, и в глазах у нее стояли слезы. Он подумал, что она очень невзрачна. Если выбирать только по наружности, даже София Лонгстафф была бы лучше. Другого могла бы тронуть искренность, с которой Мари разом смеялась и плакала, но только не сэра Феликса. Они гуляли среди кустов довольно далеко от дома, и никто их не видел, так что он по обязанности обнял Мари за талию и поцеловал.

– Ах, Феликс, – проговорила она, подставляя ему лицо, – меня еще никто не целовал.

Он не поверил, да его это и не занимало.

– Скажи, что будешь добр ко мне, Феликс. Я обещаю быть доброй к тебе.

– Конечно буду.

– Мужчины не всегда добры к женам. Папенька часто очень крут с маменькой.

– Полагаю, у него тяжелый характер?

– Да, хотя меня он нечасто бранит. Не знаю, что он скажет, когда мы ему откроемся.

– Но он же намерен выдать тебя замуж?

– Он хотел выдать меня за лорда Ниддердейла и лорда Грасслока, но я их обоих ненавижу. Думаю, сейчас он опять хочет выдать меня за лорда Ниддердейла. Он сам так не говорит, но сказала маменька. Однако я никогда не соглашусь. Никогда!

– Надеюсь, Мари.

– Не бойся ни чуточки. Я не выйду за него даже под угрозой смерти. Я ненавижу его... и так люблю тебя! – Она всей тяжестью повисла на руке сэра Феликса и снова заглянула в его прекрасное лицо. – Ты поговоришь с папенькой?

– Лучший ли это способ?

– Да, наверное. А какой еще есть?

– Может быть, мадам Мельмонт...

– О нет. Ее не уговорить. Она боится его как огня. Гораздо сильнее, чем я. Мне казалось, это всегда делает джентльмен.

– Конечно, я пойду к нему, – сказал сэр Феликс. – Я его не боюсь. С какой стати мне его бояться? Как ты знаешь, мы с ним хорошие друзья.

– Я очень рада.

– Он только недавно назначил меня директором одной из своих компаний.

– Правда? Может быть, он захочет видеть тебя своим зятем.

– Кто знает? Тут не угадаешь.

– Надеюсь, что захочет. Я бы хотела, чтобы ты стал его зятем. Надеюсь, я ничего неправильного не говорю. Ах, Феликс, скажи, что любишь меня.

Она снова подняла к нему лицо.

– Конечно, я тебя люблю, – ответил он, про себя думая, что сейчас ее целовать не обязательно. – Здесь неудачное место для разговора с твоим отцом. Я дождусь его возвращения в Лондон.

– Сейчас он в хорошем настроении, – сказала Мари.

– Но я не сумею заставить его одного. Не дело говорить об этом здесь.

– Правда?

– В деревне, в чужом доме – конечно нет. Расскажем ли мы мадам Мельмонт?

– Да, я скажу маменьке, но она не станет с ним говорить. Маменька не очень меня любит. Я все расскажу тебе в другой раз. Конечно, теперь я должна рассказывать тебе все.

Довольно скоро он ее оставил и сбежал к остальным дамам. Мистер Мельмонт по-прежнему сидел в беседке, лорд Альфред по-прежнему был с ним, курил и потягивал бренди с сельтерской. Проходя мимо великого человека, сэр Феликс сказал себе, что куда лучше отложить разговор до возвращения в Лондон. Вид мистера Мельмонта не внушал мысль, что он в хорошем настроении. Сэр Феликс перемолвился несколькими словами с леди Помоной и мадам Мельмонт. Да, он надеется быть здесь завтра с матушкой и сестрой. Кузен не придет. Насколько ему известно, кузен Роджер вообще никуда не ходит, как все люди. Нет, мистера Лонгстаффа он не видел, но надеется засвидетельствовать ему почтение завтра. Затем он откланялся, сел на лошадь и ускакал.

– Итак, мы знаем, кто будет счастливецом, – сказала Джорджиана матери в тот вечер.

– В каком смысле счастливецом?

– Он получит наследницу и деньги. Какой же Долли болван!

– Я не думаю, что Долли бы она подошла, – заметила леди Помона. – В конце концов, отчего ему не жениться на леди?

Глава XVIII. Руби Рагглз выслушивает признание в любви

Воскресным утром сельский почтальон вручил мисс Руби Рагглз, внучке старого Дэниела Рагглза с Овечьего Акра, что в Шипстоунском приходе под Бенгеем, следующее письмо: «Друг будет неподалеку от Шипстоунского березняка между четырьмя и пятью часами в воскресенье». Больше в письме не было ни слова, но мисс Руби Рагглз сразу поняла, кем оно написало.

Фермер Дэниел Рагглз слыл в округе богачом, однако соседи недолюбливали его за скупость и неуживчивый нрав. Жена его умерла, с единственным сыном, тоже вдовцом, он насмерть рассорился, дочери вышли замуж и разъехались. Теперь с ним жила только внучка Руби двадцати трех лет от роду, и внучка эта доставляла старику немало хлопот. Она была обручена с зажиточным молодым человеком, торговавшим в Бенгее мукой и отрубями; старый Рагглз обещал тому за внучкой пятьсот фунтов. Руби вбила в свою глупенькую молодую головку, что не любит отрубей и муки. А теперь она получила вышеприведенное опасное письмо. Хотя отправитель не подписался, она знала, что оно от сэра Феликса Карбери – самого красивого джентльмена, какого ей случалось видеть. Бедняжка Руби Рагглз! Живя на Овечьем Акре, у реки Уэйвни, она знала о большом мире за своей околицей разом чересчур много и чересчур мало. Руби Рагглз уверила себя, что многого в жизни лишится, если так рано выйдет за Джона Крамба, бенгейского торговца мукою и отрубями. Обмирая от радости и страха, она ровно в четыре спряталась в березняке, откуда могла смотреть, не боясь, что ее увидят. Бедная Руби Рагглз, предоставленная самой себе в ту пору, когда девице нужнее всего твердая любящая рука.

Земля, на которой жил мистер Рагглз, относилась к владениям епископа Элмхемского, но часть его выгона заходила в поместье Карбери, так что он считался арендатором Роджера. Шипстоунский березняк, где сэр Феликс назначил Руби свидание, как раз принадлежал Роджеру. В прошлый приезд сэра Феликса, когда отношения между кузенами были куда лучше, Феликс вместе со сквайром заглядывал к старику и впервые увидел Руби, а также услышал от Роджера, что она выходит замуж за Джона Крамба. С тех пор они про девушку не разговаривали. Мистер Карбери узнал, к своему огорчению, что свадьбу отложили, а может, и вовсе разорвали помолвку, однако его растущая неприязнь к кузену исключала любые разговоры на эту тему. Впрочем, сэр Феликс, вероятно, знал от самой Руби Рагглз больше, нежели хозяин поместья.

Обычному городскому жителю чрезвычайно сложно представить, что творится в голове у такой девушки, как Руби Рагглз. Поденный рабочий и его семья живут, почитай, у всех на виду. Их устремления, хорошие и дурные – честно заработать на хлеб себе и детям или любыми правдами и неправдами добыть выпивку, – открыты каждому, кто удосужится на них глянуть. Про мужчин того слоя, к которому принадлежал Дэниел Рагглз, обычно можно понять, чего они хотят и в каком направлении работает их мысль. Женщина Рагглз – а особенно девица Рагглз – лучше образованна, выше метит, наделена куда более развитым воображением и не в пример хитрее мужчины. Если она хороша собой и не задавлена нуждой, ее мысли всплывают в мир, о котором она знает не больше, чем мы о рае, и куда стремится намного сильнее, чем мы в рай. Девица Рагглз намного грамотнее мужчины. Она умеет читать, он кое-как складывает слоги. Она может написать письмо, для него накарять слово – задача не из легких. Язык у нее бойчее, ум – более острый. А вот в том, что касается истинного положения дел, она гораздо невежественнее. Из встреч на ярмарках, на улицах города, даже в полях мужчина неосознанно усваивает что-то об иерархии своих соотечественников, а чего не знает, того по причине неразвитой фантазии и не пытается вообразить. Женщина строит воздушные замки

и уносится к ним в мечтах. Для молодого фермера дочка сквайра – высшее и недоступное существо. Для фермерской дочки молодой сквайр – Аполлон. Ей приятно на него любоваться и приятно, когда он ею любит. Как правило, опасность вскоре остается позади. Девушка выходит за фермера, появляются дети, и дальше все идет своим чередом.

О мире за пределами Суффолка и Норфолка Руби Рагглз знала меньше некуда, что мешало ее деятельным мечтам уноситься в смутные выси. Зачем ей с ее красотой, умом – и богатством в придачу – выходить за пыльного Джона Крамба, не повидав тех прелестей жизни, про которые она читала в книжках? Джон Крамб был довольно пригожий малый, честный и работающий, не быстрый на слова, однако никому не дающий сбить себя с толку. Он любил пропустить кружечку пива, но редко напивался допьяна. Однако Руби знала Джона Крамба всю жизнь и ни разу не видела иначе чем пыльным. Мука так въелась в его волосы, кожу и одежду, что не отмывалась до конца даже по воскресеньям. По слухам, кому-то случалось видеть, как сквозь мучнистую бледность проступает скрытый румянец, и все же в целом белизной лица, платья и шляпы Джон Крамб походил более на плечистого призрака, чем на здорового молодого человека. Тем не менее говорили, что он может поколотить любого в Бенгее и взвалить на спину двести с лишним фунтов муки. И еще Руби знала, что он боготворит землю под ее ногами.

Увы, она считала, что может быть кое-что получше такого обожания, и, когда появился Феликс Карбери, смуглый, с прекрасным овальным лицом, блестящими волосами и очаровательными усами, она целиком отдалась чувству, которое принимала за любовь, а после второй или третьей встречи его ленивые комплименты совершенно затмили для нее все честные обещания Джона Крамба. Впрочем, при всей своей глупости Руби Рагглз имела определенные принципы и даже при своем невежестве знала, что некоего падения следует избегать. Она думала, как, видимо, думают мотыльки, что можно влететь в пламя и не спалить крылья. Она была по-своему хорошенькая, с длинными кудряшками (в будние дни на ферме их видели накрученными на папилотки), большими круглыми глазами, довольно темными, и тонкой смуглой кожей. Еще она была сильная, здоровая, рослая и своевольная, чем изрядно портила кровь деду, старому Дэниелу Рагглзу.

Феликс Карбери сделал крюк в две мили, чтобы вернуться через Шипстоунский березняк, рощицу меньше чем в полумиле от фермы на Овечьем Акре. Там, где клинышек леса подходил к дороге, были ворота на луг, которые сэр Феликс помнил, назначая свидание. Проселочная дорога бывала безлюдной и в обычные дни, а уж в воскресенье – тем более. Он шагом подъехал к воротам, остановил лошадь и довольно скоро разглядел девичью шляпку под деревом на опушке рощи, на берегу канавы. Задумавшись на мгновение, куда деть коня, сэр Феликс выехал на поле, затем спешился, привязал лошадь к ограде, идущей вдоль рощи, и фланирующей походкой направился к Руби Рагглз.

– Хорошенькая наглость, назвать себя другом! – сказала она.

– Разве я тебе не друг, Руби?

– Тоже мне друг! Перед отъездом вы обещались вернуться в Карбери через две недели, а было это ой как давно.

– Но я тебе писал, Руби.

– Что с писем радости? Только и думай, то ли почтальон прочтет, то ли дед увидит. Я не одобряю писем и прошу вас их больше не писать.

– Он их видел?

– Если не увидел, то не вашими стараниями. Я не знаю, зачем вы приехали, сэр Феликс, и не знаю, зачем пришла с вами встречаться. Все это как есть дурость.

– Потому что я тебя люблю, оттого и пришел, а, Руби? И ты пришла, потому что любишь меня, а, Руби? Разве не правда?

И он, улегшись рядом с девушкой, обнял ее за талию.

Незачем пересказывать все, что прозвучало между ними в эти полчаса. Руби Рагглз была, без сомнения, на седьмом небе. Ее лондонский ухажер с ней, и, хотя слова его были полны презрения, он говорил о любви, давал обещания и называл ее красавицей. Девушка не особо ему нравилась, и он поддерживал их связь лишь потому, что молодым людям так положено. Довольно скоро он начал думать, что запах пачули неприятен, мухи несносны, а земля жесткая. Руби готова была сидеть и слушать его вечность. Вот они наконец, те радости жизни, о которых она читала в затрепанных старых романах из маленькой платной библиотеки Бенгея!

Но что дальше? Она не решалась попросить, чтобы сэр Феликс на ней женился, – не смела произнести эти слова, а он не решался попросить, чтобы она стала его любовницей, побаиваясь ее животной отваги, силы и огня в глазах. Довольно скоро он пожалел, что назначил ей свидание, однако перед уходом пообещал вновь увидаться с ней утром во вторник. Ее дед будет на ярмарке в Харлстоуне, и она встретит сэра Феликса в полдень на огороде у фермы. Давая обещание, он уже знал, что не придет. Напишет ей из Лондона, попросит приехать и вышлет денег на дорогу.

«Думаю, я буду его законной женой», – сказала себе Руби, идя через луг, чтобы ее не увидели на дороге, по которой проехал сэр Феликс, и не догадались об их свидании. «Ни за кого другого не пойду, хоть меня режь», – добавила она и мысленно погрузилась в сравнение Джона Крамба и сэра Феликса Карбери.

Глава XIX. Гетта Карбери выслушивает признание в любви

– Я подумываю, не уехать ли завтра утром, – сказал Феликс матери в воскресенье после обеда.

Роджер в это время гулял по саду, Генриетта сидела у себя в комнате.

– Завтра утром, Феликс! Ты приглашен обедать у Лонгстаффов.

– Ты придумаешь, как объяснить им мой отъезд.

– Это будет чудовищно невежливо. Как ты знаешь, Лонгстаффы – первые люди в округе. Возможно, ты будешь жить в Карбери, так что лучше с ними не ссориться.

– Матушка, ты забываешь, что Долли Лонгстафф – мой лучший друг.

– Это не повод проявлять неучтивость к его отцу и матери. И не забывай, зачем ты сюда приехал.

– Зачем я сюда приехал?

– Чтобы видаться с Мари Мельмонтт чаще и свободнее, чем в Лондоне.

– С этим все устроено, – ответил сэр Феликс тоном полнейшего равнодушия.

– Устроено!

– В том, что касается девушки. Не могу же я здесь идти к старику за согласием!

– Феликс, ты хочешь сказать, что Мари Мельмонтт приняла твоё предложение?

– Я тебе еще раньше говорил.

– Мой дорогой Феликс! Ах, мой мальчик!

От радости мать обняла упирающегося сына и принялась гладить. Вот первый шаг не только к успеху, но и к грядущему величию! Все молодые люди будут завидовать ее сыну, все матери Англии – ей!

– Нет, раньше ты мне не говорил. Но я так счастлива. Она правда тебя любит? Да и как тебя не любить!

– Про это ничего не скажу, но, думаю, она настроена всерьез.

– Если она будет тверда, отец рано или поздно сдастся. Отцы всегда сдаются, если дочь стоит на своем. Да и с чего ему быть против?

– Я не знаю, будет ли он против.

– Ты баронет. Полагаю, он хочет выдать дочку за джентльмена. Не знаю, что его может не устроить. При его богатстве тысяча годовых ничего не изменит. И он назначил тебя в совет директоров. Ах, Феликс, все так хорошо, что просто не верится.

– Я не особо хочу жениться.

– Ах, Феликс, пожалуйста, не надо так говорить. Отчего тебе не жениться? Она очень милая девушка, мы все ее полюбим! Пожалуйста, не поддавайся таким чувствам. Как только разрешится вопрос с деньгами, ты сможешь делать, что пожелаешь. Охотиться, сколько душе угодно, держать дом в любой части Лондона. Ты уже должен понимать, как трудно жить без постоянного дохода.

– Это я понимаю.

– Ты сможешь совершенно забыть про такие заботы. Денег хватит на все до конца твоих дней. Не знаю, как и сказать, до чего я тебя люблю и как тобой восхищаюсь.

И она вновь принялась его гладить, сама не своя от радости и тревоги. Если только ее прекрасный мальчик, который в последние годы позорил ее и разорял, воссияет пред миром как баронет с двадцатью тысячами годового дохода! Она могла бы знать – да и знала в душе, – насколько он эгоистичен. Но если она порой и горевала из-за бесчувственности сына, сейчас мысль о его грядущем успехе затмевала все. Ни она, ни дочь ничего не выиграют от этого брака,

помимо того, что избавятся от бремени лишних расходов. Однако какой будет триумф! Феликс – ее сын, и при мысли о его богатстве и блеске мать уносилась в эмпиреи сладостных грез.

– Но, Феликс, – продолжала она, – ты непременно должен остаться и быть завтра у Лонгстаффов. Это всего один день. А если ты сбежишь...

– Сбегу! Что за глупости, матушка.

– Я имела в виду, если ты сразу уедешь в Лондон, то оскорбишь Мельмотта и настроишь девушку против себя. Постарайся всячески ему угодить.

– Фу! – сказал сэр Феликс, но все же согласился вытерпеть еще один невыносимо скучный день в Карбери.

Леди Карбери, сама не своя от счастья, не знала, с кем поделиться. Не будь Роджер так твердолоб, так несведущ в житейских делах, он бы порадовался вместе с ней. Даже не любя Феликса (который, как признавала мать, был с ним груб), Роджер мог бы порадоваться за семью. А так она не смела с ним говорить, зная, что натолкнется на молчаливое осуждение. И даже Генриетта ее не поймет. Как ни хотелось леди Карбери упиваться торжеством, она вынужденно держала язык за зубами. Теперь ее главной целью было за обедом в Кавершеме очаровать мистера Мельмотта.

За весь вечер Роджер обменялся с кузиной Геттой лишь несколькими словами. Хозяин и гости почти не разговаривали до того часа, когда на ужин пришел отец Бархем. Он навещал прихожан в Бенгее и по пути домой заглянул в Карбери.

– Как вам наш епископ? – неосмотрительно спросил Роджер.

– Как епископ – не очень. Не сомневаюсь, что он добрый землевладелец и в этом качестве делает больше добра, чем средний помещик. Однако для епископа этого мало.

– Девять десятых приходского духовенства следуют его руководству во всех церковных вопросах.

– Потому что, как им известно, у него нет своих мнений и он не склонен давить на других. Возьмите любого вашего епископа, у которого есть собственный взгляд – если такие еще остались! – и посмотрите, насколько духовенство согласно с его учением!

Роджер отвернулся и взял книгу. Он уже начал уставать от нового друга. Сам он избегал дурно говорить о католичестве в присутствии отца Бархема, но тот решительно не желал платить ему тем же. Возможно, Роджер не желал вступать в споры еще и потому, что знал – в них побеждает не истина, а умение дискутировать. Генриетта тоже читала, Феликс где-то курил, гадая про себя, движется ли время в этой обители скуки, где нет карт, а выпивку подают только за едой. Однако леди Карбери была вполне готова выслушивать доводы священника, что все средства насаждения религии за пределами его церкви дурны и бесполезны.

– Мне кажется, наши епископы искренни в своей вере, – сказала она с самой обворожительной улыбкой.

– Надеюсь. У меня нет причин сомневаться в этом касательно двух или трех ваших епископов, которых я видел, да и всех остальных, кого не видел.

– Их все уважают как людей добрых и набожных!

– Не сомневаюсь. Ничто не внушает такого уважения, как приличный доход. Однако можно быть превосходным человеком, не будучи превосходным епископом. Я вижу изъяны не в них, а в самой системе. Неужто человек достоин выбирать вожатаев для чужих душ лишь потому, что бесконечными трудами преуспел в стремлении возглавить парламентское большинство?

– Конечно нет, – ответила леди Карбери, совершенно не поняв сути заданного вопроса.

– И вот вы получили своего епископа. Может ли он исполнять свои обязанности, не имея права решать, достоин ли подчиненный ему священник занимаемого места?

– Это и впрямь затруднительно.

– Англичанам, вернее, их части – богатейшим и самым влиятельным – нравится изображать, будто у них есть церковь, хотя им недостает веры ей покоряться.

– Вы считаете, что людьми должны управлять церковники, мистер Бархем?

– В вопросах веры – да, и тут, полагаю, вы со мной согласитесь хотя бы на словах. Вы говорите – ваш долг подчиняться духовным пастырям и наставникам.

– Я думала, это для детей, – ответила леди Карбери. – В катехизисе священник говорит: «Дитя мое».

– Так вас учили в детстве, чтобы при конфирмации вы исповедали свою веру епископу и знали свой долг, когда станете взрослой. Впрочем, я вполне согласен, что ваша церковь считает религию чем-то предназначенным для детей. Ваши взрослые, как правило, в религии не нуждаются.

– Боюсь, что в отношении многих это и впрямь так.

– Меня изумляет, что человек, осознавший это, не бежит в страхе к более надежной религии – если только не чувствует себя вполне спокойным в полном неверии.

– Это хуже, чем ничего. – Леди Карбери вздохнула и поежилась.

– Не знаю, хуже ли это веры, которая не вера, – с жаром произнес священник. – Веры столь необременительной, что человек даже не знает, в чем она состоит, и не спрашивает себя, верит он или не верит.

– Это очень прискорбно, – согласилась леди Карбери.

– По-моему, мы забираемся слишком глубоко, – сказал Роджер, откладывая книгу, которую тщетно пытался читать.

– Мне кажется, очень приятно поговорить на серьезную тему воскресным вечером, – заметила леди Карбери.

Священник выпрямился на стуле и улыбнулся. Он был умен и понимал, что леди Карбери болтает чепуху. И еще он видел, что именно смущает Роджера. Однако эту даму может быть тем легче обратить, что она ничего не понимает и любит говорить напыщенно. А Роджера может подтолкнуть к обращению то самое чувство, из-за которого он сейчас не желает слушать доводов.

– Мне неприятно, когда дурно говорят о моей церкви, – сказал Роджер.

– Вам не понравлюсь я, если, думая о ней дурно, буду говорить о ней хорошо, – ответил священник.

– А потому чем меньше будет сказано, тем лучше, – проговорил Роджер, вставая.

На этом отец Бархем откланялся и ушел в Беклс. Возможно, он посеял семя или хотя бы вспахал почву. Даже попытка вспахать почву – доброе дело, и оно не забудется.

Весь вечер на языке у Роджера вертелись слова, с которыми он обратится к Генриетте, но он удерживался, поскольку назначил объяснение на утро понедельника. Роджер почти мучительно ощущал, что кухня стала к нему ласковее. Гордая независимость, почти грубость, с которой она отвечала ему в Лондоне, как будто исчезла. Когда он здоровался с ней по утрам, она приветливо смотрела ему в лицо. Радовалась цветам, которые он дарил. Спешила исполнить малейшее его пожелание по дому. Он что-то сказал про пунктуальность, и она стала пунктуальна как часы. Он ловил каждый ее взгляд, каждое движение, стараясь понять, что они для него означают. Однако ласковость и предупредительность не давали оснований думать, что Генриетта его любит. Роджер догадывался, в чем дело. Генриетта видит, как неприятны кузену поведение ее брата и матери, и, принимая его сторону против них, старается быть доброй из жалости. Так он читал знаки ее внимания, и читал их с почти абсолютной точностью.

– Гетта, – сказал Роджер после завтрака, – выйдите со мной в сад.

– Вы не поедете на работы?

– Сейчас нет. Я не каждый день езжу на работы.

Генриетта надела шляпку и вышла в сад, зная, что сейчас Роджер повторит свое предложение. В первый же день, увидев у себя в комнате белую розу, она поняла, что так будет, но на сей раз не могла решить, что ответит. Она знала, что любит другого. Этот другой никогда не объяснялся ей в любви, но Генриетта была уверена, что чувство взаимное. Так что она вроде бы не могла принять предложение кузена. И тем не менее Генриетта почти готова была сказать себе: он должен получить, что хочет, просто потому, что этого хочет. Он такой добрый, такой благородный, такой щедрый, такой преданный – вправе ли она отказать настолько хорошему человеку? И она полностью взяла его сторону в отношении Мельмоттов. Мать столько восхваляла Мельмоттовы деньги, что Генриетта уже не могла о них слышать. Тут ничего благородного не было, а вот Роджер вел себя как джентльмен без страха и упрека. Неужели он обречен до конца дней тосковать оттого, что девушка его не любит, – человек, достойный всяческой любви!

– Гетта, – сказал Роджер, – возьмите меня под руку.

Она взяла его под руку, и он продолжал:

– Меня вчера немного раздосадовал священник. Я хочу быть с ним вежливым, а он вечно на меня нападает.

– Но в этом же нет вреда?

– Вред будет, если он научит меня или вас думать пренебрежительно о том, что нас учили уважать.

Значит, подумала Генриетта, разговор будет не о любви, а всего лишь о церкви.

Роджер продолжал:

– Он не должен был при моих гостях нападать на нашу веру так, как я не стал бы говорить о его вере ни при каких обстоятельствах. Мне было неприятно, что вы это слышите.

– Не думаю, что мне это хоть как-нибудь повредило. Я ничуть не поддаюсь. Думаю, они все так говорят. Это их работа.

– Бедняга! Я пригласил его к себе, поскольку меня огорчало, что джентльмен по рождению и воспитанию совсем не бывает в хороших домах.

– Мне он понравился, только не понравилось, что он говорил глупости про епископа.

– И мне он нравится. – Роджер помолчал. – Полагаю, брат не особенно рассказывает вам о своих делах.

– О своих делах? Вы про деньги? Он никогда не говорит со мной о деньгах.

– Я имел в виду Мельмоттов.

– Нет, не говорит. Феликс вообще почти со мной не разговаривает.

– Интересно, приняла ли она его предложение.

– Насколько я понимаю, практически приняла еще в Лондоне.

– Я не могу разделить чувства вашей матушки по поводу этого брака, поскольку, в отличие от нее, не считаю деньги чем-то настолько важным.

– Феликс очень расточителен.

– Да. Но я собирался сказать, что, хотя для меня невозможно одобрить задуманный ею брак, я вполне осознаю ее бескорыстную преданность сыну.

– Маменька всегда думает только о нем, – сказала Гетта, вовсе не думая упрекнуть мать в безразличии к себе.

– Знаю. И хотя мне думается, что другой ребенок достоин лучшего вознаграждения за свою любовь и заботливость, – при этих словах он глянул на Гетту и улыбнулся, – я вижу, как она печется о Феликсе. Знаете, когда вы только приехали, мы с ней чуть не поссорились.

– Я чувствовала, что произошло что-то неприятное.

– А потом опоздание Феликса меня разозлило. Я становлюсь старым брюзгой, иначе не обращал бы внимания на такие мелочи.

– Я думаю, что вы очень хороший... и добрый. – При этих словах она сильнее оперлась на руку Роджера, почти как если бы собиралась сказать, что любит его.

– Я очень досадовал на себя, – продолжал он, – и назначил вас моим духовником. Публичная исповедь иногда полезна для души, и, думаю, вы поймете меня лучше, чем ваша матушка.

– Я вас понимаю, но думаю, вам не в чем каяться.

– Вы не назначите мне епитимьи?

Она только глянула на него и улыбнулась.

– Тогда я сам ее себе назначу. Я не могу поздравить вашего брата с успешным сватовством, поскольку ничего об этом не знаю, но я вежливо пожелаю ему всяческих благ.

– Это будет епитимьей?

– Если бы вы могли заглянуть в мои мысли, то поняли бы, что да. Я мелочно злюсь на него из-за десятка незначительных проступков. Разве он не бросил сигару на дорожку? Разве не лежал в постели воскресным утром, вместо того чтобы пойти в церковь?

– Но он провел в дороге всю ночь.

– И кто в этом виноват? Впрочем, разве вы не видите, что именно мелочность обиды требует епитимьи? Ударь он меня топором по голове или сожги мой дом, я имел бы право гневаться. Но я злюсь, что он попросил лошадь в воскресенье, – и потому должен искупить свой грех.

Во всем этом не было и слова о любви, что Гетту устраивало как нельзя лучше. Он беседовал с ней как друг – очень близкий друг. Ах, если бы все так и осталось! Однако Роджер не оставил своего намерения.

– А теперь, – сказал он совершенно другим тоном, – я должен поговорить о себе.

И тут же нажатие на его локоть ослабло, так что Роджер левой рукой прижал ладонь Гетты к себе.

– Нет, – сказал он, – не меняйте своего отношения ко мне, пока я говорю. В любом случае мы всегда будем друзьями и родственниками.

– Друзьями! – повторила она.

– Да, друзьями, что бы ни случилось. А теперь выслушайте меня, потому что мне многое надо сказать. Я не стану вновь говорить вам о своей любви. Вы о ней знаете, если только не считаете меня лживейшим из людей. Я мало того что люблю вас, но еще и такой односторонним, что не могу избавиться от этой любви. Я часто презираю себя за то, что она занимает столько места в моих мыслях. В конце концов, какой бы хорошей ни была женщина – а в вас для меня соединилось все хорошее, что есть на свете, – мужчина не должен позволять любви брать верх над разумом.

– О да!

– Я позволил. Я просчитываю свои шансы, почти как люди просчитывают свои шансы попасть в рай. Мне хочется, чтобы вы знали меня таким, каков я есть, разом сильным и слабым. Я не завоевал бы вас ложью, даже если бы мог. Я думаю о вас больше, чем следует. Я уверен, совершенно уверен, что вы – единственная возможная хозяйка моего дома, покуда я в нем живу. Если я когда-нибудь смогу жить, как другие, думать о том же, о чем другие, то лишь в качестве вашего мужа.

– Пожалуйста... пожалуйста, не говорите так.

– Да. Я думаю, что имею право это сказать. И право рассчитывать, что вы мне поверите. Я не прошу вас стать моей женой, если вы меня не любите. Не потому, что опасаясь за себя, а потому, что вы не должны приносить себя в жертву, оттого что я ваш друг и кузен. Но я думаю, вы еще можете меня полюбить – если ваше сердце не отдано другому бесповоротно.

– Что мне на это сказать?

– Мы оба знаем, о чем каждый из нас думает. Похитил ли у меня Пол Монтегю ту, кого я люблю?

– Мистер Монтегю не сказал мне и слова.

– Если бы сказал, то поступил бы дурно по отношению ко мне. Он познакомился с вами в моем доме и, думаю, догадался о моих к вам чувствах.

– Он ничего не говорил.

– Мы были как братья, из которых один много старше другого. Или как отец и сын. Я думаю, ему следовало обратить свои надежды в другом направлении.

– Что мне ответить? Если у него и есть такие надежды, мне он их не открыл. Мне кажется, почти жестоко так допрашивать девушку.

– Гетта, я не хочу быть к вам жестоким. Разумеется, я знаю, что принято. У меня нет права спрашивать вас о Поле Монтегю и нет права ждать ответа. Однако для меня нет ничего важнее. Поймите, я могу надеяться, что вы полюбите даже меня, если не любите другого.

Голос его звучал мужественно и в то же время умоляюще. Взгляд, устремленный на Гетту, светился любовью и тревогой. Она не просто верила ему, но и верила в него безраздельно. Она знала, что он – посох, на который женщина может без страха опереться, верить ему свою жизнь. В этот миг Гетта почти уступила. Думаю, если бы он обнял ее и поцеловал, она бы сдалась. Она почти любила его и уважала настолько, что, любя он другую, всеми доступными словами убеждала бы ту, что лишь дурочка может ему отказать. Она почти ненавидела себя за недоброту к человеку, так заслуживающему доброты. И хотя она ничего не ответила, но продолжала идти с ним под руку, трепеща.

– Я решил, что скажу вам все, чтобы вы в точности знали мои чувства и мысли. Я показал их вам, как в стеклянной витрине. Если чувствуете хоть немного любви ко мне, не скрывайте ее. Когда мужчина любит, как я, когда от вас зависит, жить ему в свете или тьме, когда в вашей власти распахнуть или захлопнуть перед ним врата земного рая, думаю, вы не оставите его во мраке из-за девичьего стеснения.

– Ах, Роджер!

– Если когда-нибудь придет время, когда вы сможете сказать это от всего сердца, вспомните мою искренность и говорите смело. Я точно не переменюсь. Разумеется, если вы полюбите другого, все будет кончено. Скажите мне смело и об этом. Мне больше нечего добавить. Бог да благословит вас, любовь моя. Надеюсь... надеюсь, мне хватит силы думать более о вашем счастье, нежели о моем.

И он стремительно зашагал к мосту, предоставив Гетте одной добираться до дома.

Глава XX. Обед у леди Помоны

Надежда Роджера Карбери удержать Генриетту дома, когда леди Карбери и сэр Феликс отправятся в Кавершем, рухнула. Он думал заговорить об этом, если она сдастся на его мольбы, однако мольбы не прозвучали, и Гетта точно не сдалась. Так что вечером леди Карбери уехала с сыном и дочерью, а Роджер остался один. В обычной жизни он привык к одиночеству. Большую часть года он ел, пил и проводил время сам с собой и ничуть из-за этого не печалился. Сегодня вечером Роджер невольно чувствовал, что все его покинули. Родственникам, гостящим у него, он не нужен. Леди Карбери приехала ради собственных планов, сэр Феликс не дает себе труда быть хотя бы вежливым, а Гетта ласкова и любезна только из жалости. Да, он ни о чем ее сегодня не просил, но почти уверил себя, что получит желаемое без всякой просьбы. И вот он говорил о своей великой любви, о своем постоянстве, а она просто молчала. Когда коляска с леди Карбери и ее детьми уехала, Роджер сел на парапет моста и, слушая стук копыт, думал, что ему незачем больше жить.

Кто сделал другому столько добра, сколько он – Полу Монтегю? И теперь Пол крадет у него самое дорогое. Мысли его были нелогичны, рассудок не вполне ясен. Чем больше он об этом думал, тем сильнее осуждал друга. Он никому не рассказывал о том, как помогал Монтегю, и в разговорах с Геттой упоминал лишь их взаимную привязанность. Однако Роджер чувствовал, что из благодарности Монтегю должен был не влюбляться в девушку, которую он любит, а если нечаянно влюбился, устраниться сразу, как узнал правду. Роджер не мог простить друга, хотя Гетта и заверила, что друг этот не открыл ей своих чувств. Он страдал, и виновником его страданий был Пол Монтегю. Не будь того в Карбери, когда тут жила Гетта, она, возможно, уже стала бы хозяйкой дома. Роджер сидел на парапете, пока слуга не пришел звать его за стол. Он пообедал, чтобы слуга не видел его горя, а потом долго сидел с книгой, но не прочел и слова. Мысли его целиком занимала кухня Гетты. «Как жалок человек, – сказал он себе, – который не может одолеть свою страсть!»

Прием в Кавершеме был, по сельским меркам, грандиозный. Приехали граф и графиня Лоддонские и леди Джейн Пьюет из Лоддон-Парка, епископ с женой и Хепуорты. Вместе с Карбери, семьей приходского священника и теми, кто был в доме, за столом собралось двадцать четыре человека. Правда, на четырнадцать дам приходилось всего десять джентльменов, поэтому нельзя сказать, что хозяева озаботились всем очень хорошо, но в сельской местности трудно устроить все так же идеально, как в Лондоне, а Лонгстаффы, хотя люди безусловно светские, никогда не славились умением продумывать все до мелочи. Впрочем, недостаток продуманности восполнялся роскошью. Ни у кого больше в этой части графства не было трех пудренных лакеев, а дворецкий мог доставить семейству славу одной лишь своей дородностью. Большой салон, где никто не жил, открыли, с диванов и кресел, на которых никто не сидел, сняли чехлы. Прием такого размаха давали в Кавершеме лишь раз в году, но уж когда давали, то на расходы не скупились. Стоило полюбоваться, как леди Помона и две ее высокие дочери встречают графиню Лоддонскую и леди Джейн Пьюет – точную копию матери, только немного уменьшенную, а мадам Мельмонтт и Мари жмутся у них за спиной, как будто мечтавая провалиться сквозь землю. Затем приехали Карбери, следом миссис Йелд и епископ. Салон заполнился, однако все молчали. Обычно епископ умел быть душою общества, и леди Лоддон, когда ей нравились слушатели, могла по часу болтать без умолку – сейчас же никто не проронил ни слова. Лорд Лоддон сделал слабую попытку завязать разговор, но его никто не поддержал. Лорд Альфред стоял столбом, поглаживая седые усы. Великий человек, Огастес Мельмонтт, засунул большие пальцы в проймы жилета и безучастно смотрел перед собой. Епископ с первого взгляда понял, что положение безнадежно, и благоразумно не открывал рта. Хозяин дома пожимал руку каждому входящему и погружался в ожидание следующего гостя. Леди Помона

и две ее дочери были прекрасны и величавы, но скучны и неразговорчивы. Во исполнение договора они четыре дня развлекали мадам Мельмонт и очень утомились.

Когда объявили обед, Феликсу позволили вести Мари Мельмонт. Кавершемские дамы, без сомнения, соблюдали договор. Им внушили, что таково желание Мельмotts, и они его исполнили. Великий Огастес повел к столу леди Карбери, как ей и хотелось. В гостиной она молчала вместе со всеми, теперь пришло время показать себя приятной собеседницей.

– Надеюсь, вам нравится Суффолк, – сказала она.

– О да, спасибо. Милое местечко со свежим воздухом.

– Вы совершенно правы, мистер Мельмонт. Когда приходит лето, хочется смотреть на цветы.

– У нас на балконе цветы лучше, чем здесь, – ответил мистер Мельмонт.

– Ничуть не сомневаюсь, ведь вам доступны цветочные приношения всего мира. Что не сделают деньги? Они могут превратить лондонскую улицу в розовую беседку и устроить гроты на Гровенор-сквер.

– Лондон – прекрасный город.

– Для тех, у кого есть деньги, мистер Мельмонт.

– А для тех, у кого нет денег, он лучшее место, чтобы их добыть. Вы живете в Лондоне, мэм?

Он начисто забыл леди Карбери, даже если и видел ее у себя в доме, и по частой у мужчин тугоухости не расслышал ее имя, когда ему сказали вести гостью к столу.

– О да, я живу в Лондоне. Я имела честь бывать у вас. – Эти слова она произнесла с самой обворожительной улыбкой.

– Надо же. Так много людей приходит, я всех не упомяну.

– Да как вам помнить, когда весь свет к вам стекается? Я леди Карбери, мать сэра Феликса Карбери, которого вы наверняка вспомните.

– Да, я знаю сэра Феликса. Он сидит вон там, рядом с моей дочерью.

– Счастливец!

– Ничего об этом не знаю. Нынешние молодые люди не наслаждаются женским обществом, как прежде, у них другие заботы.

– Он много думает о своем деле.

– Вот как? Не знал.

– Он заседает в одном с вами совете директоров, мистер Мельмонт.

– А, так вот какое у него дело! – хмуро улыбнулся мистер Мельмонт.

Леди Карбери была очень умна и сведуща во многом, но про Сити не знала почти ничего и решительно не ведала, чем занимаются директора.

– Надеюсь, он прилежно исполняет свои обязанности и понимает, какая привилегия – пользоваться вашим советом и руководством, – сказала она.

– Он мне особо не докучает, и я ему тоже не докучаю.

После этого леди Карбери больше не касалась дел своего сына в Сити. Она сделала еще несколько попыток разговаривать мистера Мельмotts, но все они оказались безуспешны. Отчаявшись, она повернулась к кавершемскому пастору, который сидел по другую сторону от нее, и словно между делом упомянула отца Бархема. Пастор сразу оживился и начал излагать ей преимущества протестантизма; леди Карбери упоенно с ним соглашалась.

Почти напротив нее сидели Феликс и его возлюбленная.

– Я открылась маменьке, – шепнула Мари, когда он вел ее столу. Как всякая обрученная девушка, она была уверена, что жениху надо рассказывать все.

– Она что-нибудь сказала? – спросил он.

Мари в это время садилась и оправляла платье, так что не могла ответить сразу.

– Как я понимаю, ее слово ничего не значит? – продолжал сэр Феликс.

– Она много чего сказала. Она думает, что папенька сочтет вас недостаточно богатым. Тсс! Говорите о чем-нибудь другом, не то люди услышат.

Больше ничего она за время суеты, пока все рассаживались, сообщить не успела.

Феликс вовсе не хотел говорить о своей любви, так что охотно сменил тему.

– Вы катались верхом? – спросил он.

– Нет. Вряд ли здесь есть лошади, во всяком случае для гостей. Как вы добрались до дому? Были ли у вас приключения?

– Решительно никаких, – ответил Феликс, вспоминая Руби Рагглз. – Просто тихо доехал до дому. Завтра возвращаюсь в город.

– А мы в среду. Заходите к нам как можно скорее. – Последние слова она произнесла шепотом.

– Конечно! Думаю, к вашему отцу мне стоит зайти в Сити. Он там каждый день бывает?

– О да, каждый день. Возвращается около семи. Иногда в хорошем расположении, а иногда очень злой. Лучше всего он бывает после обеда, но в это время трудно его застать одного. Лорд Альфред постоянно с ним, и, когда приходит кто-нибудь еще, они играют в карты. Думаю, пойти к нему в Сити – самое правильное.

– Вы не отступитесь от своего решения? – спросил он.

– О да. Если я сказала, то уже не отступлюсь. Думаю, папенька это знает.

Феликс, глядя на Мари, вроде бы прочел в ее лице что-то, чего раньше не замечал. Может быть, она согласится с ним бежать, и тогда ее как единственного ребенка почти наверняка простят. Но что, если он убежит с Мари и женится на ней, а Мельмотт ее не простит и бросит голодать без единого шиллинга? Думая об этом, а также о хлопотах и тратах, которых потребует побег, Феликс решил, что не может себе такого позволить.

После обеда он почти не говорил с Мари, да и сама комната – тот же большой салон, в котором они собрались перед едой, – была плохо приспособлена для бесед. Снова все молчали, и минуты тянулись бесконечно, пока наконец все не начали разъезжаться по домам.

– Тебя усадили рядом с ней, – сказала леди Карбери сыну, когда они ехали в коляске.

– Думаю, так получилось само собой – девушек и молодых людей сажают через одного.

– Все это устраивают хозяева, и они не посадили бы тебя с ней, если бы не думали, что угодят этим мистеру Мельмотту. Ах, Феликс! Лишь бы у тебя получилось.

– Я делаю, что могу, маменька, и нечего все время об этом твердить.

– Хорошо, не буду. Но ты же понимаешь, как я волнуюсь. Ты замечательно вел себя с ней за обедом, я не могла на вас нарадоваться. Доброй ночи, Феликс, и да благословит тебя Бог! – сказала она, когда они расставались перед сном. – Если все получится, в Англии не будет матери счастливее меня!

Глава XXI. У них все бывают

С отъездом Мельмоттов в Кавершеме сделалось очень тоскливо. Обязанность развлекать их осталась позади, и, будь день отъезда в Лондон назначен, дамы бы по крайней мере немного приободрились. Однако четверг и пятница прошли, а о сборах по-прежнему речи не заходило, так что у леди Помоны и Софии Лонгстафф начали закрадываться страшные опасения. Джорджиана тоже изводилась нетерпением, но смело заявляла, что обман, который подозревают мать и сестра, попросту невозможен – их отец на такое не решится. Каждый день – три-четыре раза на дню – дамы намеками и напрямую спрашивали об отъезде, но все тщетно. Мистер Лонгстафф отказывался назначить дату, пока не получит некое письмо, и не желал выслушивать их предложения. «Думаю, уж во вторник мы сможем поехать», – сказала Джорджиана в пятницу. «Не знаю, отчего ты так думаешь», – ответил отец. Дочери теребили бедную леди Помону, чтобы та заставила его назначить день, однако леди Помона была не такая храбрая, как младшая дочь, и с меньшей силой рвалась в город. В воскресенье утром на втором этаже состоялся военный совет. Епископ Элмхемский должен был читать проповедь в кавершемской церкви, и дамы надели лучшие лондонские шляпки. Они только что нарядились для воскресной службы и собрались в комнате матери. Предполагалось, что ожидаемое письмо пришло. Мистер Лонгстафф точно получил некую депешу от поверенного, но пока не разгласил ее содержание. За завтраком он был молчаливее и – как уверяла София – раздражительнее обычного.

Разговор начался со шляпок.

– Можете носить их здесь, – заметила леди Помона. – Я уверена, в Лондон мы в этом году больше не поедем.

– Маменька, ты же не всерьез! – воскликнула София.

– Всерьез, дорогая. Это было видно по его лицу, когда он убирал бумаги в карман. Я хорошо знаю его выражения.

– Такого не может быть, – объявила София. – Он обещал и тем заставил нас принимать этих ужасных людей.

– Маменька! – закричала Джорджиана.

Это было предательство не только со стороны их естественного врага, нарушившего условия договора, но и черная измена в их собственном лагере!

– Дорогая, что мы можем поделать? – спросила леди Помона.

– Дадим ему понять, что так этого не спустим. – Джорджиана больше не намеревалась сдерживаться. – Если он будет так со мной обходиться, я сбегу с первым же, кто меня попросит, кто бы он ни был.

– Не говори так, Джорджиана, ты меня убьешь.

– Я сумею его пронять. Мы его не заботим – нисколько. Ему все равно, счастливы мы или несчастливы. Но его очень заботит фамильная репутация. Я скажу ему, что не буду рабыней. Я лучше выйду за лондонского торговца, чем останусь здесь.

Младшая мисс Лонгстафф захлебывалась от гнева.

– Ах, Джорджи, не говори таких ужасов, – взмолилась ее сестра.

– Тебе-то хорошо, Софи. Ты заполучила Джорджа Уитстейбла.

– Я его не заполучила.

– Заполучила, и все твои заботы позади. Долли делает, что ему вздумается, и тратит столько денег, сколько захочется. Тебе, маменька, разумеется, все равно, где проводить время.

– Ты очень несправедлива, – плачущим голосом выговорила леди Помона, – и говоришь ужасные слова.

– Я говорю чистую правду. Для тебя это не важно. София уже почти что замужем. А меня решили принести в жертву! С кем я могу познакомиться в этой ужасной дыре? Папа обещал и должен сдержать слово.

Тут их громко позвали с первого этажа.

– Кто-нибудь едет в церковь или карета будет дожидаться вас весь день?

Разумеется, они отправились в церковь. Живя в Кавершеме, они всегда посещали воскресную службу и уж тем более не могли пропустить сегодняшний день – из-за епископа и из-за шляпок. К экипажу леди Помона спустилась первой, Джорджиана шла сразу за ней и миновала отца в дверях, не удостоив его и взглядом. По пути в церковь и обратно все молчали. Во время службы мистер Лонгстафф, стоя, громко повторял ответы священнику; в этом он был образцом приходу всю свою жизнь. Три дамы очень изящно преклоняли колени, а проповедь высидели без малейших признаков скуки либо внимания. Ничто из сказанного епископом не проникало в их сознание. Силой кавершемских дам было умение терпеть. Говори епископ сорок пять минут, а не полчаса, они бы не посетовали. То же терпение позволяло Джорджиане год за годом ждать правильного мужа. Она могла бы сколь угодно долго переносить скуку, будь в конце хоть какая-то надежда на избавление. Однако застрять в Кавершеме на все лето было все равно что слушать епископскую проповедь вечно! После службы они сели за ланч и ели в полном молчании. Затем глава семьи устроился в кресле, очевидно желая, чтобы его оставили одного, – тогда он сможет размышлять о своих трудностях, пока не задремлет, и таким образом скоротает значительную часть дня. Однако дочери упорно сидели за столом, покуда слуги убрали посуду. Леди Помона собралась было выйти из комнаты, но вернулась, когда увидела, что дочери за ней не идут. Джорджиана объявила сестре, что намерена «вывести папеньку на чистую воду», и София, разумеется, осталась по просьбе сестры. Как только унесли последний поднос, Джорджиана начала:

– Папенька, не пора ли назначить день приезда в Лондон? Нам надо решить насчет приглашений и всего прочего. В среду прием у леди Монограм. Мы давным-давно пообещали у нее быть.

– Напишите леди Монограм, что просите вас извинить.

– Но почему, папенька? Мы можем выехать в среду утром.

– Нет, не можете.

– Но, дорогой, мы все желали бы знать день отъезда, – сказала леди Помона.

Наступила пауза. Сейчас даже Джорджиана приняла бы в качестве компромисса некую отдаленную или даже приблизительную дату.

– В таком случае ваше желание не исполнится, – ответил мистер Лонгстафф.

– Сколько ты будешь держать нас здесь? – тихо процедила София.

– Не понимаю, что значит «держать». Это ваш дом, и настраивайтесь жить здесь.

– Но мы же вернемся? – спросила София.

Джорджиана молча выжидала.

– Вы не вернетесь в Лондон в этом сезоне. – И мистер Лонгстафф уткнулся в газету.

– Ты хочешь сказать, что все решено? – спросила леди Помона.

– Да, именно это я хочу сказать, – ответил мистер Лонгстафф.

Неслыханное предательство! Джорджиана кипела праведным негодованием. Она не поехала бы в деревню, если бы не отцовское слово. Не маралась бы общением с Мельмоттами. А теперь отец говорит, что они останутся! И она не может вернуться в Лондон – даже к ненавистным Примеро, – не сбежав из отцовского дома!

– В таком случае, папенька, – сказала она с деланным спокойствием, – ты умышленно нас обманул.

– Как ты смеешь так со мной говорить, гадкая девчонка!

– Я не девчонка, как ты прекрасно знаешь. Я сама себе хозяйка – по закону.

– Отлично, вот и живи сама как знаешь. Как ты смеешь говорить мне, твоему отцу, что я умышленно вас обманул? Повтори это еще раз, и будешь есть у себя в комнате!

– Разве ты не обещал, что мы вернемся в Лондон, если поедem сюда развлекать этих людей?

– Я не стану спорить с дерзкой и непослушной девчонкой. Если мне будет что сказать, я скажу это вашей матери. Довольно того, что я, твой отец, говорю тебе, что ты будешь жить здесь. А теперь уходи, и, если хочешь дуться, дуйся так, чтобы я этого не видел.

Джорджиана посмотрела на мать и сестру, затем горделиво выплыла из комнаты. Она все еще замышляла мeсть, однако не смела дальше упрекать отца. Она вошла в общую гостиную и стояла, яростно дыша от гнева.

– Маменька, ты намерена с этим мириться? – спросила она.

– А что нам делать, дорогая?

– Я что-нибудь придумаю. Я не позволю морочить меня и вдобавок ни за что губить мою жизнь. Я всегда была хорошей дочерью. Ничего не покупала в кредит тайком. – Это был выпад в сторону старшей сестры, за которой числился такой грешок. – Никогда не давала поводов для злословья. Делала все, что он просил. Писала за него письма, как нанятая, а когда ты болела, не просила его задерживаться с нами в гостях больше чем до двух, самое позднее до половины третьего. А теперь он говорит, чтобы я ела у себя в комнате, потому что я напомнила ему про ясно высказанное обещание вернуть нас в Лондон! Разве он не обещал, маменька?

– Я так его поняла, дорогая.

– Ты знаешь, что он обещал, маменька. Теперь, если я что-нибудь сделаю, виноват будет он. Я не стану блюсти приличия ради семьи, когда со мной так обходятся.

– Думаю, приличия мы блюдем ради себя, – сказала ее сестра.

– Ты не сумела их блюсти, – ответила Джорджиана, имея в виду очень давнюю историю, когда старшая сестра попыталась убежать с драгунским офицером, обладателем очень малого дохода. С тех пор прошло десять лет, и о происшествии не упоминали, кроме как в минуты сильнейшей обиды.

– Я блюду приличия не хуже тебя, – сказала София. – Легко быть благоразумной, когда никого не любишь и никто тебя не любит.

– Дорогие, если вы ссоритесь, что же делать мне? – взмолилась мать.

– На такое меня и обрекают, – продолжала Джорджиана. – Где, по его мнению, я найду кого-нибудь, за кого смогу выйти? Бедный Джордж Уитстейбл не бог весть что, но больше здесь никого нет.

– Можешь забирать его, если хочешь, – ответила София, вскинув голову.

– Спасибо, дорогая, но я его вовсе не хочу. До такого я еще не опустилась.

– Ты говорила, что с кем-нибудь убежишь.

– С Джорджем Уитстейблом я не убегу, можете не опасаться. Я скажу вам, что я сделаю. Я напишу папеньке письмо. Думаю, он соблаговолит его прочесть. Если он не хочет везти меня в город, пусть отправит к Примеро. Больше всего меня бесит, что мы согласились быть вежливыми с Мельмоттами в деревне. В Лондоне приходится с таким мириться, но какой ужас был принимать их здесь!

За вечер они не обменялись больше ни словом, кроме как по домашним надобностям. Джорджиана была с сестрой так же сурова, как и с отцом, и София молча переживала обиду. Она почти смирилась, что останется в деревне, считая это достойной мeстью Джорджиане, да и присутствие мистера Уитстейбла меньше чем в десяти милях многое для нее меняло. Леди Помона жаловалась на головную боль, как всегда, когда ей не хотелось говорить. Мистер Лонгстафф ушел спать. Джорджиана держалась особняком, а на следующее утро глава семьи нашел у себя на туалетном столе следующее письмо:

Дорогой папенька!

Думаю, тебя не удивит, что переезд в город очень для нас важен. Если мы не будем в Лондоне в это время года, то ни с кем не увидимся, а ты понимаешь, как это для меня существенно. Для Софии это ничего не значит, и маменька, даром что любит Лондон, не так уж огорчается. Но по отношению ко мне это очень, очень жестоко. Я стремлюсь в Лондон не ради своего удовольствия – ничего особо хорошего там нет. Но если ты собираешься похоронить меня в Кавершеме, то лучше уж мне сразу умереть. Если бы ты решил сдать оба дома на год или на два и повезти нас за границу, я бы нисколько не роптала. За границей можно познакомиться с замечательными людьми, и, возможно, там все устраивается проще, чем в Лондоне. И там у нас не было бы расходов, кроме как на лошадей, мы могли бы одеваться в старое и очень дешево. Я точно не хочу ничего покупать в кредит. Но если бы ты понимал, каково мне в Кавершеме, где на двадцать миль нет ни одного достойного мужчины, ты бы не просил меня остаться здесь.

Ты совершенно точно обещал вернуться с нами в город, если мы поедем сюда с Мельмоттами. Поэтому тебя не должны удивлять наши чувства при известии, что мы все-таки останемся здесь. Для меня такая жизнь совершенно невыносима. Я вижу, как другие девушки получают шансы, которых лишена я, и порой не знаю, на что это меня толкнет.

Яснее намекнуть на то, чем грозила маменьке – что убежит с кем-нибудь, – она не посмела.

Думаю, бесполезно просить тебя, чтобы ты отвез нас обратно этим летом – хоть ты и обещал, – но я надеюсь, ты дашь мне денег поехать к Примеро. Мне достаточно будет взять мою горничную. Когда ты впервые заговорил, что мы можем не поехать, Джулия Примеро пригласила меня пожить у них, и я вполне готова напомнить ей о приглашении, только сделать это надо быстро. Их дом на Квинс-Гейт очень большой, и я знаю, что места хватит. Они все ездят верхом, так что мне понадобится лошадь, но это единственное, о чем я прошу, потому что экипажей у них много и кучер Джулии сможет возить и меня. Очень прошу, папенька, ответить как можно скорее.

Твоя любящая дочь

Джорджиана Лонгстафф

Мистер Лонгстафф и впрямь соблаговолил прочесть письмо. Он, хоть и отчитал мятежную дочь со всей суровостью, немного ее побаивался. Одно дело – с родительской твердостью поставить строптивую девчонку на место, совсем другое – вести нескончаемую домашнюю войну. Он подозревал, что дочери нравятся стычки, иначе бы их не было так много. Сам мистер Лонгстафф их ненавидел. У него не было особых жизненных интересов. Он мало читал, мало говорил, не особенно любил еду и вино, не играл и не занимался сельским хозяйством. Любимым его времяпрепровождением было слушать, как другие мужчины в клубе говорят о политике и скандалах, но он готов был пожертвовать этим для блага семьи. Ради сокращения расходов он сносил бы бесконечную череду тоскливых дней в Кавершеме, если бы только дочери ему позволили. Окружив себя показной роскошью, от которой ни ему, ни его семье не было и малейшего проку, заставляя лакеев пудрить волосы и надевая парики на кучеров, безуспешно сисясь сравняться с теми, кто выше его, он залез в долги. Мистер Лонгстафф мечтал о титуле и полагал добыть его таким способом. От бабушки с материнской стороны его сыну досталась отдельная собственность, дающая две-три тысячи в год (светские пересуды раздували сумму вдвое), и мистер Лонгстафф на время успокоился, думая, что сын, достигнув совершеннолетия, согласится вместе с ним продать сассекское имение, чтобы выкупить из залога суффолкское. Однако Долли сам увяз в долгах и, при всей своей житейской безалаберности, в делах с

отцом стоял насмерть. Он соглашался продать сассекское имение, только если половину вырученных денег отдадут ему. Отец не находил в себе сил принять условия Долли, но не знал, как выкрутиться без продажи. Мельмотт кое в чем ему помог, но при этом показал себя жестоким тираном. Живя в Кавершеме, Мельмотт заглянул в его дела и напрямик объявил, что при таких доходах с поместья нельзя держать городской дом. Тогда мистер Лонгстафф упомянул своих дочерей – особенно Джорджиану, – и мистер Мельмотт сделал ему некое предложение.

Прочитав письмо, мистер Лонгстафф, несмотря на гнев, пожалел дочь. Однако из всех мужчин на свете он больше всего ненавидел своего соседа, мистера Примеро, а из всех женщин – миссис Примеро. Примеро, которого Лонгстафф считал выскочкой и ни в коей мере не джентльменом, не задолжал никому и пенса. Он исправно расплачивался с торговцами и при каждой встрече со сквайром Кавершема будто нарочно похвалялся этой своей добродетелью. Он потратил много тысяч для своей партии на выборы в сельской местности и теперь сам был депутатом парламента от городского округа. Разумеется, Примеро был радикал или, по мнению мистера Лонгстаффа, голосовал вместе с радикалами, зная, что голосование с другой стороной ничего ему не даст. А теперь по Суффолку поползли слухи, что мистер Примеро станет пэром. Другие этим слухам не верили, но мистер Лонгстафф верил и терзался. Барон Бандлшемский по соседству, да еще такой барон Бандлшемский – этого душа мистера Лонгстаффа снести не могла. Он решительно не мог допустить, чтобы его дочь жила у Примеро в Лондоне.

Однако имелось и другое приглашение. Письмо Джорджианы положили на стол ее отцу в понедельник утром. На следующее утро, хотя никакой почты из Лондона не доставили, леди Помона пригласила младшую дочь к себе и протянула ей записку.

– Твой папенька просил показать. Разумеется, решать тебе.

Записка гласила:

Любезный мистер Лонгстафф!

Поскольку, как я понял, вы решили в этом году не возвращаться в Лондон, возможно, одна из ваших барышень захочет погостить у нас. Миссис Мельмотт будет счастлива принять мисс Джорджиану на июнь и июль. Если она согласится, довольно будет известить миссис Мельмотт за день.

Искренне ваши

Огастес Мельмотт

Джорджиана, прочитав приглашение, сразу перевернула его в поисках даты. Даты не было. Можно было не сомневаться, что письмо оставили отцу, чтобы тот пустил его в ход, если сочтет нужным. И отец, и мать слышали, как Джорджиана говорит о Мельмоттах, и знали, что она о них думает. Само предложение было оскорбительным, но Джорджиана пока не стала об этом говорить.

– Почему мне нельзя поехать к Примеро? – спросила она.

– Твой отец не хочет об этом и слышать. Он их очень не любит.

– А я очень не люблю Мельмоттов. Примеро я тоже не люблю, но и они лучше Мельмоттов. Даже думать про такое гадко.

– Решать тебе, Джорджиана.

– То есть или к ним – или остаться здесь?

– Думаю, так, дорогая.

– Если папенька так решил, мне ничего другого не остается. Это будет ужасно неприятно, просто отвратительно.

– Мне она показалась довольно тихой.

– Пфу, маменька! Тихой! Она была здесь тихой, потому что боится нас. У нее нет привычки к таким, как мы. Когда я буду у нее в доме, она быстро осмелеет. И потом она так чудо-

вишно вульгарна! Уж не знаю, из какой она канавы! Разве ты не видела, маменька? Она рот открыть боится, так ей за себя стыдно. Не удивлюсь, если про них выяснится что-нибудь кошмарное. Меня от них в дрожь бросает. Не знаю, может ли быть что-нибудь безобразнее!

– Все у них бывают, – ответила леди Помона. – Герцогиня Стивенэйдж постоянно к ним ездит, и маркиза Олд-Рики тоже. Все бывают в их доме.

– Но все не живут у них. О, маменька! Десять недель каждый день садиться завтракать с этими людьми!

– Может быть, тебе позволят завтракать у себя в комнате.

– Но мне придется с ними выезжать! Входить в гостиную после нее! Только представь себе!

– Но ты так стремишься в Лондон, дорогая.

– Конечно стремлюсь! Где еще я могу с кем-нибудь познакомиться, маменька? И ах, как я от этого устала! Удовольствия, скажут тоже! Папенька говорит об удовольствиях! Да если бы папеньке пришлось трудиться вполтину от моего, не знаю, как бы ему это понравилось! Наверное, я должна согласиться. Знаю, мне будет так худо, что непонятно, как я это переживу. Ужасные, ужасные люди! И кто это предлагает? Папенька, который всегда так собой гордился, так много думал о том, чтобы возвращаться в правильном обществе.

– Времена меняются, Джорджиана, – сказала озабоченная мать.

– Еще бы! Если папа хочет, чтобы я жила у таких людей. Да бенгейский аптекарь – и тот образцовый джентльмен в сравнении с мистером Мельмоттом, а его жена – настоящая леди в сравнении с миссис Мельмотт. Но я поеду. Если папенька хочет, чтобы меня видели с такими людьми, это не моя вина. Дальше опозориться уже некуда. Не думаю, что сколько-нибудь приличный человек посватается к девушке в таком доме. Так что не удивляйтесь, если я выйду за какого-нибудь кошмарного дельца с биржи. Папенька переменял свои взгляды, а раз так, мне стоит переменить мои.

В тот вечер Джорджиана с отцом не говорила, но леди Помона сообщила ему, что предложение мистера Мельмотта принято. Она сама напишет мадам Мельмотт, что Джорджиана приедет в ближайшую пятницу.

– Надеюсь, ей там понравится, – сказал мистер Лонгстафф.

Несчастный и не думал иронизировать – такая жестокость была не в его характере. Однако бедной леди Помоне его слова показалось очень недобрыми. Кому понравится жить в одном доме с мистером и мадам Мельмотт!

В пятницу утром перед отъездом Джорджианы на станцию между сестрами произошел короткий, почти трогательный разговор. Предстоящее было настолько ужасно, что Джорджиана, несмотря на все свои первоначальные намерения, не нашла в себе сил хорохориться даже перед сестрой.

– Софи, я правда тебе завидую, что ты остаешься.

– Но именно ты хотела непременно ехать в Лондон.

– Да, хотела и хочу. Мне надо как-то устроить свою жизнь, а здесь это невозможно. Но ты по крайней мере себя не опозоришь.

– Тут нет ничего позорного, Джорджи.

– Нет, есть. Я убеждена, что он вор и мошенник, а она – худшее, о чем можно подумать. То, как он пыжится изобразить джентльмена, – мерзость. Лакеи с горничными и те лучше.

– Тогда не езжай, Джорджи.

– Я должна ехать. Это моя последняя возможность. Если я останусь здесь, все будут считать меня старой девой. Ты выйдешь за Уитстейбла, и у тебя все будет хорошо. Поместье у него небольшое, но не заложенное, а сам Уитстейбл совсем не плох.

– Теперь ты так считаешь?

– Конечно, он ничего собой не представляет, потому что вечно сидит дома. Но он джентльмен.

– Уж это точно.

– А мне нужно выбросить джентльменов из головы. Я выйду за первого же с четырьмя или пятью тысячами годовых, кто ко мне посватается, будь он хоть из Ньюгейта или Бедлама. И всегда буду говорить, что папенька меня вынудил.

И так Джорджиана Лонгстафф уехала в Лондон гостить у Мельмоттов.

Глава XXII. Принципы лорда Ниддердейла

Общее мнение Сити гласило, что Великая Южная Центрально-Тихоокеанская и Мексиканская железная дорога – дело самое выгодное. Все знали, что мистер Мельмотт с жаром включился в предприятие. Многие уверяли, что железная дорога – детище самого мистера Мельмотта, что он ее изобрел, разрекламировал, вдохнул в нее жизнь и начал продавать ее акции. Хотя такие разговоры были очень несправедливы по отношению к Великому Фискеру, популярности концерну они только добавляли. В железной дороге от Солт-Лейк-Сити до Мехико, безусловно, было что-то фантастическое. Наши братья-американцы с далекого Запада, как принято считать, наделены богатым воображением. Мексика никогда не славилась среди нас финансовой надежностью или той стабильностью, которая дает четыре, пять или шесть процентов с пунктуальностью часового механизма. Однако вот Панамская железная дорога, небольшое предприятие, приносившее двадцать пять процентов. Вот великая железная дорога через континент в Сан-Франциско, на которой сделаны огромные состояния. Полагали, что знающие люди могут заработать на Великой Южной дороге не хуже, чем на других своих спекуляциях, и эту веру, безусловно, внушало участие мистера Мельмотта. Мистер Фискер, убедив своего партнера, Монтегю, порекомендовать его великому человеку, и впрямь «отрыл нефть».

Сам Пол Монтегю, которого нельзя было отнести к знающим людям, не мог понять, как продвигается дело. На регулярных собраниях совета, который никогда не заседал более получаса, Майлз Грендолл зачитывал два или три документа. Мельмотт произносил несколько неторопливых слов в том смысле, что дела идут лучше некуда, после чего все со всем соглашались, кто-то что-то подписывал, и совет расходился. Полу Монтегю все это очень не нравилось. Он не раз и не два пытался приостановить ход заседания не потому, что возражал, а «просто из желания разобраться», но брезгливое молчание председателя выбивало его из колеи, и он не находил в себе сил преодолеть сопротивление коллег. Лорд Альфред Грендолл объявлял, что «не видит в этом нужды». Лорд Ниддердейл, с которым Монтегю довольно коротко сошелся в «Медвежьем садке», толкал его локтем в бок и советовал помолчать. Мистер Когенлуп произносил короткую речь на беглом, но ломаном английском, заверяя комитет, что все делается заведенным в Сити порядком. Сэр Феликс после первых двух заседаний больше не появлялся. И так Пол Монтегю, чувствуя мучительный груз на совести, продолжал числиться одним из директоров Великой Южной Центрально-Тихоокеанской и Мексиканской железной дороги.

Не знаю, облегчало или отягчало этот груз то обстоятельство, что немедленные финансовые результаты были самые приятные. Компания не просуществовала еще и шести недель – во всяком случае, если считать с того дня, когда к ней присоединился Мельмотт, – а ему уже дважды говорили, что он может продать пятьдесят акций по сто двенадцать фунтов десять шиллингов. Пол даже не знал, сколько у него акций, но оба раза соглашался и на следующий день получал чек на шестьсот двадцать пять фунтов – столько составляла выручка от превышения номинальной цены в сто фунтов за акцию. Предложение всякий раз передавалось через Майлза Грендолла. На вопрос, как распределены акции, тот отвечал, что все определится вложенным капиталом после окончательной продажи калифорнийской собственности.

– Но судя по тому, что мы видим, – сказал Майлз, – вам нечего опасаться. Вы в самом выгодном положении. Мельмотт не советовал бы вам продавать акции постепенно, если бы не рассчитывал, что в вашем случае это будет верный доход.

Пол Монтегю ничего не понимал и чувствовал, что почва в любой миг может уйти у него из-под ног. Неопределенность и, как он опасался, бесчестность всего предприятия временами убивали его. Однако временами он почти ликовал. Те же люди, что осаживали его на заседаниях при каждой попытке задать вопрос, в остальное время были с ним чрезвычайно обходи-

тельны. Мельмотт дважды или трижды приглашал его на обед. Мистер Когенлуп уговаривал заглядывать к нему в Рикмансворт; впрочем, на эти просьбы Монтегю пока не сдался. Лорд Альфред всегда был с ним учтив, а Ниддердейл и Карбери в клубе явно старались залучить его в свой круг. Многие дома открылись перед ним по той же причине. Хотя отцом железной дороги считался Мельмотт, небезызвестно было, что с ней тесно связана фирма «Фискер, Монтегю и Монтегю» и что Пол – один из этих Монтегю. Люди как в Сити, так и в Вест-Энде считали, что он знает о железной дороге все, и обходились с ним так, будто он допущен к манне небесной. Отсюда проистекало много всего приятного. Молодой человек противостоял искушению лишь отчасти; временами он был настроен докопаться до сути, но лишь временами. Жить с деньгами было куда приятнее, чем без них. Срок, в течение которого он обещал не делать предложение Генриетте Карбери, близился к концу, и мысль, что у него будут деньги на хороший дом для жены, грела душу. К чему бы он ни стремился, чего бы ни боялся, во всем он был верен Гетте Карбери и о ней думал в первую очередь. Впрочем, знай Гетта все, возможно, она постаралась бы выбросить его из своего сердца.

Других директоров тоже грызло беспокойство и обида на главного директора, но по совершенно иным причинам. Ни сэру Феликсу Карбери, ни лорду Ниддердейлу не предложили продать их акции, и, соответственно, они не получили еще никакого вознаграждения за свои имена в списке. Они прекрасно знали, что Монтегю продавал акции. Он ничуть этого не скрывал и рассказывал сэру Феликсу, которого надеялся однажды назвать шурином, сколько именно акций продал и по какой цене. Изначальная цена одной акции составляла сто фунтов, двенадцать фунтов десять шиллингов с акции выплатили Монтегю как лаж, и считалось, что исходный капитал реинвестируется в другие акции. Все было маловразумительно, и Монтегю мог только написать Гамильтону К. Фискеру в Сан-Франциско и попросить объяснений. Ответа он не получил. Но не богатство, плывущее в руки Монтегю, озлобляло Ниддердейла и Карбери. Он действительно вложил в концерн свои деньги, а значит, имеет право что-то получать. Им не приходило в голову обижаться на Мельмотта за щедрые суммы, которые тот выплачивал себе, поскольку все знали, как велик Мельмотт. Про дела Когенлупа они ничего не слышали, но тот, как делец из Сити, возможно, тоже что-то внес. Когенлуп был загадкой, над которой не стоит даже ломать голову. Однако они знали, что лорд Альфред продал акции и получил прибыль, а лорд Альфред совершенно точно не мог внести капитала. Если лорду Альфреду можно пожить, почему нельзя им? А если их день поживы еще не настал, то почему он пришел для лорда Альфреда? Если лорда Альфреда боятся настолько, что бросили ему кость, может, они тоже могут чем-нибудь припугнуть главного директора? Лорд Альфред проводил у Мельмотта все время – стал, как говорили между собой молодые люди, его главным лакеем, за что и получал плату. Молодых людей такое объяснение не удовлетворяло.

– Вы ведь еще не продавали акции?

Такой вопрос сэр Феликс задал лорду Ниддердейлу в клубе. Ниддердейл бывал на всех заседаниях совета, и сэр Феликс боялся, что молодой лорд его обошел.

– Ни одной.

– И никакой прибыли не получили?

– Ни шиллинга. Что касается денежных дел, я пока только заплатил свою долю за обед Фискера.

– Так что же вы получаете за то, что ходите в Сити? – спросил сэр Феликс.

– Убей меня бог, если я знаю. Думаю, когда-нибудь что-нибудь заплатят.

– А они тем временем пользуются нашими именами. И Грендолл наживает на этом состоянии.

– Бедный старый осел, – сказал его милость. – Если он так разбогател, думаю, правильно будет требовать с Майлза часть долга. Надо сказать ему, что мы ждем от него денег к тому времени, как подойдет срок Фосснерова векселя.

– Да, клянусь Богом! Скажете ему?

– Конечно, он все равно не заплатит. Это было бы против его натуры.

– Раньше люди платили карточные долги, – заметил сэр Феликс. Он по-прежнему был при деньгах, и у него скопилась целая кипа чужих расписок.

– А теперь не платят – если сами не захотят. Как раньше люди выкручивались, если у них не было денег?

– Исчезали, и больше их никто не видел, – сказал сэр Феликс. – Все равно как если бы их поймали на шулерстве. Думаю, сейчас любой может передернуть, и никто ему слова не скажет!

– Я бы не сказал, – ответил лорд Ниддердейл. – Чего ради портить кровь себе и другим? Я не особо часто читаю молитвы, но я думаю, в идее прощать людей что-то есть. Конечно, передергивать дурно и дурно садиться за игру без денег, но я не знаю, хуже ли это, чем напиваться, как Долли Лонгстафф, или собачиться со всеми, как Грасслок... или жениться на какой-нибудь несчастной только ради ее капитала. Я считаю, можно жить в стеклянных домах, но не считаю, что можно кидаться камнями. Вы когда-нибудь читаете Библию, Карбери?

– Читаю Библию! Ну да... нет... в смысле, когда-то читал.

– Я часто думаю, не стал бы первым бросать камень в ту женщину. Живи и не мешай жить другим – вот мой девиз.

– Но вы согласны, что нам надо что-то сделать с акциями? – спросил сэр Феликс, думая, что доктрина прощения может завести слишком далеко.

– О да, конечно. Пусть старый Грендолл живет, я всей душой желаю ему всяческих благ, но пусть даст жить и мне. Только кто привесит кошке бубенчик?

– Какой кошке?

– Бесполезно идти к старому Грендоллу, – сказал лорд Ниддердейл, немного разбавившийся в положении дел, – да и к молодому Грендоллу тоже. Один будет только сопеть, другой наплетет, что ему в ту минуту вздумается. Кошка в данном случае – наш великий хозяин, Огастес Мельмонт.

Разговор произошел на другой день после того, как Феликс Карбери вернулся из Суффолка. Мы знаем, что ему предстояло пойти к старому Мельмотту за согласием на брак с его дочерью. Это тоже значило привесить кошке бубенчик, и сэр Феликс совершенно не хотел брать на себя еще и второй. В глубине души он боялся Мельмotta. Ему подумалось, что Ниддердейл – очень чудной малый. Говорить о Библии, о прощении грехов... да еще упомянуть женитьбу на деньгах! Ниддердейл сам хочет жениться на Мари Мельмонт и уж верно знает, что он хочет того же. Какая бестактность об этом говорить! А теперь Ниддердейл еще и спрашивает, кто подвесит кошке бубенчик!

– Вы бываете там чаще меня, так что, пожалуй, лучше пойти вам, – сказал сэр Феликс.

– Куда?

– На заседание совета.

– Но вы постоянно у него дома. Со мной он, думаю, будет вежлив, потому что я лорд, но по той же причине он будет считать меня большим болваном из нас двоих.

– Не понимаю, отчего вы так думаете.

– Я его не боюсь, если вы об этом, – продолжал лорд Ниддердейл. – Он прожженный старый негодяй, и я не сомневаюсь, что он содрал бы кожу с меня и с вас, если бы мог продать наши кости. Но поскольку он не может содрать с меня кожу, я попытаюсь. В целом, думаю, я ему скорее по душе, потому что всегда был с ним честен. Будь дело только в нем, я мог бы получить девицу завтра.

– Да неужто? – Сэр Феликс не хотел выразить сомнение в словах приятеля, просто не знал, как ответить на такое странное заявление.

– Но она не хочет за меня идти, а я не совсем уверен, что хочу на ней жениться. Хорошенькое будет дело, если денег никаких не окажется.

И лорд Ниддердейл легкой походкой вышел прочь, оставив баронета размышлять над своим намеком. Что, если он, сэр Феликс Карбери, женится на девице и обнаружит, что денег никаких нет?

В следующую пятницу – день, когда заседал совет, – Ниддердейл зашел в контору великого человека на Эбчерч-лейн, так подгадав время, чтобы вместе пойти на заседание. Мельмотт всегда был чрезвычайно любезен с молодым лордом, но до сей минуты никогда не говорил с предполагаемым зятем о деньгах.

– Я хотел вас кое о чем спросить, – сказал лорд, беря председателя под руку.

– О чем вам будет угодно, милорд.

– Вы не думаете, что мы с Карбери должны продать часть акций?

– Нет, не думаю... если вы меня спрашиваете.

– Ну... не знаю. Но отчего нам нельзя продать их, как остальным?

– Вы или сэр Феликс вложили в них свои средства?

– Ну если вы так поворачиваете разговор, то мы не вкладывали. А сколько вложил лорд Альфред?

– Акции лорда Альфреда купил я, – ответил Мельмотт с очень сильным нажимом на личное местоимение. – Если я счел нужным дать лорду Альфреду Грендоллу деньги вперед, полагаю, я могу это сделать, не спрашивая разрешения у вашей милости или у сэра Феликса Карбери.

– О да, конечно. Я не собирался визнавать, как вы распоряжаетесь своими деньгами.

– Я уверен, что не собирались, поэтому не будем об этом больше. Обождите немного, лорд Ниддердейл, и вы увидите, все будет как надо. Если вы найдете несколько лишних тысяч фунтов и вложите их в концерн, вы, конечно, сможете продавать акции, и, если они растут, продавать с прибылью. Сейчас предполагается, что в какое-то ближайшее время вы подкрепите свое право на директорский пост внесением капитала, а до тех пор акции вам выделены, но не могут быть вам переданы.

– Ясно, ясно, – сказал лорд Ниддердейл, притворяясь, будто понял.

– Если между вами и Мари все будет так, как мы надеемся, вы сможете получить практически столько акций, сколько захотите – при условии, конечно, что ваш отец согласится на желаемые условия брачного договора.

– Надеюсь, с этим все пройдет гладко, – ответил Ниддердейл. – Спасибо. Я очень вам признателен и все объясню Карбери.

Глава XXIII. Да, я баронет

Легко представить, как сильно леди Карбери хотела, чтобы ее сын немедленно отправился к отцу Мари со своим предложением.

– Мой дорогой Феликс, – сказала она, стоя у его кровати незадолго до полудня, – умоляю тебя, не откладывай. Мы не знаем, по скольким причинам все может сорваться.

– Тут первое дело – подгадать время, когда он будет в хорошем расположении духа, – возразил сэр Феликс.

– Однако, если тянуть, девушка обидится.

– Не обидится. Что мне говорить про деньги? Вот в чем главный вопрос.

– Думаю, Феликс, не надо ничего требовать.

– Ниддердейл в прошлый раз назвал сумму, ниже которой не согласится. Или не он, а его отец. Столько-то должны были выплатить еще до свадьбы, а разладилось все потому, что Ниддердейл хотел получить деньги в свое полное распоряжение.

– Но ты же согласишься с запретом тратить основной капитал?

– Да. Соглашусь при условии, что мне гарантируют доход семь-восемь тысяч годовых. На меньшее я не согласен, матушка, оно того не стоит.

– Но у тебя ничего своего нет.

– У меня есть горло, которое можно перерезать, и лоб, чтобы пустить в него пулю, – ответил сын, прибегнув к доводу, который вернее всего подействует на мать; впрочем, если бы она лучше его знала, то поняла бы, что угроза совершенно пустая.

– Ах, Феликс, мне больно, когда ты так говоришь.

– Может, и больно, но ты знаешь, матушка, дело есть дело. Ты хочешь, чтобы я женился на этой девице ради ее денег.

– Ты сам хочешь на ней жениться.

– У меня к этому отношение философское. Я хочу ее денег, а значит, надо понять, сколько именно я хочу получить – и точно ли их получу.

– Думаю, тут нет причин сомневаться.

– Если я на ней женюсь, а денег не окажется, у меня будет один выход – перерезать себе горло. Когда играешь и проигрываешь, можно отыграться, но если женишься ради денег и получаешь жену без гроша, то остаешься связанным по рукам и ногам, ты не согласна?

– Разумеется, он заплатит вперед.

– Легко сказать. Разумеется, он должен заплатить вперед, но попробуй, когда уже назначена свадьба, не пойти в церковь из-за того, что деньги еще не выплачены. Он такой продувной, что я не сумею понять, выплачены они или нет. Десять тысяч годовых в карман не положишь. Если ты уйдешь, матушка, я, возможно, подумаю о том, чтобы встать.

Леди Карбери сознавала опасность и всячески прокручивала в голове этот вопрос. Однако она видела дом на Гровенор-сквер, неограниченные расходы, скопление герцогинь, общую принятость в свете и коммерческую славу Мельмотта. И она могла сопоставить это все с абсолютной безденежностью своего сына-баронета. Ему неоткуда ждать избавления. Трудности таких, как лорд Ниддердейл, – временные. Есть фамильные поместья, и маркизат, и золотое будущее, а у Феликса впереди нет решительно ничего. Все, чем он когда-либо будет располагать, есть у него сейчас – положение в обществе, титул, красивое лицо. Уж конечно, он может рискнуть! Даже обломки нынешнего богатства Гровенор-сквер лучше нищеты. И опять-таки, хотя старый Мельмотт в будущем может обанкротиться, сейчас он несомненно богат, так что, надо полагать, обеспечит благосостояние своей дочери. На следующее утро, в воскресенье, леди Карбери вновь зашла к сыну и еще раз попыталась его убедить.

– Думаю, тебе стоит пойти на небольшой риск, – сказала она.

В субботу вечером сэру Феликсу не везло в карты, и он, возможно, немного перепил вина. Так или иначе, он был зол и не настроен никого слушать.

– Я сам разберусь со своими делами, – сказал он.

– Разве это и не мое дело тоже?

– Нет. Не ты на ней женишься и не тебе придется терпеть этих людей. Я сам решу, что мне делать, и никому не позволю мне указывать.

– Неблагодарный!

– Известное дело, я неблагодарный, когда не бегу выполнять каждый твой каприз. Ты только хуже делаешь. Из-за тебя мне еще меньше этого хочется.

– На что ты в таком случае собираешься жить? Будешь вечно сидеть на шее у меня и у твоей сестры? Не понимаю, как тебе не стыдно. Твой кузен Роджер прав. Я уеду из Лондона насовсем, и живи на что хочешь.

– Это тебе Роджер так советует? Я ничего другого от него не ждал.

– Он мой самый близкий друг.

Интересно, что подумал бы Роджер, услышь он эти слова?

– Он сварливый и назойливый скупердяй, и, если он снова полезет в мои дела, я ему прямо скажу, что о нем думаю. Право слово, матушка, эти споры у меня в спальне очень утомительны. Разумеется, это твой дом, но, раз уж ты отвела мне комнату, думаю, хотя бы в ней меня можно оставить в покое.

В своем нынешнем состоянии и в его нынешнем состоянии леди Карбери не могла объяснить сыну, что в другое время и в другом месте его не застать. Если она дожидалась, когда Феликс сойдет к завтраку, он ускользал через пять минут и возвращался под утро. Она, как пеликаниха, кормила жадного птенца собственной кровью, но ждала хоть чего-то за свою самоотверженность, за свои жертвы. Птенец был с ней, пока оставалась хоть капля крови, и тут же ускользал, не разрешая даже себя приглубить. Снова и снова ей думалось, что Роджер Карбери прав. И все же она знала, что не сумеет проявить суровость, почти ненавидела себя за слабость, но понимала, что ничего не может с собой поделать. Если он погибнет, она погибнет вместе с ним. Пусть он черств и равнодушен к ней, пусть собственными руками себя губит, не желая думать о будущем, она будет с ним до конца. Все, что она делала и терпела – все, что делает и терпит сейчас, – разве это не для него?

С возвращения из Карбери сэра Феликс бывал на Гровенор-сквер и видел мадам Мельморт и Мари, но ни разу еще не оставался с Мари наедине, так что до сих пор о помолвке ни слова сказано не было. Он не знал, как подступиться к старшей женщине. Мадам Мельморт держалась с ним как прежде; впрочем, она никогда не была особенно любезной. Она сказала ему, что к ней придет мисс Лонгстафф и что это очень неприятно, потому что молодая дама «*fatigante*»³. На это Мари объявила, что намерена любить гостью всей душой. «Пфу! – ответила мадам Мельморт. – Ты никогда никого не любишь». Тут Мари глянула на своего милого и улыбнулась. «Ах, да, это замечательно – пока не кончилось, но приятельниц у тебя никогда не было». Отсюда Феликс заключил, что мадам Мельморт по крайней мере знает о его предложении и не находит его совсем уж неприемлемым. В субботу ему принесли в клуб записку от Мари. «Приходи в воскресенье в половине третьего. Ты застанешь папеньку после ланча». Когда мать зашла к нему в спальню, записка была у него и он намеревался идти к Мельмоттам, но не сказал об этом, потому что накануне выпил слишком много вина и чувствовал себя скверно.

В воскресенье около трех он постучал в дверь на Гровенор-сквер и спросил, можно ли пройти к дамам. До того, как постучать, и даже после того, как дородный швейцар распахнул дверь, он собирался спросить, дома ли мистер Мельморт, однако в последний миг дрогнул,

³ Утомительна (фр.).

и его проводили в гостиную. Там он нашел мадам Мельмонт, Мари, Джорджиану Лонгстафф и... лорда Ниддердейла. Мари взволнованно глянула на своего избранника, думая, что тот уже поговорил с ее отцом. Феликс опустился в кресло рядом с мадам Мельмонт и принял беспечный вид. Лорд Ниддердейл продолжал заигрывать с мисс Лонгстафф – та отвечала полупрошептом, совершенно не обращая внимания на хозяйку и ее дочь.

– Мы знаем, что вас сюда привело, – сказала она.

– Я пришел, чтобы увидеть вас.

– Я уверена, лорд Ниддердейл, что вы не ожидали меня здесь застать.

– Помилуй бог, конечно, я знал заранее, потому и пришел. Великолепный дом, не правда ли?

– И вы намерены в него войти – навсегда.

– О нет. Я подумывал об этом, как люди думают вступить в адвокатскую коллегия или в армию, но не смог. Счастливеец – вон тот молодой человек. Я буду приходить сюда, потому что здесь вы. Не думаю, что вам тут понравится.

– И я не думаю, лорд Ниддердейл.

Через некоторое время Мари исхитрилась переговорить с женихом у окна неслышно для остальных.

– Папенька внизу в библиотеке, – шепнула она. – Когда пришел лорд Альфред, тому сказали, что папенька вышел.

Сэр Феликс понял, что для него все подготовили.

– Иди вниз, – продолжала Мари, – и попроси лакея проводить тебя в библиотеку.

– Подняться мне сюда снова?

– Нет, но оставь мне записку на имя мадам Дидон.

Сэр Феликс уже вполне освоился в доме и знал, что мадам Дидон – камеристка мадам Мельмонт и женщины в доме называют ее просто Дидон.

– Или пришли по почте – на то же имя. Так будет лучше. Иди прямо сейчас, скорее.

Сэру Феликсу подумалось, что за последнее время характер девушки совершенно переменялся. Он ушел, пожав руку мадам Мельмонт и поклонившись мисс Лонгстафф.

Через несколько минут он был с мистером Мельмонтом в комнате, удостоенной названия «библиотека». Великий финансист проводил здесь воскресные вечера, обычно в обществе лорда Альфреда Грендолла. Можно предположить, что он размышлял о миллионах и устанавливал цены на государственную монету и облигации для нью-йоркской, парижской и лондонской бирж. Однако в данном случае он дремал с сигарой во рту.

– Здравствуйте, сэр Феликс, – сказал великий человек. – Я думал, вы пришли к дамам.

– Я был в гостиной, но решил заглянуть к вам на обратном пути.

Мельмонт немедленно подумал, что баронет пришел спросить насчет своей доли поживы, и тут же решил держаться сурово, даже, если потребуется, грубо. Он считал за лучшее на корню пресекать любое вмешательство в свою финансовую политику, полагая, что его положение в концерне это позволяет, и по опыту знал, что те, кто только храбрится, быстро пасуют перед хамским апломбом. Вдобавок у Мельмонта обычно бывало то преимущество, что он понимал игру целиком, а те, с кем он имел дело, – в лучшем случае наполовину, а чаще не понимали совсем. Таким образом он мог бить либо на робость, либо на неосведомленность партнера, а если оба подхода не срабатывали, то на его алчность. Ему нравилось вести дела с юнцами, потому что они трусливее старших и не такие корыстные. Лорда Ниддердейла он осадил в два счета и не ждал особых трудностей с сэром Феликсом. Лорд Альфред оказался покрепче – от него пришлось откупаться.

– Я, конечно, очень рад вас видеть, сэр Феликс, и все такое, – сказал Мельмонт, поднимая брови, что, как знали все его партнеры, не сулило ничего приятного, – но обыкновенно я не занимаюсь делами по воскресеньям... и у себя дома.

Как же сэру Феликсу захотелось очутиться в «Медвежьем садке»! Он, безусловно, пришел по делу – по делу особого свойства, однако Мари говорила, что из всех дней воскресенье предпочтительнее, поскольку отец скорее будет в хорошем расположении духа. У сэра Феликса не было впечатления, что его приняли доброжелательно.

– Я не хотел вам мешать, мистер Мельмотт, – сказал он.

– Понимаю, что не хотели, просто счел за лучшее вас предупредить. Полагаю, вы пришли говорить про железную дорогу.

– О нет, конечно.

– Ваша мать в разговоре со мной выразила надежду, что вы усердно занимаетесь делами.

Я ответил ей, что заниматься там нечем.

– Моя мать ничего в этом не смыслит, – ответил сэр Феликс.

– Как все женщины. Итак, чем я могу быть вам полезен, раз уж вы здесь?

– Мистер Мельмотт, я пришел... я пришел, чтобы... короче, мистер Мельмотт, я хочу посвататься к вашей дочери.

– Фу-ты ну-ты! Посвататься!

– Да, и мы надеемся, что вы дадите свое согласие.

– Так она знает, что вы ко мне обратитесь?

– Да.

– А моя жена – она знает?

– Я никогда с ней об этом не говорил. Возможно, говорила мисс Мельмотт.

– И давно вы промеж себя столковались?

– Я полюбил ее с первого взгляда, – сказал сэр Феликс. – Честное слово. Иногда я с ней говорил. Вы знаете, как такое бывает.

– Понятия не имею. Я знаю, как должно быть. Я знаю, что, когда речь идет о крупных суммах, молодой человек, прежде чем обращаться к девушке, должен поговорить с отцом. В противном случае он дурак, если хочет получить отцовские деньги. Она дала вам слово?

– Я не могу такого утверждать.

– Считаете ли вы, что помолвлены с нею?

– Нет, если она передумает, – ответил сэр Феликс, надеясь таким образом подольститься к отцу. – Разумеется, меня это чрезвычайно огорчит.

– Она согласилась, чтобы вы пошли ко мне?

– Да, в каком-то смысле. Разумеется, она знает, что все зависит от вас.

– Ничего подобного. Она совершеннолетняя. Хочет выйти за вас – скатертью дорога. Если ничего другого вам не нужно, довольно ее согласия. Вы баронет, если не ошибаюсь?

– О да, я баронет.

– И стало быть, у вас есть собственность. Вам не надо ждать, когда умрет ваш отец, и, полагаю, деньги вас не волнуют.

Это заблуждение сэра Феликса счел необходимым развеять даже с риском вызвать недовольство.

– Не совсем так, – сказал он. – Я полагаю, вы дадите вашей дочери приданое.

– Тогда я не понимаю, отчего вы прежде не спросили меня. Если моя дочь выйдет замуж в угоду мне, я, разумеется, дам ей деньги. Сколько – сейчас не важно. Если она выйдет замуж в угоду себе, не думая про меня, я не дам ей и фартинга.

– Я надеялся, что вы согласитесь, мистер Мельмотт.

– Я еще ничего об этом не сказал. Может, и соглашусь. Вы человек светский, у вас есть титул – и, без сомнения, собственность. Если вы докажете, что ваших доходов хватит, чтобы содержать мою дочь, я по крайней мере об этом подумаю. Какая у вас собственность, сэр Феликс?

Что для такого, как Мельморт, три-четыре тысячи годовых? Или даже пять-шесть? Так смотрел на дело сэр Феликс Карбери. Владелец бесчисленных миллионов не должен спрашивать о крохах. Однако вопрос прозвучал и был со стороны предполагаемого тестя вполне законным. Во всяком случае, на него требовалось ответить. На миг сэру Феликсу подумалось, что можно сказать правду. Да, в первое мгновение будет неприятно, зато худшее сразу останется позади. Мельморт не сможет допросом с пристрастием затягивать его все глубже в трясину. Пусть даже прямой ответ покончит с его надеждами, но и мучениям тоже придет конец. Однако ему не хватило духа.

– Не очень большая, – ответил он.

– Не как у маркиза Вестминстерского, полагаю, – произнес жирный богатый негодай.

– Да, не совсем такая. – Сэр Феликс выдал жалкий смешок.

– Но ее довольно, чтобы поддерживать титул баронета?

– Зависит от того, как именно его поддерживать, – ответил сэр Феликс, оттягивая неизбежное.

– Где ваше фамильное имение?

– Наше старое фамильное имение – Карбери, в Суффолке, рядом с Лонгстафами.

– Оно принадлежит не вам, – очень резко сказал Мельморт.

– Да, еще не принадлежит. Но я наследник.

Человеку, родившемуся и выросшему вне Англии, вероятно, труднее всего понять, как и титул, и собственность переходят вместе либо по разным линиям. Юрисдикция наших судов сложна, и устройство парламента тоже, однако правила, которым они подчинены, хоть и своеобразны, но просты в сравнении с двойным своеобразием титула и майората. Те, кто вырос внутри этой системы, усваивают ее вместе с языком, но иностранцам, приступившим к ее изучению в сознательном возрасте, она дается плохо. Мельморту было жизненно важно понимать обычаи новой родины, а когда он их не понимал, то ловко прятал неведение. Сейчас он был озадачен. Он знал, что сэр Феликс – баронет, и потому считал его главой семейства. Еще он знал, что Карбери принадлежит Роджеру Карбери, и по названию заключил, что это должно быть старое фамильное имение. И теперь баронет объявляет себя наследником простого эсквайра.

– Так вы наследник? Но как он получил имение вперед вас? Вы глава семейства?

– Да, – соврал сэр Феликс. – Правда, имение отойдет ко мне лишь после его смерти. Долго объяснять.

– Он еще молод, если не ошибаюсь.

– Нет, молодым его не назовешь. Но и не особо старый.

– Если он женится и у него будут дети, то тогда?

Феликс решил осторожно сказать правду.

– Не знаю, как тогда будет. Мне всегда говорили, что наследник – я. И он вряд ли женится.

– А какова ваша собственность на сегодня?

– Отец оставил мне средства в государственных бумагах и железнодорожных акциях. И я наследник моей матери.

– Вы оказали мне честь сообщить, что хотите жениться на моей дочери.

– Да, конечно.

– В таком случае вы не откажетесь назвать источник и размер дохода, на который вы намерены содержать дом, когда женитесь? Как я понимаю, ваше положение оправдывает мой вопрос.

Жирный мошенник, гнусный делец самым бессовестным образом третировал молодого охотника за приданым. Так думал про себя сэр Феликс. Разве он не баронет, не джентльмен, не писанный красавец, не светский человек, служивший в модном полку? Если этот самодовольный денежный мешок, этот ненасытный коммерческий баклан хочет для своей дочери большего, отчего не скажет это прямо, без гаденьких вопросов, на которые джентльмену невоз-

можно ответить? Разве непонятно, что джентльмен может посвататься к дочери такого, как Мельмотт, лишь от полной финансовой безысходности? Однако этот вульгарный негодяй пользуется своей якобы властью, чтобы задавать ужасные вопросы! Сэр Феликс стоял молча, пытаясь смотреть собеседнику в лицо, но то и дело отводил глаза и мечтал сбежать отсюда в «Медвежий садок».

– По-видимому, вы не очень хорошо знаете свои денежные обстоятельства, сэр Феликс. Быть может, вы попросите своего адвоката мне написать.

– Наверное, так будет лучше всего, – ответил жених.

– Либо так, либо откажитесь от своей затеи. Моя дочь, безусловно, получит деньги; но деньги тянутся к деньгам.

Тут в комнату вошел лорд Альфред.

– Сегодня вы очень припозднились, Альфред. Почему не пришли, когда обещали?

– Я заходил час назад, и мне сказали, что вас нет дома.

– Я не выходил из комнаты весь день – кроме как на ланч. До свидания, сэр Феликс. Позвоните слуге, Альфред, мы выпьем бренди с содовой.

Сэр Феликс обменялся приветствиями с коллегой по совету директоров, лордом Альфредом, и перед уходом все же добился от Мельмотта рукопожатия.

– Вы знаете что-нибудь про этого молодчика? – спросил Мельмотт, как только закрылась дверь.

– Баронет без единого шиллинга. Служил в армии, но вынужден был уйти, – ответил лорд Альфред, утыкаясь в стакан с бренди.

– Без единого шиллинга! Так я и подумал. Но он наследник поместья в Суффолке, да?

– Ничего подобного. Просто носит ту же фамилию. У мистера Карбери там небольшое имение, и он может завтра отписать его мне. Я был бы не против, хотя имение всего ничего. Этот молодой человек не имеет к нему ни малейшего касательства.

– Вот как? – Мистер Мельмотт, размышляя об услышанном, почти восхитился наглостью молодого человека.

Глава XXIV. Триумф Майлза Грендолла

По пути в клуб сэр Феликс задышался от гнева. Наглый толстосум поставил ему шах и мат. Игра окончена. Без сомнения, он мог бы жениться на Мари Мельмотт. Ее отец сам ему это сказал. И сэр Феликс верил словам Мари, что она от него не откажется. Она любит его, что естественно, и она дурочка – что, возможно, тоже естественно. Однако для него ставкой в игре была не любовь. Когда девушки выходят замуж против родительской воли, убеждали его все, отцы их рано или поздно прощают. Может быть, с обычными отцами так и бывает. Но Мельмотт определенно не обычный отец. Он – так говорил себе сэр Феликс – негодяй, каких еще не производил свет. Сэр Феликс помнил и поднятые брови, и оскорбительное выражение лица, и жесткий рот. Он оказался совершенно бессилен перед Мельмоттом и теперь, в кэбе, костерил того на все лады.

Но как поступить? Отказаться от Мари Мельмотт, забыть дорогу в дом на Гровенор-сквер, отказаться от всяких связей с этой семьей, включая Мексиканскую железную дорогу? И тут ему пришла мысль. Ниддердейл пересказал разговор с Мельмоттом насчет акций. «Понимаете, мы ничего не внесли и не можем ничего продать. В этом что-то есть. Я объясню все родителю и попрошу его вложить тыщонку-другую. Если он поймет, что сможет получить деньги назад, то согласится, а разницу уступит мне». В воскресенье вечером сэр Феликс все это обдумал. Почему бы ему не «вложить тыщонку»? Он подсчитал в уме. Двенадцать фунтов десять шиллингов со ста фунтов! Сто двадцать пять фунтов с тысячи! Наличными! Насколько сэр Феликс понял, продав акции и получив прибыль, тысячу можно сразу же вложить в следующие. Обмозговав это в меру умственных сил, он пришел к выводу, что начинает понимать, как мельмотты мира делают деньги. Имелось лишь одно затруднение: у него не было тысячи. Однако в целом удача к нему благоволила. Более половины требуемой суммы лежало у него в банке, и гораздо больше набиралось расписками Долли Лонгстаффа и Майлза Грендолла. Если бы те рассчитались (сэр Феликс кипел негодованием при мысли, что не может получить своего), он мог бы купить акции завтра и все равно остаться при деньгах. Разве этим он не опровергнет обвинения Мельмотта, что у него нет средств? Надо будет вытрясти деньги из Долли Лонгстаффа, и, хотя с Майлза Грендолла ничего требовать не удастся, не исключено, что из его расписок все же удастся извлечь пользу. Майлз – секретарь совета директоров, вдруг он сумеет устроить так, чтобы внести наличными лишь часть суммы? Сэр Феликс очень смутно представлял, как это происходит, но рассчитывал, что такое возможно через Майлза Грендолла, если на того надавить. «Как же я ненавижу тех, кто не платит карточные долги», – сказал он, сидя один в клубе и дожидаясь, когда придет кто-нибудь из друзей. И сэр Феликс принялся сочинять драконовские законы против тех, кто проигрывает и не платит. «Не понимаю, как им не стыдно смотреть человеку в лицо», – негодовал он.

Мысль, что он покажет себя Мельмотту капиталистом, так понравилась сэру Феликсу, что в конце концов он решил не отказываться от сватовства и написал Мари Мельмотт следующую записку:

Дорогая М.!

Твой отец взбеленился из-за денег. Возможно, будет лучше, если ты поговоришь с ним сама или попросишь матушку.

Всегда твой

Ф.

Записку, как велела Мари, он адресовал мадам Дидон на Гровенор-сквер и отправил из клуба. По крайней мере, написанное ни к чему его не обязывало.

По воскресеньям в восемь часов вечера члены клуба устраивали так называемый товарищеский обед. За стол садились пять или шесть человек, потом всегда играли в карты. По этому случаю Долли Лонгстафф заявился около семи за хересом с горькой настойкой, и Феликс счел это удачным случаем поговорить о деньгах.

– Вы не могли бы завтра отдать мне деньги по вашим распискам? – спросил он.

– Завтра! Бог мой!

– Я объясню почему. Я считаю вас другом, поэтому ничего не буду от вас скрывать. Я хочу жениться на дочери Мельмотта.

– Мне говорили, что она достанется вам.

– Я ничего про это не знаю, однако в любом случае попытаюсь. Как вы знаете, я в совете директоров.

– Я ничего про это не знаю, старина.

– Знаете, Долли. Помните американца, друга Монтегю, который как-то был здесь и выиграл все наши деньги?

– Он был в ужасном жилете и уехал утром в Калифорнию. Отправиться в такую даль после трудной ночи! Я все гадал, добрался ли он живым.

– Так вот... все объяснить я не смогу, потому что вы такого не выносите.

– И потому что я такой дурак.

– Я не считаю вас дураком, но объяснение заняло бы неделю. Мне совершенно необходимо выкупить завтра кучу акций. Хотя, может быть, в среду будет еще не поздно. Я должен за них заплатить, иначе старый Мельмотт будет думать, что я на мели. Собственно, он так и сказал. И деньги – единственное препятствие для моего брака с его дочерью. Теперь вы понимаете, как это важно?

– Иметь много денег всегда важно, это я понимаю.

– Я не стал бы покупать акции, не будь это дело верное. Вы ведь знаете, сколько мне задолжали?

– Понятия не имею.

– Примерно тысячу сто фунтов!

– Не удивлен.

– А Майлз Грендолл должен мне две тысячи. Грасслок и Ниддердейл, когда проигрывают, всегда платят его расписками.

– Если б у меня они были, я бы тоже ими платил.

– Все идет к тому, что ничем другим расплачиваться не будут, а они на самом деле ничего не стоят. Не понимаю, какой смысл играть, двигая через стол никчемные бумажки. А сам Грендолл даже и не стыдится.

– Нисколько, я бы сказал.

– Так вы же постараетесь добыть мне деньги, Долли?

– Мельмотт дважды на меня наседали. Хочет, чтобы я согласился что-то продать. Он старый ворюга и наверняка хочет меня ограбить. Можете ему сказать, если он устроит дело по моему, вы получите свою тысячу.

– Вы можете это написать – по-деловому.

– Не могу, Карбери. Какой прок? Я никогда не пишу писем. Это выше моих сил. Просто скажите ему: если с продажой выгорит, я рассчитаюсь.

Майлз Грендолл тоже обедал в клубе, и после обеда, в курительной, сэр Феликс завел с ним деловой разговор. Начал он с необычной для себя вежливостью, полагая, что Майлз имеет влияние на великого распределителя акций.

– Я собираюсь выкупить свои акции в компании, – сказал сэр Феликс.

Майлз издал неопределенный звук и с головы до ног окутался дымом.

– Я не все до конца понял, однако Ниддердейл говорил с Мельмоттом, и тот объяснил. Думаю внести тысячи две в среду.

Майлз вновь издал неопределенный звук.

– Это ведь будет правильно?

– Да... очень правильно! – С каждой фразой сэра Феликса Майлз все усиленнее выпускал дым.

– Обязательно нужно вносить наличные?

– Обязательно. – И Майлз покачал головой, словно осуждая такой ужасный порядок.

– Полагаю, директорам позволено вносить за акции залог? Скажем, пятьдесят процентов?

– Вам дадут половину акций, что то же самое.

Сэр Феликс так и эдак повертел услышанное в голове, но утверждение Майлза ни с какой стороны не выглядело истинным.

– Вы же понимаете, я хочу продать их снова – ради прибыли.

– А, так вы хотите снова их продать.

– И поэтому мне нужны все акции.

– Можно продать половину, – сказал Майлз.

– Я намерен начать с десяти акций – то есть с тысячи фунтов. Деньги у меня есть, но я не хочу столько снимать. Можете устроить, чтобы я внес за акции половину?

– Мельмотт все делает сам.

– Вы можете ему объяснить, что немножко мне задолжали.

Сэр Феликс сказал так, полагая это деликатным способом надавить на секретаря.

– Это личное, – нахмурился Майлз.

– Конечно личное, но, если вы заплатите мне деньги, я смогу купить на них публичные акции.

– Я считаю, нам не следует смешивать одно с другим, Карбери.

– Вы не можете мне помочь?

– Таким способом не могу.

– Если так, черт побери, когда вы собираетесь заплатить мне долг?

Бесстрастность должника довела сэра Феликса до белого каления, и он выразил свое требование напрямую. Человек не платит долги чести, даже не предлагает способ их погасить, и еще имеет наглость говорить, что не надо смешивать личные отношения с деловыми! Какая низость! Майлз Грендолл молча курил. Ответить на вопрос было трудно, поэтому он не отвечал.

– Вы знаете, сколько мне должны? – продолжал баронет, намереваясь не останавливать натиск, раз уж начал.

В курительной было довольнолюдно, и разговор об акциях начался на полутонах. Последние два вопроса сэр Феликс задал шепотом, но по его лицу было видно, что он в бешенстве.

– Конечно знаю, – ответил Майлз.

– И?

– Я не буду говорить об этом здесь.

– Не будете говорить здесь?

– Да. Это общественная комната.

– А я буду, – сказал сэр Феликс, повышая голос.

– Кто-нибудь хочет пойти наверх и сыграть на бильярде? – спросил Майлз Грендолл, вставая.

Он медленно вышел из комнаты, предоставив сэру Феликсу мстить, как тот пожелает. Сэр Феликс подумал было громко изобличить наглеца, но побоялся. Майлза Грендолла в клубе любили больше, чем его.

Был воскресный вечер, тем не менее часов в одиннадцать картежники собрались за ломберным столом. Здесь был Лонгстафф, и с ним два лорда, и сэр Феликс, и Майлз Грендолл, конечно, и, как ни печально, куда лучший человек, чем они все, Пол Монтегю. Сэр Феликс очень сомневался, садиться ли с ними. Что толку играть с наглецом, которого общее мнение избавляет от обязанности платить? Но если не играть с ними, где он найдет другую компанию? Начали с виста, но скоро перешли к мушке. Самым малоуважаемым в этом братстве был Майлз Грендолл, но именно из-за его назойливых просьб они отказались от более благородной игры. «Давайте продолжим в вист, мне нравится быть выходящим», – сказал Грасслок на первое предложение. «Куда веселее время от времени сидеть без карт; всегда можно делать ставки», – ответил Долли на второе. «Ненавижу мушку», – сказал сэр Феликс после третьего. «Мне больше по душе вист, – заметил после четвертого лорд Ниддердейл, – но, если другие хотят, я согласен на любую игру – хоть пристенок». Однако Майлз Грендолл настоял на своем, так что мушка победила.

Примерно к двум ночи Грендолл был единственным выигравшим. Играли не то чтобы по-крупному, тем не менее выиграл он много. Всякий раз, как набирался большой банк, Майлз Грендолл загребал его себе. Остальные не сильно печалились: до сих пор ему не везло, и теперь они могли расплачиваться с ним его же расписками, с которыми расставались без жалости. Даже у Долли Лонгстаффа имелись его расписки. Не было их только у Монтегю, и, пока суммы были маленькими, ему позволяли платить наличными. Однако сэра Феликса злило, что деньги уходят Майлзу Грендоллу, из которого их потом не вытрясти. «Монтегю, – сказал он, – поменяйте мне их на время. Если к концу игры они у вас еще останутся, я выкуплю их обратно». И он придвинул Монтегю стопку Майлзовых расписок. В результате Феликс получил бы наличные, а Майлз – свои бесполезные бумажки. Для Монтегю это разницы не составляло, и он поступил, как просили, – вернее, поступил бы, не вмешайся Майлз. По какому праву сэр Феликс встречается между ним и другим человеком?

– Не понимаю, – сказал он. – Когда я выиграю у вас, Карбери, я буду принимать свои расписки, пока они у вас есть.

– Какая любезность!

– Но я не позволяю их обменивать.

– Тогда оплатите их сами. – И сэр Феликс выложил на стол пачку расписок.

– Давайте не будем ссориться, – сказал лорд Ниддердейл.

– Карбери вечно затевает ссоры, – заметил Грасслок.

– Известное дело, – согласился Майлз Грендолл.

– Я затеваю ссоры не чаще других, но я говорю, у нас кипа этих бумажек, за которые мы ничего не получим, и не дело, чтобы Грендолл ушел с деньгами.

– Кто куда-нибудь уходит? – спросил Майлз.

– И отчего деньги Монтегю должны достаться вам, а не нам? – спросил Грасслок.

Они еще поспорили и сошлись вот на чем. Обменивать расписки Майлза, как пытался сэр Феликс, не дозволяется. Но мистер Грендолл поручился честью, что до того, как все разойдутся, потратит выигрыш на погашение своих расписок в пропорции к тому, сколько их у кого есть. Сэра Феликса такое решение крайне разозлило. Он знал, что в шесть или семь утра они будут не в состоянии вести финансовые расчеты – с которыми и так бы без счетовода не справились, – и не сомневался, что Майлз, если будет выигрывать и дальше, уйдет с наличностью.

Довольно долго он молча метал карты, почти все время проигрывая, но помалу, и наблюдал за столом. Сидел он рядом с Грендоллом и вроде бы заметил, что сосед отодвигается со стулом все дальше и дальше от него, ближе к Долли Лонгстаффу с другой стороны. Так продолжалось около часа. Грендолл по большей части выигрывал, в основном у Пола Монтегю.

– В жизни не видел, чтобы человеку так шла карта, – заметил Грасслок. – Вам почти в каждую сдачу приходит по два козыря!

– Я много сдач пропустил, – возразил Майлз.

– Всякий раз, как я играл, вы оставляли меня без единой взятки, – сказал Долли.

– Не завидуйте моей удаче, я столько проигрывал, – ответил Майлз.

С начала вечера он уничтожил своих расписок более чем на тысячу фунтов и, что было для него важнее, заполучил кучу вожделенных наличных.

– Что проку об этом говорить? – сказал Ниддердейл. – Ненавижу ссоры из-за выигрышей и проигрышей. Давайте играть дальше или разойдемся спать.

Предложение разойтись было полнейшей нелепостью, и они продолжили игру. Сэр Феликс, впрочем, по большей части молчал, играл очень мало и незаметно наблюдал за Майлзом Грендоллом. Наконец он вроде бы увидел точно, что Майлз спрятал карту в рукав, и вспомнил, что все последние взятки тот брал тузами. Первой мыслью сэра Феликса было броситься на Майлза и схватить того за руку. Однако он побоялся – Грендолл был крупнее его, и что, если карты в рукаве не окажется? И опять же, в потасовке останется по крайней мере тень сомнения, за которую товарищи поспешат ухватиться. Грасслок – друг Грендолла, Ниддердейл и Долли Лонгстафф лучше отдадут деньги шулеру, чем признают, что кто-то в их кругу может передернуть. Сэр Феликс боялся и драки с более сильным Майлзом, и благодушия остальных. Понимая, что случай уходит, он стал смотреть дальше, и вновь на его глазах карта исчезла в рукаве. На третий раз он уже не понимал, как остальные этого не видят. Всякий раз, как Майлзу приходил черед сдавать, он подменял карту. Феликс присмотрелся внимательнее и теперь был уверен, что тот почти в каждом круге хотя бы раз берет взятку тузом. Ему представлялось, что ничего не может быть легче. Наконец, сославшись на головную боль, сэр Феликс встал и ушел, оставив товарищей играть. Он спустил почти тысячу фунтов, но все они были в расписках.

– Что-то с ним не так, – заметил Грасслок.

– С ним всегда что-то не так, – сказал Майлз, упиваясь своим успехом. – У него одна корысть в голове.

– Чем меньше об этом говорить, Грендолл, тем лучше, – ответил Ниддердейл. – Сами знаете, мы со многим мирились, и он не меньше других.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.